150 1/12

~~24 5/7~~

150 1/12

~~Чет. Зал.~~

[illegible]

№ 245/7

150 1/12

ИСТОРІЯ

СѢВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

ДО ПОЛОВИНЫ XIV СТОЛѢТІЯ.

Соч. Петра Голубовскаго.

Удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго Университета Св. Владиміра золотой медали.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. І. ЗАВАДЗКАГО).
1881.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета университета Св. Владиміра.

(Отдѣльный оттискъ изъ Сборника сочиненій студентовъ университета Св. Владиміра).

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
1239 - 30

ИСТОРІЯ СѢВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ ДО ПОЛОВИНЫ XIV В.

„И нынѣ, господа отци и братья, оже гдѣ ся буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ".

(Лавр. Лѣтопись. Стр. 463—4).

I.

Очеркъ Сѣверянской колонизаціи.

Вся мѣстность къ востоку отъ Днѣпра представляетъ возвышенную плоскость, перерѣзываемую долинами рѣкъ Дона и Донца, текущими къ югу, благодаря наклону ея въ этомъ направленіи, а въ западной части долинами рѣкъ Десны и Сожа, направляющимися къ юго-западу, вслѣдствіи наклона ея въ этомъ направленіи. Вся сѣверная часть этой плоскости покрыта была въ древности дремучими лѣсами, занимавшими верхнее теченіе Десны и ея сѣверныхъ притоковъ, а также бассейнъ Оки и Волги. Къ югу характеръ мѣстности нѣсколько измѣнялся. Въ бассейнѣ Десны шли еще лѣса, остатки которыхъ можно видѣть еще и теперь на нижнемъ ея теченіи въ видѣ довольно большихъ заросшихъ пространствъ; въ другихъ-же мѣстахъ поросли кустарниковъ, группы деревьевъ, свидѣтельствуютъ о когда-то бывшихъ здѣсь лѣсныхъ чащахъ. Лѣса, шедшіе по бассейну Десны, соединялись на востокѣ съ лѣсами бассейна Дона, отъ которыхъ теперь осталось немного, но которые еще въ XVII в. сохранялись тамъ. О существованіи лѣсовъ въ данной мѣстности въ древнее время свидѣтельствуетъ лѣтопись, помѣ-

щая близъ рѣки, Оскола, на Дону „Черный Лѣсъ“ [1]). Затѣмъ въ XVII в. упоминаются по Донцу и Дону Разумянскій и Пузацкій лѣса [2]). Еще далѣе къ югу мѣстность переходила въ степь. Среди этихъ дремучихъ лѣсовъ протекали многоводныя рѣки: Десна съ своими притоками Сновью, Сеймомъ, и брали начало Донъ и его притокъ, Донецъ, идущіе къ Азовскому морю, небольшими волоками соединяющіеся съ Сеймомъ и Волгой. Первый волокъ у верховья Сейма и Донца, второй у изгиба Дона и Царицина на Волгѣ. Такимъ образомъ бассейнъ Десны соединялся съ Каспійскимъ и Азовскимъ морями. На сѣверѣ Десна своими верховьями сближалась съ областью Оки чрезъ Угру, или своимъ притокомъ, Нерусой, съ Орликомъ, притокомъ Оки. Донъ, въ свою очередь, своими верховьями подходилъ къ Окской системѣ. Десна-же соединяла эту мѣстность съ Днѣпромъ, а чрезъ него съ Чернымъ моремъ. Въ настоящее время бо́льшая часть этихъ рѣкъ негодна для судоходства, въ особенности притоки. По нѣкоторымъ изъ нихъ теперь совершается сплавное судоходство, и только Донъ и Десна, и то не на всемъ теченіи, носятъ небольшія суда даже вверхъ. Но не то было въ прежнее время: находимые до сихъ поръ обломки большихъ судовъ въ Замглаѣ и у верховьевъ Остра [3]), показываютъ ихъ прежнюю многоводность. Благодаря обилію лѣсовъ, глубокимъ рѣкамъ, богатству естественныхъ произведеній и своему географическому положенію, эта мѣстность должна была издавна имѣть населеніе, для развитія культуры котораго были всѣ данныя.

Въ этой-то мѣстности, по рѣкамъ, Деснѣ, Семи (Сейму) и Сулѣ, жило славянское плѣмя Сѣверянъ [4]). Такъ нашъ древній лѣтописецъ опредѣляетъ область Сѣверскаго поселенія, обозначая этимъ не болѣе, какъ его центральныя части.

Но еще раньше нашего лѣтописца, мы находимъ извѣстіе греческаго географа, Птоломея, жившаго во II столѣтіи послѣ Р. Х., о народѣ Савари (Savari), помѣщаемомъ имъ приблизительно въ той-же мѣстности [5]). Это упоминаніе, какъ мы увидимъ ниже, оказывается для

---

[1]) Лѣт. Ипат. стр. 368—9.

[2]) Книга большаго чертежа. Стр. 28 и д.

[3]) См. Промышленность древн. Руси. Аристова.

[4]) Ипатск. Лѣт. стр. 4; Лавр. Лѣт. стр. 6.

[5]) Вотъ что говоритъ Птоломей, перечисляя различные народы те-

насъ не безъинтереснымъ. Въ той области, которую очертилъ лѣтописецъ, Сѣверяне не оставались: самое положеніе страны, занимаемой ими, способствовало разселенію ихъ во всѣ стороны, а существованіе вблизи такихъ пунктовъ, которые за долго до Р. Х. славились торговлей, служило притягательной силой для этого движенія. Къ югу ихъ должно было тянуть развитіе торговли по берегамъ Азовскаго и Каспійскаго морей, съ другой стороны они должны были стремиться на сѣверъ, въ область своихъ сосѣдей, Муромы, Мери, и родственныхъ славянскихъ племенъ, Вятичей и Радимичей. Но однако-же разселеніе по двумъ этимъ направленіямъ шло не въ одинаковой степени. Сначала колонизація на сѣверъ, въ область Муромы, Мери, Радимичей и Вятичей, шла исключительно съ цѣлью добыванія мѣховъ, никакіе другіе интересы не побуждали къ укрѣпленію Сѣверянскихъ колоній въ этихъ областяхъ, между тѣмъ къ югу тянуло процвѣтаніе береговъ Азовскаго и Чернаго морей въ промышленномъ и культурномъ отношеніи. Тутъ мы опять натыкаемся на извѣстіе въ таблицѣ Певтингера, что около Дона есть край Саврика (Saurica) [1]), а Гвидо Равенскій говоритъ, что около Океана (вѣроятно Чернаго моря) есть государство (patria) Роксолановъ, Савриковъ и Савроматовъ [2]). Доказанное славянство Роксолановъ [3]), сходство именъ Сѣверянъ, Савировъ и Савриковъ, заставляетъ насъ не упускать изъ вида этихъ данныхъ при дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что они подкрѣпляются болѣе раннимъ извѣстіемъ, также о сплошномъ населеніи по бассейну Дона, Птоломея, который у изгиба послѣдней рѣки помѣщаетъ Танаитовъ, т. е., Донцовъ, еще нѣсколько другихъ племенъ и у устья Дона, по берегамъ Азовскаго моря, Роксолановъ [4]). Такимъ образомъ эти различныя племена, разрозненныя, или нѣтъ, до Р. Х. какъ-бы являются

перешней Россіи: „изъ нихъ болѣе восточные Кареоты и Сали, за ними Агатирси. Послѣ Аорси и Пагириты; за ними Савари и Бонески до Рифейскихъ (Уральскихъ) горъ“ (Scarb. Dipl. p. 15). Такимъ образомъ народъ Савары, по Птоломею, жилъ гдѣ-то въ восточной части Россіи и отдѣлялся отъ Уральскихъ горъ однимъ народомъ, Бонесками, слѣд. область Савировъ совпадаетъ съ областью Сѣверянъ, которые жили даже на Волгѣ.

[1]) Scarb. diplm. стр. 17.

[2]) Ibidem.

[3]) См. Разысканія о началѣ Руси. Д. Иловайскаго.

[4]) Scarb. diplm. стр. 15 и 16.

въ христіанскую эпоху въ видѣ государства, основаннаго на федеративныхъ началахъ. Это извѣстіе о ихъ федераціи, можетъ быть, указываетъ на то, что всѣ эти племена, Оѳалоны, и Осиліи, и Савиры. принадлежали вмѣстѣ съ Роксаланами къ одному славянскому корню, Въ послѣднемъ извѣстіи Танаиты, можетъ быть, совпадаютъ съ Савирами предъидущаго: послѣдніе могли быть такъ извѣстны въ древнее время потому, что Донъ бралъ свое начало въ ихъ области, что они преимущественно занимали его бассейнъ своими поселеніями. Какъ-бы то ни было, мы переходимъ теперь къ позднѣйшимъ Арабскимъ извѣстіямъ, которые прольютъ намъ еще болѣе свѣта на подонскія поселенія.

Въ позднѣйшее время Роксоланы являются подъ именемъ Руссовъ, территорія которыхъ лежитъ по берегу Азовскаго моря: у нихъ явилась и Тмуторакань [1]). Извѣстія объ этихъ Руссахъ мы встрѣчаемъ у Арабовъ рядомъ съ извѣстіями ихъ о славянахъ, подчиненныхъ Хазарскому царству. Отъ нихъ мы узнаемъ, что по Волгѣ и Дону были славянскія поселенія. Такъ всѣ они называютъ Волгу и Донъ славянскими рѣками [2]), что могло произойти только въ такомъ случаѣ, если рѣки эти принадлежали славянскому населенію. Когда въ VIII столѣтіи происходила борьба между Арабами и Хазарами, то арабскій полководецъ дошелъ до Славянской рѣки и напалъ на Славянъ, разоривши до 20000 домовъ [3]). Рѣка, у которой онъ остановился, должна была быть Дономъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ дошелъ-бы до самой столицы Хазарскаго царства, Итиля. Къ ряду этихъ извѣстій относится замѣтка другаго арабскаго писателя первой половины X в., который говоритъ, что „между большими и извѣстными рѣками, впадающими въ море Понтусъ, находится одна, называемая Танаисъ, которая приходитъ съ сѣвера. Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ славянскимъ и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ“ [4]).

---

[1]) См. Разысканія о началѣ Руси. Д. Иловайскаго.

[2]) Гаркави. Стр. 49, 76, 251.

[3]) Ibidem. Стр. 35, 76.

[4]) Ibidem. Стр. 140. Мнѣ кажется, что недовѣріе г. Гаркави къ арабскому извѣстію объ уводѣ въ плѣнъ 20000 человѣкъ и о поселеніи ихъ въ Кахетіи, или о разореніи такого-же числа домовъ (какъ гласитъ другой варьянтъ), можетъ быть легко устранено. Свое сомнѣніе онъ основываетъ во первыхъ на томъ, что арабскій полководецъ не могъ такъ далеко про-

Наконецъ самое Азовское море, выше названное русскимъ, получаетъ названіе Славянскаго [1]).

Такимъ образомъ, по извѣстію Арабовъ, видно, что по Дону, Волгѣ и берегамъ Азовскаго моря жило Славянское племя.

Обратимся теперь къ другимъ фактамъ.

Когда въ 912—13 году Кіевскіе Руссы явились на своихъ судахъ къ устью Азовскаго моря, т. е., къ Керченскому проливу, то просили позволенія у Хазарскаго кагана пройти чрезъ него, войти въ Донъ и проплыть по Волгѣ въ Каспійское море, перетащивши, конечно, волокомъ свои суда изъ Дона въ Волгу. Это позволеніе было дано, и Руссы совершили свой знаменитый набѣгъ на южныя страны [2]). Такое обстоятельство заставляетъ насъ предполагать, что Керченскій проливъ былъ укрѣпленъ, что на его обоихъ берегахъ были построены крѣпости или города. Дѣйствительно въ картахъ XI вѣка мы встрѣчаемъ на юго-восточномъ берегу городъ Таматарху, нашу Тмуторакань. Онъ начинаетъ быть извѣстенъ въ нашей лѣтописи со второй половины X в., именно съ 988 г. [3]).

Слѣдя за исторіей Сѣверской земли, мы невольно замѣчаемъ какую-то глубокую связь между ею и послѣднимъ городомъ. При раздѣлѣ удѣловъ въ 1054 году Тмуторакань была причислена къ удѣлу Сѣверской земли во все время своего существованія сохраняла съ нею тѣсную, неразрывную связь. Это является не простымъ случаемъ, а есть слѣдствіе родственности Тмутораканскаго населенія съ населеніемъ Сѣверской земли. Память о ней сохранялась даже въ XII в. и осталась въ литературномъ произведеніи, „Словѣ о полку Игоревѣ“: „дивъ кричитъ

никнуть на сѣверъ, чтобы достигнуть подвластныхъ Хазарамъ славянскихъ племенъ, а что жившіе въ Хазаріи Славяне жили только въ Итилѣ. Затѣмъ предполагаетъ, что плѣнные Славяне могли быть въ войскѣ царя. Но извѣстно, что Руссы жили по берегамъ Азовскаго моря, а Славянство ихъ очевидно изъ массы другихъ извѣстій. Далѣе. Извѣстіе о многочисленномъ племени Славянскомъ по Танаису ясно указываютъ на тотъ-же самый фактъ. Въ Итилѣ могло жить только торговое сословіе. Войско у кагана могло набираться дѣйствительно изъ ближнихъ Славянъ, и это входило въ ихъ государственную повинность.

[1]) Ibidem. стр. 251.

[2]) Ibidem. стр. 131.

[3]) Лѣт. Ипатск. стр. 83.

на верху дерева, заставляя обратить вниманіе (на походъ Игоря) Волгѣ и Поморью, Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутороканъ“ [1]). Въ этихъ словахъ заключается обращеніе ко всему тому, что̀ утеряли Славяне при наплывѣ въ южныя степи кочевниковъ: и Волжскія, и Поморскія поселенія и „тебя Тмутороканъ“!

Наконецъ, въ нашемъ вопросѣ важную услугу оказываетъ археологія: „можно указать на положительное сходство въ орнаментаціи и самой конструкціи вещей Кубанской и Терской области съ нѣкоторыми пряжками и фибулами позолоченными изъ Черниговскихъ Кургановъ (Гульбища и др. [2]). Постараемся теперь свести всѣ собранныя нами данныя. Арабскіе писатели говорятъ намъ о сплошномъ Славянскомъ населеніи по Дону, а ходъ исторіи и археологія подтверждаютъ родственность его съ Сѣверянами. Этотъ выводъ вмѣстѣ съ сходствомъ именъ Савриковъ, Савировъ и Сѣверянъ заставляетъ думать, что Певтингеровы таблицы, Гвидо Равенскій и Птоломей говорятъ о тѣхъ-же поселеніяхъ, что̀ и Арабы, т. е, что эти поселенія принадлежали Сѣверянамъ и были тамъ уже въ первые вѣка христіанства, если еще не раньше. По крайней мѣрѣ можно утверждать, что Сѣверяне занимали свою территорію гораздо раньше предполагаемаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная [3]).

---

[1]) „Слово“ изданіе Тихонравова.

[2]) Труды III Арх. Съѣзда. Рефератъ г. Кондакова: „Мелкія древности Кубанской и Терской области“.

[3]) Лѣтопись (какъ-бы) производитъ Сѣверянъ, Кривичей и Полочанъ отъ Ильменскихъ Славянъ. Основываясь на ея извѣстіяхъ, г. Бѣляевъ въ въ своей „Исторіи города Полотска“ дѣлаетъ эти племена колонистами Ильменскихъ Славянъ. На основаніи этого-же, г. Соловьевъ предполагаетъ, что при переселеніи съ Дуная Славянскія племена двигались сначала по правой сторонѣ Днѣпра, дошли до области Озера-Ильменя, затѣмъ, снова поворотивъ на югъ, двинулись уже по лѣвой сторонѣ и дали Кривичей и Сѣверянъ (Ист. Рос. т. I, стр. 45.). Но переселеніе съ Дуная является не болѣе, какъ легендой, объясненіе которой, вполнѣ вѣроятное, мы находимъ у г. Барсова. Если было переселеніе, то только съ юго-востока, изъ Азіи, общей родины всѣхъ народовъ. Двигаясь съ этой стороны, славянскія племена должны были разселяться постепенно, при чемъ передовыя должны были, подъ напоромъ заднихъ, уходить все далѣе и далѣе на западъ и сѣверъ, аза ними разсе лялись остальныя по порядку своего шествія. За-

Наша лѣтопись вообще темно говоритъ о первоначальной исторіи Руси, въ особенности объ ея юго-восточныхъ окраинахъ, но судя по нѣкоторымъ позднѣйшимъ фактамъ, можно найти и тутъ подтвержденіе сдѣланнаго нами вывода о сплошномъ Славянскомъ населеніи по Дону.

Извѣстно то торговое значеніе этихъ мѣстностей въ самое отдаленное время, которое было притягательной силой для славянскаго населенія. Эта торговля осталась даже и послѣ занятія кочевниками южно-русскихъ степей. Гораздо позднѣе въ XII в. мы встрѣчаемъ на югѣ торговые пути: Залозный, Соляной и Греческій. Эти пути должны быть отнесены къ очень давнему времени. Пути предполагаютъ необходимо существованіе мѣстъ стоянки, потому что неестественно, чтобы на протяженіи отъ Канева до Дона и на всемъ теченіи послѣдняго не было укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ-бы товары могли укрыться отъ кочевниковъ. Это заставляетъ предполагать существованіе поселеній въ южныхъ степяхъ и особенно по Дону, которое нельзя не признать остатками прежняго сплошнаго населенія въ его бассейнѣ. Мы уже видѣли городъ Тмуторакань. Далѣе по Дону мы встрѣчаемъ городъ

нимавшія самыя юго-восточныя окраины должны были находится въ самомъ концѣ этого шествія. Во всякомъ случаѣ судить о подобныхъ фактахъ почти невозможно, и мое предположеніе есть только указаніе на возможный фактъ, противорѣчащій теоріи гг. Соловьева и Бѣляева. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописи племя Сѣверянъ является совершенно самостоятельно. Во первыхъ при перечисленіи славянскаго языка (Ипат. Лѣт. стр. 6; Лавр. стр. 10), во вторыхъ при разселеніи: „и сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ и прозвашася Сѣверяне". (Ibidem. стр. 4 и 5.). Это ясно указываетъ, что Сѣверяне, при движеніи Славянскаго племени, самостоятельно сѣли по Деснѣ и ея притокамъ, и не составляли отрасли Ильменскихъ Славянъ, которыхъ нельзя здѣсь разумѣть подъ общимъ Славянскимъ племенемъ. Лѣтописное выраженіе „таже отъ нихъ" означаетъ не болѣе, какъ „за ними послѣ нихъ" (птоломеево „sub quibus"). Въ Лавр. Лѣтописи это мѣсто читается даже такъ: „таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣ-Озерѣ сѣдять Весь". Далѣе, сходство въ общественномъ строѣ, чѣмъ г. Бѣляевъ хочетъ доказать происхожденіе Полочанъ отъ Новгородцевъ, было вызвано одинаковыми жизненными условіями, въ которыхъ находилось то и другое племя: Новгородъ былъ торговымъ центромъ на Волховѣ, Полоцкъ игралъ ту-же роль на Двинѣ, могъ торговать и съ Новгородомъ, что и вызвало происхожденіе въ немъ одинаковыхъ общественныхъ учрежденій.

Саркелъ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ Бѣлой-Вежей. Что это былъ за городъ? Было-ли это цѣлое поселеніе или только укрѣпленіе?

По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго, этотъ городъ, Саркелъ, построенъ греческими инженерами по просьбѣ Хазарскаго кагана, какъ оплотъ со стороны кочевниковъ, занявшихъ къ тому времени южныя степи. Такимъ образомъ Саркелъ является просто укрѣпленіемъ, выросшимъ вдругъ на берегахъ Дона. Если-бы это было такъ, то оно бы навсегда и осталось съ такимъ значеніемъ и было-бы только занято гарнизономъ, а жителей имѣть не могло, потому что селиться около него было не безопасно, а само укрѣпленіе не могло быть обширно, если только оно было построено съ цѣлью передоваго поста.

Странный фактъ мы встрѣчаемъ при извѣстіи нашей лѣтописи объ этомъ Саркелѣ, противорѣчащій нѣсколько ея характеру. Сколькобы она не приводила иностранныхъ именъ, они являются, хотя искаверканныя, но всё таки цѣликомъ, между тѣмъ тутъ мы не встрѣчаемъ и упоминанія о Саркелѣ, а только о Бѣлой-Вежѣ; отсюда ясно, что имя-Саркелъ-лѣтописи извѣстно не было, а она знала этотъ городъ подъ именемъ Бѣлой-Вежи. Это наводитъ на предположеніе, что первоначальное названіе его есть славянское, и впослѣдствіи, со времени подчиненія Сѣверянъ Хозарамъ, послѣдніе перевели его дословно словамъ—„Саркелъ“, что, по объясненію ученыхъ означаетъ „Бѣлый городъ“. Если это такъ, то первоначально это было славянское населеніе, стоявшее на важномъ мѣстѣ у изгиба Дона, благодаря которому было важно по своему торговому положенію. Желаніе обезопасить этотъ торговый пунктъ, гдѣ совершался волокъ изъ Дона въ Волгу, и заставило Хазарское правительство укрѣпить его, обнести „городомъ“, т. е., построить стѣны. Наша мысль подтверждается переселеніемъ жителей Бѣлой Вежи въ 1117 году въ Русь [1]), въ Сѣверскую область, что̀ служитъ доказательствомъ славянства ея населенія и родства съ Сѣверянами [2]). Выходцы поселились у верховьевъ Остра, гдѣ въ XVII в. было городище Бѣлая-Вежа [3]), а въ настоящее время нѣмецкая колонія,

---

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 205.

[2]) „Слышавше иніи гради Уненѣжь, Бѣлая-Вежа, Баемачь, оже Всеволожь взятъ и побѣгоша Чернигову“. (Ипат. Лѣт. стр. 252). Этотъ отрывокъ, какъ нельзя лучше опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые причисляли эти города къ Переяславскому княжеству.

[3]) Книга больш. Чертежа. Стр. 85.

Белемешь [1]). Они выселились, вѣроятно, потому, что трудно было разрозненному населенію Подонья отстаивать отъ кочевниковъ свою независимость, когда родная земля не могла имъ дать помощи, потому что почти до 1117 года вела борьбу за сохраненіе своей самостоятельности отъ притязаній Мономаха и Кіевлянъ. Къ этому времени также относится паденіе Тмуторакани, оставленной Сѣверянами безъ поддержки. Такимъ образомъ мы видимъ два значительныхъ города, изъ которыхъ первый имѣлъ и стратегическое и торговое значеніе, а второй—болѣе первое. Однако-же это были не единственные города по бассейну Дона; ихъ должно было быть довольно, судя по сохранявшимся въ XVII вѣкѣ городищамъ [2]). Это были небольшія поселенія, вначалѣ не укрѣпленныя, но, со времени занятія кочевниками южныхъ степей, огородившіяся. Кромѣ этихъ остатковъ, указывающихъ на сохраненіе населенія въ степяхъ въ періодъ кочевниковъ, мы находимъ еще нѣсколько названій городовъ, которые лѣтопись называетъ половецкими,—это Шарукань, Сугровъ, Балинъ, Чешлюевъ, упоминающіеся при походахъ русскихъ князей въ южныя степи [3]). Судя по этимъ извѣстіямъ, всѣ они нахо-

---

[1]) См. Домонтовичъ. Матерьялы для Географіи и Статистики Черн. губерніи.

[2]) Вотъ эти городища, сохранившіеся по Донцу: Нежегольское, Катковское, Чугуево, (на устьѣ р. Уды) Каб(г)аново, (по Удѣ) Хорошее, Донецкое, (по Донцу) Мухначево, Зміево, Каменное. (См. книгу б. чертежа).

[3]) Вотъ извѣстія лѣтописи:

1111 г. „....и поидоша къ Донови во вторникъ.
И облачишася въ бронѣ и полки изрядиша
и поидоша ко граду Шаруканю". (Ипатс. Л. стр. 192).
„И завтра въ среду поидоша къ Сугрову". (Ibidem).
1112 г. „Идоша на Половцѣ ....и доидоша
града Осенева и Сугрова"..... (Лавр. Лѣт. стр. 275).
1116 г. „Ярополкъ ходи на Половечскую землю,
къ рѣцѣ, зовомѣй Донъ и ту взя полонъ
многъ и три городы: Галинъ (Балинъ),
Чешлюевъ и Сугровъ". (Ibid. стр. 276).

Г. Аристовъ въ своей статьѣ „О землѣ Половецкой" опредѣлилъ положеніе этихъ городовъ на основаніи лѣтописныхъ данныхъ. Онъ дѣлаетъ выводъ, что всѣ они были на Донцѣ: Шарукань—гдѣ теперь Харьковъ, Сугровъ по близости Изюма. (См. Извѣстія Нѣжин. Института. 1877 г.).

дились на Дону, подъ которымъ здѣсь нужно разумѣть Сѣверскій Донецъ [1]).

Своимъ основаніемъ они относятся къ отдаленной эпохѣ, или до занятія степей кочевниками, или къ періоду занятія, когда началась борьба съ ними населенія Подонья. Что эти города не были половецкими,—на это указываетъ то обстоятельство, что „половцы не были устроителями городовъ и, занимая оставленныя другими народами городища не могли укрѣплять и отстаивать ихъ“ [2]). Нахожденіе этихъ городовъ въ области перечисленныхъ нами городищъ заставляетъ и послѣднія отнести къ эпохѣ имъ современной. Названія этихъ городовъ уже даны имъ при занятіи ихъ половцами, по именамъ занявшихъ половецкихъ хановъ [3]). Однако-же изъ перечисленныхъ городовъ въ XII в. не всѣ еще были заняты Половцами. Когда въ 1111 году русскіе князья ходили на землю Половецкую, то первый городъ, съ которымъ они встрѣтились у верховьевъ Донца, былъ Шарукань. И вотъ князья вмѣсто того, чтобы брать его силой, посылаютъ впередъ процессію духовенства, съ хоругвями и крестами, и сзади только слѣдуютъ войска. Жители на встрѣчу этой процессіи отворили ворота и вынесли медъ и рыбу [4]). Этотъ обстоятельный разсказъ нашей лѣтописи заставляетъ насъ видѣть въ населеніи города остатки нѣкогда бывшаго въ этой мѣстности сплошнаго Славянскаго населенія. Занятіе рыбной ловлей могло принадлежать и кочевникамъ, но пасѣчное хозяйство для нихъ было невозможно. Но еще страннѣе самый способъ взятія города: князья не хотятъ проливать крови, а посылаютъ впередъ духовную процессію, чего бы они не сдѣлали, если-бы городъ былъ занятъ По-

---

[1]) Ibidem, стр. 220.

[2]) Ibidem, стр. 220.

[3]) Г. Аристовъ съ большою вѣроятностью производитъ имя Шаруканя отъ хана Шарука, Сугрова отъ Сугры. Затѣмъ на основаніи тѣхъ-же лѣтописныхъ данныхъ выводитъ, что они назывались въ различное время разными именами, смотря по ихъ владѣльцу. Дѣйствительно Шарукань въ Лавр. Лѣтописи назыв. Осеневымъ. Но по ходу дѣла видно, что это одинъ и тотъ-же городъ, а что онъ названъ Осеневымъ, то это только показываетъ, что замѣтка объ этомъ походѣ въ Лавр. Лѣтописи была сдѣлана позднѣе, когда городомъ владѣлъ Осень, что видно изъ ея краткости и отнесенія событія къ 1112 году. Балинъ, судя по ходу дѣла, долженъ быть еще выше Шаруканя, на Донцѣ.

[4]) Ипатс. Лѣт. стр. 192.

ловцами, потому что это только могло раздражить ихъ еще болѣе. Ясно, князья расчитывали на обратное дѣйствіе и знали, почему. Сугровъ они сожгли, потому что онъ не хотѣлъ сдаться. Но и тутъ является вопросъ: былъ-ли онъ населенъ половцами, или родичами Шаруканцевъ? Употребляя такое средство при взятіи Шаруканя, князья видимо боялись встрѣтить въ этомъ Славянскомъ населеніи сопротивленіе себѣ. Шаруканцы отнеслись сочувственно къ религіи, а Сугровцы могли отнестись къ ней болѣе равнодушно. Но, понятно, что это не болѣе, какъ предположеніе, а что касается Шаруканя, то едва-ли можно спорить противъ Славянства его населенія.

Эти оставшіеся города и городища рисуютъ намъ цѣлую картину борьбы кореннаго славянскаго населенія съ нахлынувшими кочевниками. Когда надвинулись послѣдніе, жители Подонья должны были укрѣпить свои жилища городами. Сначала борьба была еще не такъ трудна, благодаря тому, что населеніе находило опору въ Хазарскомъ царствѣ, а потомъ, по паденіи его, въ первыхъ Кіевскихъ князьяхъ, которые вели систематическую борьбу съ кочевниками, когда междоусобія еще не раздирали такъ сильно Русь. Но послѣ 1054 года начавшаяся борьба между сыновьями, а потомъ между внуками Ярослава I, оставила населеніе юго-восточныхъ окраинъ совершенно безъ поддержки: Сѣверяне не могли поддерживать своихъ земляковъ среди постоянныхъ опустошеній своихъ коренныхъ областей. Послѣдовала потеря Тмутаракани и ея области; затѣмъ и на Дону стало трудно держаться Сѣверянамъ и они принуждены были отступать все далѣе и далѣе на сѣверъ къ предѣламъ родной области и, частью подкрѣпить собою поселенія Донца, частью совершенно переселиться въ Сѣверскую область, чему примѣръ мы видимъ на Бѣлой-Вежѣ. Усилившееся поселеніе по Донцу начало борьбу противъ кочевниковъ, но и тутъ постепенно должно было уступать имъ свою территорію. Мы видимъ здѣсь города, захваченные Половцами, но видимъ также города и съ христіанскимъ населеніемъ. Это населеніе занимало цѣлую линію городищъ, въ глубь степи по Донцу и направлялось къ системѣ соляныхъ озеръ, столь необходимыхъ для Руси. Стремленіемъ очистить путь къ этимъ озерамъ г. Аристовъ объясняетъ походъ 1170 года—Мстислава, и 1184 года—Игоря [1]). Это населенія должно было вести постоянную борьбу съ

[1]) „О землѣ Половецкой“ стр. 222.

кочевниками и, хотя не могло нанести имъ особеннаго вреда, но за то служило лучшимъ оплотомъ для Сѣверской земли. Торговое и поэтому смѣтливое населеніе Подонья и Тмутораканской области, благодаря своему положенію, попавшее въ необходимость съ издавна вести борьбу съ окружающимъ его врагомъ, пріобрѣло стойкость и неустрашимость, а чрезъ знакомство съ врагомъ и мѣстностью получало большой вѣсъ въ глазахъ Сѣверской земли. Издавна привыкшее, еще со времени Хазаръ къ свободнымъ учрежденіямъ, оно, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, выработало въ себѣ еще болѣе независимый характеръ и стало поэтому въ нѣкоторое натянутое отношеніе къ Руси. Это населеніе представляетъ прототипъ казачества: это были бродники.

Служа оплотомъ со стороны кочевниковъ, бродники были вмѣстѣ и убѣжищемъ всѣмъ, кому тяжело приходилось отъ княжескихъ усобицъ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе это общество людей должно было усиливаться, и, наконецъ, въ 1147 году они являются на сторонѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя, Святослава Ольговича, защищая удѣльно-вѣчевой порядокъ отъ централизаціонныхъ попытокъ Черниговскихъ князей, Давидовичей. Они явились къ нему на помощь, когда онъ былъ въ области Вятичей [1]).

Въ 1223 (1224) году бродники еще разъ являются въ битвѣ на Калкѣ, въ союзѣ съ Татарами. Послѣ погрома русскаго войска, всѣ почти князья бѣжали съ поля битвы къ Днѣпру. За ними бросилась часть татаръ. Но кіевскій князь Мстиславъ съ двумя другими князьями укрѣпился на холмѣ и сталъ отбиваться. Татаре предложили имъ сдаться, и воевода бродниковъ, Плоскиня, цѣловалъ князьямъ крестъ, что они будутъ выпущены за выкупъ. Но князья, сдавшись бродникамъ, были ими повязаны и выданы Татарамъ [2]).

Изъ этого разсказа видно, что бродники жили гдѣ-то въ степи, составляя особенную корпорацію съ воеводой во главѣ, и что они были несомнѣнно христіане. Это подтверждаетъ нашу мысль о Подонскихъ поселеніяхъ Сѣверянъ и заставляетъ въ остаткахъ ихъ видѣть этихъ бродниковъ.

Такимъ образомъ исторія юго-восточныхъ окраинъ Сѣверской

---

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 492.

[2]) Никон. Лѣт. стр. 353, ч. II.

земли раздѣляется на двѣ половины: первая заключаетъ въ себѣ періодъ сплошнаго населенія ихъ, затѣмъ отступленія на сѣверъ, и вторая, когда Сѣверянская колонизація начала вновь свое движеніе къ юго-востоку и прекратилась нашествіемъ Татаръ.

Обратимся теперь къ колонизаціи въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи, сказавши нѣсколько словъ о центральныхъ областяхъ Сѣверской земли.

Мы говорили уже, что Сѣверяне издавна жили по берегамъ Десны, Сейма и Сулы. Такимъ образомъ они должны были граничить на западѣ Днѣпромъ съ Полянами, на югѣ съ Тиверцами и Уличами, на сѣверо-западѣ съ Радимичами и Кривичами, на сѣверѣ съ Вятичами, на сѣверо-востокѣ съ Муромой, а на востокѣ съ Волжскими Болгарами. Такіе сосѣди были у Сѣверянъ въ то время, когда югъ еще не былъ занятъ кочевниками. Юго-восточныя границы ихъ мы уже видѣли. Съ очень давняго времени мы встрѣчаемъ у Сѣверянъ города, Черниговъ, Любечь, Переяславль, на важное значеніе которыхъ указываетъ упоминаніе ихъ въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками [1]), а также разсказъ Константина Багрянороднаго о торговлѣ Византіи съ этими городами [2]). На основаніи сказаннаго отнести ихъ къ княжеской эпохѣ, по нашему мнѣнію, невозможно: торговое значеніе въ то время не могло пріобрѣтаться вдругъ, да и наша лѣтопись не преминула-бы упомянуть объ основаніи такихъ важныхъ въ исторіи древней Руси городовъ, если-бы оно совершилось въ дѣйствительности.

Кромѣ этихъ городовъ намъ интересенъ еще Курскъ, находившійся на самомъ востокѣ центральной области Сѣверянъ. Онъ упоминается въ лѣтописи первый разъ подъ 1095 годомъ, но это не мѣшаетъ намъ отнести его, ко временамъ до-княжескимъ, на что указываетъ его положеніе на пути торговли съ востокомъ: онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ совершался волокъ изъ Донца въ Сеймъ. Доставка русскихъ мѣховъ совершалась въ сильной степени и изъ Сѣверянской земли, откуда они могли являться только чрезъ Курскъ, какъ пунктъ соединенія двухъ водныхъ системъ Десны и Дона. Въ житіи св. Ѳеодосія о немъ упоминается, какъ о богатомъ, торговомъ городѣ; куда очень рано проникло даже христіанство [3]). Все это заставляетъ насъ пред-

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 18; 30; Лавр. Лѣт. стр. 31, 88.

[2]) Monum. Pol. hist. pag. 16.

[3]) Учен. Записки II отд. Импер. Ак. Н. стр. 133—143.

полагать, что Курскъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно своему географическому положенію и относится къ весьма отдаленной эпохѣ. Онъ въ историческую эпоху является вторымъ городомъ послѣ Чернигова, на что указываетъ то обстоятельство, что Владиміръ Мономахъ самъ сидѣлъ въ Черниговѣ, а въ Курскѣ посадилъ своего (втораго) сына Изяслава. Курскъ служилъ звеномъ, соединяющимъ Черниговъ съ Тмутараканью. Только впослѣдствіи онъ уступаетъ свое значеніе Новгородъ-Сѣверску.

Упомянутые города, по всей вѣроятности, были укрѣплены, т. е., города въ собственномъ смыслѣ, но по бассейну Десны, Сейма, Снови, Остра, должны были идти многочисленныя поселенія. Впослѣдствіи по разнымъ причинамъ возникали новыя укрѣпленныя мѣстности. Къ числу ихъ принадлежатъ важные пункты, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ, Трубецкъ, Путивль, Сновскъ, Рыльскъ, Стародубъ. Новгородъ-Сѣверскъ упоминается первый разъ въ 1141 году и уже какъ главный городъ удѣльнаго княжества, но возникновеніе его должно отнести къ болѣе ранней эпохѣ. Когда на югѣ кочевники стали сильно тѣснить славянское населеніе и вежи ихъ съ двухъ сторонъ охватили Русь, придвинувшись къ самому Курску, тогда уже послѣдній не могъ служить центромъ восточной части Сѣверской земли, благодаря постояннымъ безпокойствамъ со стороны кочевниковъ, поэтому онъ долженъ былъ перейти въ глубь Сѣверской земли, ближе къ Чернигову, что интересно было для сѣверскихъ удѣльныхъ князей. Всѣ это заставляетъ насъ отнести возникновеніе этого города къ княжеской эпохѣ, ко времени Олега Святославича.

Обратимся теперь къ распространенію Сѣверянъ на западъ. Днѣпръ не служилъ дѣйствительной границей между послѣдними и Полянами. Такъ мы видимъ поселенія послѣднихъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра: они простирались отъ устья Десны до рѣчки Кордни [1]). Въ свою очередь и Сѣверянскія поселенія въ мѣстности около Любеча переходили за Днѣпръ и занимали его правый берегъ. Здѣсь въ XI—XII в. порубежнымъ мѣстомъ съ Черниговской стороны является Рѣчица [2]), стоящая на правой сторонѣ Днѣпра. Это стремленіе на правый берегъ обусловливалось торговымъ значеніемъ Днѣпра. На югѣ мы видѣли

[1]) Барсовъ. Очерки Рус. Истор. Географіи. Стр. 115.
[2]) Ibidem.

сосѣдство Сѣверянъ съ Уличами и Тиверцами. Наша лѣтопись помѣщаетъ здѣсь Сѣверянъ только по Сулѣ, но очевидно они занимали пространство отъ Сулы до Днѣпра, территорію позднѣйшаго Переяславскаго княжества, а на востокѣ ихъ поселенія сливались съ населеніемъ Подонья. Позднѣе съ наплывомъ кочевниковъ граница съ ними установилась по Хоролу на его лѣвомъ берегу [1]). Въ этой мѣстности Сѣверяне не носили другого какого-либо названія кромѣ своего племеннаго, и загадочные Суличи явились, по всей вѣроятности, благодаря искаженіямъ, вкравшимся въ лѣтопись [2]).

Разсмотримъ теперь отношенія Сѣверянъ къ сосѣднимъ Славянскимъ племенамъ, Радимичамъ и Кривичамъ. Радимичи жили по Сожу, который, приближаясь своими верховьями къ бассейну Оки, служилъ путемъ изъ Поднѣпровья въ Поволжье [3]).

---

[1]) „Навороняще же перешедше Хоролъ, взоидоша на Шеломя.“ Ипат. Лѣт. стр. 429.

[2]) Въ нашихъ лѣтописяхъ всѣ предлоги тѣсно примыкаютъ къ слѣдующему за ними слову, такъ „съ“ выражаетъ просто „с“; „изъ“, если слѣдующее слово начинается буквой „С“, пишется просто „и“, напр. „и-Смолинска“. На основаніи этого можно предположить, что слово „Суличи“ появилось изъ „с Уличи“, откуда „с Уличи“ и „Суличи“. Если допустить, что Сѣверяне по Сулѣ назывались Суличами, то страно, что мы не встрѣчаемъ другихъ мѣстныхъ именъ этого племени: Куряне являются только во второй половинѣ XII в., а „Семичи“ или „Сновичи“ вовсе неизвѣстны. (См. Барсовъ. Очерки Рус. Истор. Географіи, гдѣ есть вся литература этого вопроса).

[3]) Лѣтопись производитъ ихъ изъ Ляховъ, разсказывая, что среди нихъ были два брата Радимъ и Вятко, которые пришли съ родомъ своимъ въ Русь и поселились одинъ на Сожѣ, другой по Окѣ. (Ипатск. Лѣт. стр. 11). Такова легенда, ходившая во время лѣтописца между народомъ, откуда составитель и занесъ ее въ свой трудъ. Г. Барсовъ называетъ имена Радима и Вятка патронимическими, что̀ совершенно справедливо, и, кажется, происхожденіе легенды можно опредѣлить весьма просто: лѣтописецъ, по свойственному средневѣковымъ писателямъ стремленію, наивно объясняетъ, что Древляне назывались такъ потому, что сидѣли „въ деревахъ“ (въ лѣсу), Поляне потому, что сидѣли „поляхъ“, хотя Кіевская губернія въ то время была покрыта дремучими лѣсами, остатки которыхъ сохранились до сихъ поръ. Встрѣтился онъ съ именемъ, которое произвести нельзя было ни

Такимъ образомъ Радимичи лежали на очень важномъ пути, который сохранялъ свое значеніе даже въ XII в., какъ дорога въ Суздаль и область Вятичей изъ южной Руси. Благодаря такому своему положенію, это племя должно было очень рано подвергнуться культурному вліянію юга чрезъ Кіевъ и востока чрезъ Сѣверянъ. Наша лѣтопись выставляетъ ихъ на самой низкой степени цивилизаціи, въ видѣ дикарей, живущихъ въ лѣсахъ и ведущихъ животную жизнь, но это не болѣе, какъ субъективныя воззрѣнія христіанина, который и Сѣверянъ, стоявшихъ на довольно высокой степени культуры, характеризуетъ точно также. Однако лишь только они сталкиваются съ русскими князьями, то оказывается, что они еще раньше платили дань Хазарамъ по шелягу отъ сохи [1]), что указываетъ на занятіе земледѣліемъ, а употребленіе звонкой монеты указываетъ на торговое сношеніе съ Византіей. Занимая бассейнъ рѣки Сожа, Радимичи разселялись гораздо далѣе въ юго-восточномъ направленіи, въ область Десны и Сейма, а на востокъ въ область Оки, отдѣляя такимъ образомъ Сѣверскую область отъ Вятичей [2]). Тутъ мы опять замѣчаемъ тяготѣніе на юго-востокъ, благодаря притягательной силѣ, являвшейся тамъ въ видѣ торговли. Такое распространеніе поселеній Радими въ землю Сѣверянъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока послѣдніе, б[ы]чи отрѣзаны кочевниками отъ юга, обратились на сѣверъ и быстро распространили свое вліяніе на Радимичей, такъ какъ по культурѣ всё-таки стояли выше ихъ, какъ непосредственно имѣвшіе столкновеніе съ культурными странами; въ XII в. мы встрѣчаемъ у Радимичей городъ Гомьи, нынѣшній Гомель и Чичерскъ [3]). Они принадлежали къ Черниговскому удѣлу.

отъчего, но отъ нихъ-же могла дойти до него легенда, въ которой Радимичи называютъ себя потомками Радима, и вотъ лѣтописецъ, помня легенду о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, пишетъ, что былъ Радимъ и съ родомъ своимъ (какъ и Кій) сѣлъ на Сожѣ. Но въ этой мѣстности не было ни одного названія, которое напоминало-бы лѣтописцу имя Радима, поэтому онъ рѣшилъ, что были они иностранцы, пришли,—откуда? изъ Ляховъ, такъ какъ языкъ этихъ племенъ былъ еще тогда совершенно одинаковъ.

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 14, Лавр. Лѣт. стр. 23—24.

[2]) Барсовъ. Стр. 134.

[3]) Городъ Гомьи упоминается первый разъ въ 1142 году, какъ Черниговская волость, городъ Чичерскъ упоминается съ 1159 года, когда

Племя Кривичей, выселившее изъ себя населеніе Новгорода, Пскова, Полоцка, простирало свои поселенія далеко на юго-востокъ, что можно заключить по мѣстностямъ, носящимъ ихъ племенное названіе. Эти поселенія простирались въ бассейнъ Дона, Волги и доходили на югѣ до Десны [1]). Причина этого ихъ распространенія была та-же, что и у Радимичей. Но дальнѣйшее ихъ движеніе въ этомъ направленіи было остановлено Сѣверянами, обратившимися къ колонизаціи Сѣвера. Кривичи тогда обратились къ западу и завязали усиленную торговлю съ Европой. Порубежьемъ между поселеніями Кривичей и Сѣверянъ, судя по возникшимъ впослѣдствіи границамъ Черниговскаго и Смоленскаго княжествъ, проходилъ по верховьямъ Угры, Десны, затѣмъ къ верхнему теченію Сожа [2]).

Обратимся теперь къ Вятичамъ. Легенда помѣщаетъ ихъ, какъ мы видѣли, по Окѣ, но поселенія ихъ простирались гораздо далѣе на югъ и юго-востокъ. Приблизительно можно сказать, что селенія Вятичей въ первые вѣка нашей исторіи простирались до р. Лопасны на Сѣверѣ и до верховьевъ Дона на востокѣ [3]). Границею между поселеніями Сѣверянъ и Вятичей служилъ, по всей вѣроятности, судя по сохранившимся названіямъ мѣстностей, лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между Деснянскими притоками, Нерусою, Невлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окскимъ притокомъ, Жиздрою съ другой. Съ юга ихъ разселенія едва-ли не ограничивались побережьемъ Зуши, такъ какъ тутъ находится извѣстный въ XII в. Мценскъ, который былъ уже внѣ области Вятичей [4]).

Изяславъ Давидовичь отдаетъ по Святославу Ольговичу. Послѣдній называетъ его Черниговской волостью.

[1]) Барсовъ. Стр. 152—3.

[2]) Барсовъ. Стр. 133 и 152.

[3]) Иловайскій Исторія Рязан. княж. стр. 2.

[4]) Барсовъ. Стр. 135. Напротивъ авторъ статьи „Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятичей". (Чтеніе общ. Ист. и Древн. Рос. 1862 г. к. II) признаемъ Брянскъ и Мценскъ городами Вятичей. Обратимся къ лѣтописнымъ даннымъ. Подъ 1146 годомъ Ипатс. Лѣт. говоритъ, что „Святославъ Ольг. побѣже изъ Новгородъ-Сѣвер. Карачеву", и далѣе „и бѣжа за лѣсъ у Вятичѣ". Откуда ясно, что Карачевъ не былъ въ числѣ городовъ Вятичей. Въ 1146 году Давидовичи, преслѣдуя Святослава Ольговича, дошли до Брянска, а Святославъ былъ въ Козельскѣ у Вятичей. За-

Восточныя поселенія Вятичей гнали въ область Муромы и Мери, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Вся эта мѣстность была покрыта густыми лѣсами и полями, что сохраняется отчасти и теперь. Эту-то суровую мѣстность занимали Вятичи [1]).

Относительно Вятичей мы встрѣчаемъ въ лѣтописи ту-же характеристику, что и о Радимичахъ и Сѣверянахъ. Мы видѣли, насколько она несостоятельна для культуры Радимичей, то-же самое является и по отношенію Вятичей. Когда они находились въ зависимости отъ Хазаръ, то платили имъ вмѣстѣ съ Полянами и Сѣверянами, по бѣлкѣ отъ каждаго дома [2]), что указываетъ на сильное распространеніе охотничьяго промысла. Но въ 964 году на вопросъ Святослава: „кому дань даете"?—они отвѣчали уже: „хазарамъ, по шелягу отъ сохи" [3]). Такимъ образомъ отсюда какъ-бы вытекаетъ, что за какія-нибудь сто лѣтъ культура Вятичей на столько поднялась, что они отъ охотничьяго промысла перешли къ земледѣлію, но едва-ли это такъ. По всей вѣроятности, Вятичи издавна и воздѣлывали землю и занимались охотой.

тѣмъ Давидовичи собираютъ вѣче послѣднихъ въ Дѣдославлѣ. Слѣдов. Брянскъ былъ внѣ области Вятичей, а Дѣдославль и Козельскъ принадлежали имъ. Въ 1152 г. „Юріи ....и поидоша туда на Вятичѣ и тако взяша я, таже на Мценескъ". Ясно, что послѣдній здѣсь совершенно отдѣляется отъ городовъ Вятичей. Неринскъ, Лобынскъ и Колтескъ несомнѣнно города Вятическіе. Первый былъ недалеко отъ Лобынска вверхъ по Окѣ, второй—на устьѣ Протвы, при впаденіи ея въ Оку. Мѣстонахожденіе третьяго неизвѣстно.

[1]) Авторъ упомянутой нами статьи въ защиту легенды о Вятичахъ, говоритъ, что жители лѣсныхъ уѣздовъ Калуж. губерн. (потомки Вятичей) отличаются особымъ нарѣчіемъ, причемъ приводитъ слово „паняй". Я это выраженіе слышалъ въ Курской и Черниговской губерніи, слѣд. оно не составляетъ особенности языка. Самъ авторъ говоритъ, что только со времени польскаго разоренія къ нимъ вошло нѣсколько польскихъ словъ „огорнуть"=„garnąć" и др., т. е., что это пріобрѣтеніе позднѣйшее. Но употребленіе до сихъ поръ слова „нарубать" въ смыслѣ собирать, слова чисто лѣтописнаго, которое нигдѣ не сохранилось и потому не могло явиться у Вятичей въ позднѣйшее время, указываетъ на родственность съ русскими славянами и производитъ сомнѣніе въ истинности легенды.

[2]) Лѣт. Лавр. стр. 18.

[3]) Ibid. стр. 63.

За такой короткій срокъ такой разительной перемѣны произойти не могло, а этотъ фактъ показываетъ, что въ первое время Вятичи были въ мѣньшей зависимости отъ Хазаръ, и дань состояла только въ мѣхахъ, необходимыхъ Хазарамъ для южной торговли: послѣдніе не проникали въ глубь Вятичской земли. Но коль скоро мы встрѣчаемъ дань отъ плуга, то ясно, что наложившіе дань проникли глубже въ подчинённую страну, ближе ознакомились съ ея экономическимъ положеніемъ. Занятіе земледѣліемъ, мѣховая торговля съ Хазарами должны были благопріятно дѣйствовать на поднятіе культуры Вятичей на значительную ступень.

Вначалѣ Сѣверянъ и Вятичей связывалъ общій интересъ въ южной торговлѣ; поэтому-то, вѣроятно, и произошло свободное разселеніе поселковъ однихъ племенъ между другими, какъ напр. Радимичей и Кривичей въ области Сѣверянъ; то-же, вѣроятно, было и съ Вятичами. Точно также и Сѣверяне селились между другими племенами. Но вѣрнѣе, что въ данную эпоху движеніе происходило на югъ и Сѣверянъ, и Вятичей, и Радимичей и Кривичей, и только съ ослабленіемъ торговли на югѣ начинается обратное движеніе на Сѣверъ, къ чему побуждала Сѣверянъ уже пріобрѣтенная привычка торговли, дѣятельности, непужныя болѣе въ области Дона и Волги. Это движеніе Сѣверянскаго племени должно было совершаться по самымъ удобнымъ путямъ сообщенія—рѣкамъ. Прямую дорогу на Сѣверъ представляла многоводная въ то время рѣка, Десна. По ней-то и началось теперь подчиняющее движеніе въ область Вятичей. Колонизація Вятической области восточной частью Сѣверянъ, т. е., изъ бассейна Сейма, была невозможна по недостатку естественныхъ путей и потому, что на ея долю выпало другое назначеніе—отстаивать отъ кочевниковъ предѣлы Сѣверянской области и начать снова колонизацію на югъ. Во все время самостоятельнаго существованія Черниговской области, земля Вятичей тянула къ ней [1]), что ясно указываетъ на источникъ коло-

---

[1]) Что область Вятичей тянула къ Черниговскому удѣлу, а не къ Н.-Сѣверскому, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ нашей лѣтописи. Мы приведемъ два, самыя выразительныя. Въ 1142 г. Всеволодъ Ольговичь, сдѣлавшись В. Княземъ Кіевскимъ, однако оставляетъ за собою отчину Черниговскую—Вятичей, какъ её и называютъ Игорь и Святославъ Ольговичи. Онъ не отдалъ её братьямъ, Ипатск. Лѣт. стр. 222. Потому что зналъ громадное

низаціи. Впослѣдствіи Н.-Сѣверскіе князья только постарались стать на дорогѣ Чернигова и области Вятичей, чтобы разъединить нхъ: они утвердились въ Н.-Сѣверскѣ. И раньше, до княжескаго періода, вѣроятно были въ землѣ Вятичей жители изъ Сѣверянъ, такъ какъ къ этому побуждала торговля, но ихъ поселенія, равно какъ и собственно Вятичскія, не были огорожены городомъ, а служили какъ центры, гдѣ совершался обмѣнъ произведеній, при совершенно мирныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Если лѣтопись упоминаетъ города Брянскъ, Карачевъ, Мценскъ, Козельскъ и Дѣдославль поздно, только начиная съ XII столѣтія, то это потому, что она говоритъ о нихъ при случаѣ. Но существованіе Дѣдославля и Козельска должно отнести къ глубокой древности. Первый изъ нихъ былъ центральнымъ городомъ земли Вятичей: тутъ собиралось ихъ вѣче. Самое названіе—„Дѣдославль“—указываетъ, что это поселеніе существовало весьма давно. Точно также Брянскъ, Карачевъ и Мценскъ, стоя на порубежьи Сѣверянъ съ Вятичами, служили сначала складочнымъ мѣстомъ произведеній области Вятичей и Сѣверянъ, служившихъ проводниками торговли съ культурными странами. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, когда началось подчиненіе Вятичей сначала Кіевскимъ князьямъ, а затѣмъ Черниговскимъ, эти первоначально мирные, торговые центры обратились въ укрѣпленія, огородились городомъ: и Козельскъ, и Дѣдославль, и Брянскъ, стали городами въ полномъ смыслѣ этого слова. Подъ прикрытіемъ такихъ укрѣпленныхъ мѣстъ Вятичи были подчинены Сѣверянами, хотя это подчиненіе было скорѣе федеративное соединеніе, какъ мы увидимъ ниже. Когда совершилось это постепенное соединеніе области Вятичей съ землей Сѣверской, то прежде всего жителямъ послѣдней необходимо было обезопасить или прочно утвердить путь, по которому совершалось колонизаціонное, подчиняющее движеніе къ Вятичамъ. Этотъ путь былъ Десна, и вотъ, дѣйствительно, у верховьевъ ея мы встрѣ-

---

значеніе Вятичей въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи. Затѣмъ въ 1147 году въ области Вятичей сидѣли посадники Черниговскихъ князей. Ипат. Лѣт. стр. 242. Въ 1158 г. Изяславъ Давидовичъ, бывшій Черниговскій князь, бѣжалъ чрезъ Гомель въ Вятичи. Лавр. Лѣт. стр. 331. Эта область всегда сохранялась Черниговскими князьями, какъ ихъ поддержка.

чаемъ группу укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ числѣ городовъ, закрѣплявшихъ верховье Десны, въ лѣтописи упоминается: Вщижъ, Блеве, Росуса, Девягорскъ, Воробьинъ, Домагощъ [1]). Опредѣлить по тѣмъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, какія у насъ есть, гдѣ находились данныя укрѣпленія, совершенно невозможно. Можно только сказать, что всѣ они размѣщались часть на Деснѣ, частью на ея верхнихъ притокахъ. Область Вятичей имѣла въ княжескій періодъ важное стратегическое значеніе: это былъ главный путь изъ Суздаля въ Сѣверскую землю. Святославъ попалъ на Волгу только чрезъ Вятичей, и, хотя лѣтопись говоритъ: „налѣзе“, т. е., набрелъ случайно, смѣло можно сказать, что онъ раньше зналъ этотъ путь отъ самихъ-же Вятичей, служившихъ въ дружинѣ Олега; кромѣ того, племена не жили изолированно одно отъ другаго, а вели непрерывныя сношенія, чему, какъ мы видѣли, служитъ подтвержденіемъ смѣшеніе поселеній различныхъ племенъ въ области Сѣверянъ.

Теперь мы переходимъ къ взаимнымъ отношеніямъ Мери и Муромы съ одной стороны и Сѣверянъ съ другой.

---

[1]) Первое извѣстіе о Вщижѣ мы встрѣчаемъ въ 1142 г. Всеволодъ Ольговичъ отдалъ его Давидовичамъ. Въ 1160 г. Изяславъ Давидовичъ съ Половцами разорилъ Воробьинъ, Росусу, и ушелъ въ Вщижъ. Затѣмъ изъ *Вщижи ушелъ въ Вятичи.* Отсюда ясно видно, что Вщижъ не былъ городомъ Вятичей, и что города, Воробьинъ, Росуса и Вщижъ были въ одной мѣстности. Далѣе подъ 1147 г. читаемъ: Святославъ Ольговичъ ....„иде [illegible] вси Вятичи и до Брянескъ, и до Воробиинъ, Подесенье, Домагощъ и [illegible]денскъ“. Раньше: „выбѣгоша посадничи Володимери Изяславли изъ Вятичь, изъ Бряньска, Мьченьска, и изъ Блеве“..... Отсюда видно, что Воробьинъ и Блеве были на границѣ земли Вятичей (но не принадлежали имъ, какъ Мценскъ и Брянскъ (см. выше), а такъ какъ Росуса и Вщижъ были, какъ мы видѣли, не далеко отъ нихъ, то слѣд. находились то-же на границѣ. То-же должно сказать и о Домагощѣ. Г. Барсовъ не безъ основанія Блеве (Блове, Обловь) пріурочиваетъ къ мѣстности по теченію рѣки Болвы, притока Десны. Не знаю только, почему у Г. Барсова Домагощъ стоялъ на Нерусѣ: этого ни откуда не видно. Подъ 1147 г. говорится, что Глѣбъ Юрьевичъ пришелъ въ Девягорскъ къ Святославу Ольговичу (изъ Суздаля) и оттуда они вмѣстѣ двинулись къ Мценску. Ранѣе этого Святославъ Ольговичъ изъ Дѣдославля пришелъ къ Девягорску. Это показываетъ, что и Девягорскъ находился въ этой же группѣ городовъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Вятичей по берегамъ Ростовскаго и Клещинова Озера жило племя Мери [1]). Но территорія этого племени была гораздо обширнѣе [2]). Намъ слѣдуетъ только опредѣлить границу этой области съ Вятичами, а много говорить о ней намъ нѣтъ нужды, потому что Меря шла по исторической дорогѣ совершенно отдѣльно отъ занимающей насъ области Сѣверянъ. Граница съ областью Вятичей проходила отъ устья Москвы рѣки по Окѣ, мимо устьевъ Нары и Протвы, далѣе по Окѣ, вѣроятно, до Неринска [3]), и затѣмъ по сухому пути чрезъ Тульскую и Рязанскую губерніи къ Окѣ [4]). Эта-же граница осталась впослѣдствіи между владѣніями Суздальскими и Черниговскими. Племя Мери, вмѣстѣ съ Весью издавна было участникомъ въ исторической жизни Сѣверныхъ Славянъ-Кривичей и Ильменскихъ Славянъ, и уже легенда о призваніи Варяговъ помѣщаетъ у нихъ посадниковъ Рюрика, Синеуса и Трувора [5]). Впослѣдствіи Меря принимала участіе въ походахъ кіевскихъ князей на Византію [6]) и такимъ образомъ должна была столкнуться съ южными культурными странами. Но это столкновеніе произошло гораздо раньше, въ незапамятныя времена, на что ясно указываютъ послѣднія раскопки въ этой области. Въ числѣ монетъ найдены: одна, относящаяся ко времени Филиппа Македонскаго, арабскія—къ VII столѣтію, западныя къ IX, X вв. и далѣе [7]). Кромѣ нихъ находится множество предметовъ утвари и украшеній несомнѣнно византійскаго и арабскаго происхожденія. И такъ сношенія съ Византіей и арабами должны были начаться очень давно, но нечего и говорить, что самыя тѣсныя и, конечно, дружественныя отношенія существовали между Мерей и сосѣдними славянскими племенами, Кривичами и Вятичами. Этому способствовала мѣстность, не представляющая преградъ сношеніямъ, но также и общность интересовъ торговли съ западной Европой, Византіей и Арабами. Судя по археологическимъ находкамъ, эти отношенія были столь близки, что способствовали

---

[1]) Ипат. Лѣт. стр. 6; Лавр. Лѣт. стр. 10.

[2]) Труды I Арх. Съѣзда. Рефератъ гр. Уварова: „Меря и ея бытъ".

[3]) См. выше объ области Вятичей.

[4]) См. Карту при рефератѣ гр. Уварова.

[5]) Ипат. Лѣт. стр. 11.

[6]) Ипат. Лѣт. подъ 907 годомъ.

[7]) Рефератъ гр. Уварова.

обмѣну обычаевъ. Такъ мы находимъ извѣстіе въ лѣтописи о томъ, что Вятичи и Сѣверяне сжигаютъ мертвыхъ, и пепелъ, собирая въ урны, ставятъ на распутіи, насыпая курганъ [1]). Теперь раскопки подтвердили одинаковость погребальныхъ обрядовъ у Вятичей, Сѣверянъ и Мери со всѣми мельчайшими подробностями [2]). Затѣмъ, среди находимыхъ вещей очень часто въ мерянскихъ курганахъ попадаются серебряныя гривны на шеяхъ покойниковъ [3]), предметы чисто славянскіе, обратившіеся потомъ въ монетную единицу. Поэтому нельзя отрицать, что поселенія Вятичей и Кривичей проникали въ землю Мери; точно также должно допустить и обратное движеніе. Я не говорю здѣсь о позднѣйшей насильственной колонизаціи и порабощеніи въ княжескій періодъ, а о томъ отдаленномъ времени, когда колонизація обусловливалась мирными и, непремѣнно, общими интересами.

Указаніе легенды, что Ильменскіе Славяне, Кривичи, Чудь, Весь и Меря уже въ отдаленное время составляли какой-то союзъ, значитъ не болѣе, что это была федерація, вызванная общностью интересовъ этихъ племенъ, а никакъ не раннее ославяненіе Мери, Чуди и Веси: только въ княжескую эпоху началось это полное ославяненіе, вызвавшее упорную борьбу со стороны этихъ племенъ [4]). Этихъ нѣсколькихъ словъ достаточно для характеристики нашихъ сосѣдей, вошедшихъ потомъ въ составъ Суздальскаго княжества. Гораздо болѣе связана съ исторіей Сѣверянъ судьба другаго племени—Муромы. Оно занимало нижнее теченіе Оки почти до самаго устья [5]). Но судя по существующимъ топографическимъ названіямъ, можно допустить, что область Муромы простиралась отъ города Мурома вверхъ по Окѣ, на западъ до предѣловъ Мери и на сѣверъ до водораздѣла между Окою и Клязмою. Восточная граница Муромы шла съ Мордвою и Черемисою, но опредѣлить ее невозможно, потому что Мордовскія и Черемискія поселенія

---

[1]) Лѣт. Пер. Сузд. стр. 4.

[2]) См. Труды I и III Арх. С. рефераты гг. Уварова и Самоквасова.

[3]) Ibidem. Рефератъ гр. Уварова.

[4]) До насъ не дошло лѣтописныхъ свѣдѣній объ этой борьбѣ, но масса топографическихъ славянскихъ названій указываетъ на нее. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Ратницы, Ратново, Ратницкое, Ратово, Ратьковы, Засѣка, Стрѣлицы и др. (см. реф. г. Уварова стр. 683).

[5]) Лавр. Лѣт. стр. 10.

шли въ область Муромы и смѣшивались въ ней съ Муромскими. Область Мордвы могла простираться по южному берегу Оки и по правымъ притокамъ ея вдоль южныхъ границъ Муромы и Мери далеко на западъ въ сосѣдствѣ Славянскаго племени Вятичей [1]). Таже самая легенда объ образованіи русскаго государства ставитъ Мурому въ число племенъ, подчинившихся тремъ князьямъ, что указываетъ на очень давнее соединеніе Муромы съ славянскими племенамя, но ославяненіе ея произошло уже гораздо позднѣе въ эпоху раздѣленія на удѣлы, когда началось сильное движеніе изъ Сѣверянской области, обусловливавшееся стремленіемъ черниговскихъ князей укрѣпить за собою эту область. Объ этомъ колонизаціонномъ движеніи мы будемъ говорить, излагая исторію Сѣверянъ эпохи Святослава Ярославича. Въ до-княжескую эпоху Мурома также подвергалась сильному вліянію сосѣднихъ славянскихъ племенъ Вятичей и Кривичей, происходилъ взаимный обмѣнъ обычаевъ, обмѣнъ языка, но Муромская народность сохраняла свою независимость, свой языкъ, свои вѣрованія, на что указываетъ та борьба, которую подняло въ XI в. это племя противъ притязаній черниговскихъ князей [2]). У насъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій объ обрядахъ Муромы въ концѣ XI столѣтія: „очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе, дуплинамъ древянымъ вѣтвѣ убрусцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеся“. Когда кто-нибудь изъ нихъ умиралъ, то „древолазная съ ними въ землю погребающе и битвы и кроеніе лицъ настреканіе и дранія творяще“ [3]). Этотъ небольшой отрывокъ указываетъ на обычаи, которые были распространены и среди славянскихъ племенъ. И теперь еще можно встрѣтить въ народѣ вѣрованія въ цѣлебность воды извѣстныхъ границъ и источниковъ. Погребальные обряды имѣли также общее съ славянскими: на могилахъ совершались тризны (битвы и кроенія), а вмѣстѣ съ покойникомъ клали, какъ и у славянъ, необходимыя ему вещи и орудія ремесла. Послѣднія раскопки, сдѣланныя гр. Уваровымъ и В. Б. Антоновичемъ, подтверждали торговлю Мурс съ Арабами и показали, что это племя уже въ языческій періо стояло на довольно высокой степени культуры, развитію которой спо-

---

[1]) Барсовъ стр. 48.

[2]) См. далѣе эпоху Святослава Ярославича.

[3]) Иловайскій, Ист. Ряз. княж. стр. 6.

собствовало географическое положеніе на нижнемъ теченіи Оки, почти у устья ея въ Волгу, чрезъ которую совершалась торговля сѣвера съ западной Европой, и смежность территоріи съ торговымъ Болгарскимъ царствомъ. Важность Муромской территоріи очень хорошо понимали Черниговскіе князья, но не съумѣли своими мѣрами связать ее съ Сѣверской землей, а понудили только къ отдѣленію и образованію самостоятельнаго княжества. Однако Мурома до своего отдѣленія тянула несомнѣнно къ области Сѣверянъ, и городъ Муромъ служилъ такимъ же крайнимъ торговымъ пунктомъ для Сѣверянъ на сѣверѣ, какимъ былъ для нихъ на югѣ Тмутаракань. Эта связь указываетъ намъ то, что по преимуществу славянскія поселенія въ Муромской области были изъ земли Сѣверянъ, которые селились тамъ чрезъ Донъ, верховья котораго близко подходятъ къ бассейну Оки. Мы видѣли, что связь между Вятичами и Сѣверянами существовала издавна. Вятичи занимали верхнее теченіе Дона, окружали такимъ образомъ Мурому съ юга и очень рано проникли въ ея область, за ними слѣдовали Сѣверяне. Принадлежность Муромы сначала къ сѣверной федераціи вовсе не указываетъ, будто славянскій элементъ въ области ея принадлежалъ Кривицкому племени. Это предположеніе уничтожается послѣдующею историческою судьбою Муромы, именно ея связью съ Сѣверской областью. Это участіе въ сѣверномъ союзѣ объясняется совершенно естественно, если мы обратимъ вниманіе на самые факты. Хазары брали дань съ Сѣверянъ и Вятичей именно потому, что поселенія первыхъ окончательно входили въ область хазарскихъ владѣній, распространяясь по Дону и Волгѣ, а Вятичи жили по верховьямъ Дона и так. образомъ соприкасались съ хозарскимъ каганатомъ. Эти то Донскія и Волжскія населенія и стали платить прежде всего дань, откуда она распространилась въ глубь ихъ областей. Мы видѣли, что Хазаре не сразу проникли въ область Вятичей и ознакомились съ ихъ экономическимъ бытомъ, поэтому то они не успѣли еще проникнуть чрезъ Донскія поселенія Вятичей къ Муромѣ, которая так. обр. стала платить дань Норманамъ и вошла на время въ сѣверную федерацію.

Богатство народонаселенія, благодаря сильно развитой торговлѣ съ Арабами и западной Европой, географическое положеніе, о которомъ мы уже говорили—все это должно было развить въ Муромѣ стремленіе къ самостоятельности, къ отдѣленію отъ области, къ которой она становилась въ XI в. въ политическое подчиненіе. Стараніе Черниг-

скихъ князей закрѣпить за собой эту область еще болѣе усилило это стремленіе, которымъ опредѣлился и весь ходъ исторической жизни Муромской области или послѣдующаго Рязанскаго княжества.

Ознакомившись такимъ образомъ съ племенами, которыя являются дѣйствующими въ нашей исторіи, прослѣдивъ, на сколько возможно, ихъ взаимныя отношенія, которыми опредѣлился политическій ходъ исторической жизни Сѣверянъ, мы постараемся дать хотя слабый очеркъ промышленности и торговли Сѣверской земли.

II.

Промышленность и торговля.

Мы отчасти знакомы съ тѣми географическими условіями, въ которыхъ находилась Сѣверская земля. Мы видѣли, что они должны были способствовать развитію промысловъ и торговли.

И дѣйствительно новѣйшія открытія археологіи вполнѣ подтверждаютъ нашъ выводъ. Но прежде чѣмъ обратиться за помощью къ этой наукѣ, возмемъ главный нашъ источникъ лѣтопись и прочтемъ слѣдующее:

„А Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣхъ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“ [1]).....

Но это извѣстіе нашего лѣтописца, Полянина, опровергается его-же собственными позднѣйшими замѣтками, показывающими, что культура Сѣверянъ стояла гораздо выше, чѣмъ онъ старается ее выставить.

Громадные лѣса Сѣверской земли способствовали развитію звѣринаго промысла. Въ нихъ водились животныя, которыя теперь или вовсе не встрѣчаются, или попадаются очень рѣдко. Такъ изъ Поученія Мономаха видно, что въ XII в. здѣсь водились слѣдующія животныя: дикіе быки, олени, лоси, кабаны и медвѣди [2]), на которыхъ онъ охотился въ бытность свою Черниговскимъ княземъ. Еще раньше его, Мстиславъ Ярославичъ, занявши Черниговскій столъ, производилъ охоту въ сосѣднихъ лѣсахъ, на которой и простудился [3]). Сверхъ животныхъ,

---

[1]) Лѣт. Ипатск. стр. 7, Лавр. Лѣт. стр. 12, 11.

[2]) Аристовъ. Промышленность древн. Руси. Стр. 6.

[3]) Ипатс. Лѣт. стр. 105.

перечисленныхъ Мономахомъ, въ Сѣверской землѣ водились бобры, на что указываетъ названіе рѣки Костобобра, а жители села Бобрика еще два десятилѣтія тому назадъ сохраняли преданіе, что ихъ село названо такъ потому, что на томъ мѣстѣ водилось много бобровъ [1]). Что звѣриный промыселъ не имѣлъ только характера княжеской забавы, а былъ распространенъ во всемъ племени, видно изъ того, что дань, платимая Сѣверянами Хазарамъ, состояла въ шкуркѣ бѣлки отъ каждаго дома [2]). Точно также Олегъ, покоривши Сѣверянъ въ 884 г., наложилъ на нихъ дань по черной куницѣ [3]). Шкурка этого звѣрька считалась данью легкою, что указываетъ на многочисленность его въ Сѣверскихъ лѣсахъ и на обычность этого промысла.

Арабскій писатель, Аль-Истахри, говоритъ, что изъ Тмуторакани вывозились черные собаки [4]), а Ибнъ-Хаукаль присоединяетъ сюда еще и черныхъ лисицъ [5]). На богатство Сѣверской земли въ этомъ отношеніи указываетъ и распоряженіе Ольги о ловищахъ княжескихъ, которыя были ею установлены и по Деснѣ [6])

Не менѣе, чѣмъ звѣрями, были богаты Сѣверскіе лѣса птицами, о которыхъ въ наше время и помину нѣтъ. Такъ мы имѣемъ извѣстіе, что въ Курскомъ княженіи были ловы лебедей соколами [7]). Хотя это извѣстіе и позднѣйшее, но аналогія заставляетъ насъ предполагать, что если въ 1283 году водились еще лебеди, то чѣмъ далѣе назадъ, когда природа была еще болѣе дѣвственной, распространеніе этихъ птицъ должно быть обширнѣе. Охота съ соколами была любимымъ занятіемъ нашихъ князей въ свободное время. Мы видимъ, что княгиня Ольга приказала устроить перевѣсища, т. е., мѣста для ловли птицъ и въ Сѣверской землѣ [8]). Кромѣ того у насъ имѣются данныя предполагать, что въ ней было развито и рыболовство. На это указываетъ нахожденіе костей рыбъ и птицъ въ могильныхъ курганахъ, какъ

---

[1]) Черн. Губерн. Вѣд. 1858 г. № 12.
[2]) Ипатск. Лѣт. стр. 11.
[3]) Никон. Лѣт. стр. 25 и Ипатс. Лѣт. стр. 12.
[4]) Гаркави. Стр. 193.
[5]) Ibidem. Стр. 221.
[6]) Ипатск. Лѣт. стр. 38.
[7]) Воскрес. Лѣт. стр. 177. ч. I.
[8]) Ипатск. Лѣт. стр. 38.

видно изъ новѣйшихъ раскопокъ [1]). А остатки въ кострищахъ бараньихъ костей и шерсти указываютъ на развитіе скотоводства [2]).

Рядомъ съ этими промыслами важную, если не первую роль, играло земледѣліе. По крайней мѣрѣ, судя по остаткамъ въ курганахъ, относящихся къ VIII и IX в. по Р. Х., оно должно было быть значительно развито. Такъ въ Черной могилѣ, въ Черниговѣ, найдены обугленныя зерна ржи, овса, ячменя; въ курганѣ „Гульбище“ остались, кромѣ обугленныхъ зеренъ ржи, кусочки соломы; наконецъ въ курганѣ около города Сѣднева натѣнулись на обугливіяся зерна овса [3]). Найденные три серпа въ Черной могилѣ указываютъ на орудіе обработки [4]). Впослѣдствіи мы видимъ, что хлѣбопашество составляетъ главное богатство области. Въ 1146 году Черниговскіе князья разграбили село, принадлежавшее Новгородъ-Сѣверскому князю, Игорю и сожгли на гумнѣ девятьсотъ стоговъ хлѣба [5]). Въ зависимости отъ хлѣбопашества стоятъ самыя предпріятія князей. Такъ въ 1193 году на приглашеніе Рюрика Ростиславича идти на Половцевъ Святославъ Всеволодовичъ отвѣчаетъ: „нынѣ, брате, пути немочно учинити, зане въ землѣ нашей жито не родилося“ [6]).

Изъ ремеслъ, на сколько можно судить по археологическимъ находкамъ, было довольно развито гончарное, бондарное, столярное.

Гончарное ремесло оставило послѣ себя слѣды въ цѣлой коллекціи глиняныхъ монистъ, пряслицъ и сосудовъ. Монисты были различныхъ цвѣтовъ. Иногда они украшались мѣдными подвѣсками. Монисты и бусы служили предметомъ украшенія, благодаря чему они сохранились лучше другихъ произведеній этого ремесла. Горшки и урны остались только рѣдко цѣлыми, отчасти благодаря своей хрупкости, отчасти потому, что подобныя издѣлія, какъ урны, употреблялись только для пепла покойника, собраннаго послѣ сожженія, между тѣмъ какъ иногда на кострище просто насыпался курганъ. По не многимъ остаткамъ, однако, можно думать, что искусство дѣлать изъ глины различные предметы утвари

---

[1]) Указатель выставки III Археол. С. стр. 52 № 758. в.
[2]) Ibidem. стр. 50. № 722 и стр. 48 № 686.
[3]) Ibidem. стр. 45 № 674; стр. 49 № 715; стр. 52, № 752.
[4]) Самоквасовъ. Труды III. Археол. Съѣзда. Стр. 188.
[5]) Ипатск. Лѣт. стр. 237.
[6]) Ипатск. Лѣт. стр. 454.

было довольно развито. Находки погребальныхъ урнъ указываютъ на связь гончарнаго искуства съ религіей, благодаря чему оно и достигло извѣстнаго совершенства. Остатками бондарнаго искуства служатъ желѣзныя дужки отъ ведеръ, желѣзные обручи, у скрѣлы—и т. д., а слѣды столярнаго ремесла являются ввидѣ желѣзныхъ топоровъ, гвоздей, долотъ и т. п. Этимъ двумъ ремесламъ должно было способствовать и обиліе лѣснаго матерьяла.

Вмѣстѣ съ глиняными монистами попадаются часто каменныя, костяныя и стекляныя бусы. Вообще стекляныя вещи попадаются во многихъ курганахъ отчасти въ расплавленномъ состояніи [1]). Кромѣ бусъ изъ костяныхъ издѣлій до насъ дошли пуговицы, гребенки [2]), пластинки и косточки съ разными изображеніями рыбъ, человѣка и животныхъ (лошадиной головы) [3]). Изъ кости-же дѣлались черенки для ножей, которыхъ найдено очень много. Сюда-же можно отнести роговые гребни и небольшія гребенки съ рѣзьбой и безъ нея [4]). Если стекляныя издѣлія могли привозиться отъ сосѣдей, то едвали подѣлки изъ камня, кости и рога не были домашняго происхожденія. Развитіе рыболовства и скотоводства давали матерьялъ, какъ для самыхъ вещей, такъ и для изображаемыхъ на нихъ рѣзьбой предметовъ.

Сверхъ того есть указанія, что у Сѣверянъ были въ употребленіи бронзовыя, серебряныя и золотыя вещи. Изъ бронзовыхъ издѣлій до насъ дошли кольца, пряжки. Иногда женщины украшали ими свои косы, а къ монистамъ изъ глины подвѣшивали бронзовыя подвѣски [5]). Изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей сохранились предметы наряда, въ видѣ серегъ, медальоновъ, колецъ различныхъ пробъ, узорчатыхъ серебряныхъ пластинокъ для украшенія збруи. Изъ дошедшихъ до насъ предметовъ утвари особенно прекрасной отдѣлкой отличаются два турьихъ рога, изъ которыхъ наши предки любили выпить и, какъ дорогую для себя вещь, украшали получше, потому что „для Руси веселіе есть пити“. Края роговъ оковывались серебромъ, иногда съ различ

---

[1]) Такіе монисты и бусы найдены были въ Черной могилѣ и др.

[2]) Труды Ш. Археол. Съѣзда 188, 191 и 192.

[3]) Указатель выставки. Стр. 50. № 724.

[4]) Ibidem. стр. 51, № 742 и стр. 50, № 724.

[5]) Вещи такого рода были найдены въ Черной могилѣ, у Стародуба, въ Гульбищѣ и т. д.

ными узорами. На сколько можно разобрать, рѣзьба на серебрѣ представляла сцену изъ охоты [1]).

Есть данныя предполагать, что многія изъ этихъ предметовъ были мѣстнаго происхожденія. До насъ дошло бронзовое изображеніе божка на корточкахъ [2]), и два серебрянныхъ идола, найденныхъ въ началѣ XVIII в. въ Черниговѣ [3]). Народъ, олицетворяя ввидѣ бога или физическую силу, или какое-нибудь нравственное качество, несомнѣнно долженъ придать ему свой оттѣнокъ, сообразный съ характеромъ окружающей его природы и своихъ личныхъ душевныхъ свойствъ. Поэтому и изображеніе этого божества изъ дерева, или изъ металла непремѣнно должно имѣть своеобразныя черты, которыя могутъ быть приданы ему только при мѣстной фабрикаціи идола, тамъ, гдѣ возникло и самое представленіе изображаемаго имъ божества. Поэтому-то, какъ предположеніе, можно сказать, что выдѣлка серебряныхъ и и другихъ металлическихъ вещей была мѣстная.

Но самое распространеніе этихъ вещей, были-ли онѣ мѣстной фабрикаціи, или привозныя, указываетъ на развитіе вкуса у населенія къ нимъ, а слѣдовательно, и на довольно высокую ступень культуры, на которой стояли Сѣверяне еще до принятія христіанства. Нахожденіе въ курганахъ стекляныхъ вещей съ позолотой указываетъ на сношенія съ Византіей, гдѣ искусство стекляной мозаики было доведено до совершенства. Для насъ важно констатировать тотъ фактъ, что еще до принятія христіанства были промышленныя сношенія со всѣми окрестными странами, а вмѣстѣ съ тѣмъ были развиты промыслы, кипѣла дѣятельная жизнь.

Что касается производства оружія, то можно предположить, что часть его дѣлалась дома, какъ щиты, стрѣлы, наконечники копій, частью-же оружіе пріобрѣталось путемъ торговли. Такъ Арабскіе писатели говорятъ, что русскіе купцы привозили между прочими товарами и обоюдоострые франкскіе мечи [4]). Сабли были хазарскаго происхожденія. Хазары, какъ и вообще кочевники, употребляли легкія сабли. Очень можетъ быть, что шлемы, кольчуги и латы добывались Сѣверя-

---

[1]) См. Стар. и Нов. Россіи: Изображенія; и Труды III А. С. стр 188.

[2]) Указ. Выст. стр. 67 №№ 966, 667.

[3]) Макарій. „Исторія Церкви" ч. I, стр. 121.

[4]) Хвольсонъ, Стр. 196.

нами путемъ торговли изъ Византіи или съ Востока, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они дѣлались и дома.

Одежда, по всей вѣроятности, приготовлялась изъ туземнаго матерьяла. Мы встрѣчаемъ остатки шерстяныхъ тканей [1]), для производства которыхъ сырой матерьялъ получался отъ скотоводства. Золотыя ткани [2]) добывали изъ Византіи путемъ торговли [3]). Холстъ [4]), по всей вѣроятности, былъ домашняго приготовленія.

Богатство естественныхъ произведеній природы способствовало развитію добывающей промышленности, вмѣстѣ съ которой должно было явиться стремленіе къ сбыту ея произведеній, къ торговлѣ. Кромѣ географическаго положенія развитію торговли не мало способствовали и другія обстоятельства. Такъ Новгородъ В., занимаясь исключительно торговыми оборотами, имѣлъ своего хлѣба на столько, сколько нужно было на продовольствіе народонаселенія: но ему необходимо было отправлять хлѣбъ и за границу. Въ этомъ случаѣ его снабжали хлѣбомъ сосѣднія области. Новгородцы добывали хлѣбъ изъ областей Смоленской, Полоцкой, Кіевской и Черниговской [5]). Взамѣнъ Сѣверяне получали европейскія произведенія: франкскіе мечи, о которыхъ мы уже упоминали, можетъ быть, и другія принадлежности вооруженія; оттуда-же получалось золото и серебро. Торговля съ Новгородомъ имѣла главнымъ своимъ предметомъ хлѣбъ и едвали мѣха, потому что послѣдніе добывались Новгородцами изъ своихъ восточныхъ и сѣверныхъ областей. Сбытъ сѣверскихъ мѣховъ шелъ, какъ мы увидимъ, по другому направленію. Дорогой для Новгородской торговли служилъ Днѣпръ, а главной пристанью—городъ Любечь. Основаніе его теряется во мракѣ древности. Исторія застаетъ его уже богатымъ торговымъ городомъ, который ведетъ торговлю съ Византіей. Константинъ Б. говоритъ, что лодки, приходящія съ товарами въ Константинополь изъ Руси, принадлежатъ также Любецкимъ и Черниговскимъ купцамъ [6]). Въ договорѣ съ греками, приписываемомъ Кіевскому князю

---

[1]) Указ. Выст. Ш. Арх. С. стр. 45, № 659.

[2]) Ibidem. № 660.

[3]) Лѣт. Ипатск. стр. 30; Лавр. Лѣт. стр. 48.

[4]) Труды Ш. А. С. ч. I стр. 192.

[5]) Аристовъ. Промышл. древ. Руси. Стр. 175.

[6]) „.....εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν, καὶ Τζερνίγωγαν“ (Mon. Pol. historica, pag. 15).

Олегу, есть условіе, чтобы Греки платили дань и на Черниговъ, и на Любечь [1]). Всѣ это указываетъ на важное торговое значеніе послѣдняго. Дѣйствительно Любечь былъ не только пристанью, чрезъ которую Сѣверская земля получала шедшіе собственно для нея товары, но чрезъ него проходили всѣ товары съ юга и на югъ. Любечь стоялъ выше Кіева и потому держалъ въ рукахъ его сѣверную торговлю, точно также, какъ, въ свою очередь, Кіевъ держалъ въ своей власти южную торговлю Чернигова. Вѣроятно, въ княжескую эпоху въ Любечѣ взималась въ пользу князя „мыто“. Недаромъ Изяславъ Мстиславичъ, воюя въ 1148 году съ Черниговскими князьями, говорилъ: „а поидемъ къ Любчю, идеже ихъ есть вся жизнь“ [2]). Какъ главная пристань Сѣверской земли, Любечь долженъ былъ быть соединенъ съ ея центромъ удобной дорогой. По всей вѣроятности, главный путь пролегалъ, чрезъ теперешнее село Бѣлоусъ [3]), который могъ имѣть значеніе складочнаго мѣста товаровъ. Южная торговля, съ Византіей, шла изъ центра Сѣверской земли—Чернигова, который, какъ мы видѣли, принадлежитъ къ самымъ древнимъ городамъ. Путемъ торговли служила рѣка Десна, которая тогда была годна для судоходства вверхъ и внизъ. Торговля съ Византіей относится къ давнему временн. Исторія застаетъ её уже вполнѣ развившеюся и принявшею извѣстныя формы. Черниговъ, какъ мы видѣли, наравнѣ съ Кіевомъ и другими городами, упоминается въ договорахъ, при томъ непремѣнно, въ каждомъ [4]). Объ немъ упоминаетъ и Константинъ Б. наравнѣ съ Любечемъ [5]). Наконецъ, самое несомнѣнное свидѣтельство торговыхъ сношеній представляютъ двѣ монеты, принадлежащія къ IX вѣку по Р. Х., найденныя въ Черной могилѣ, въ Черниговѣ. Эти монеты принадлежатъ императорамъ Константину и Василію, современникамъ Владиміра Св. Торговыя сношенія съ Византіей были весьма важны. Отсюда получались произведенія греческаго

---

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 18; Лавр. Лѣт. стр. 31.

[2]) Ипатск. Лѣт. стр. 254.

[3]) Свое предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Въ 1148 году Изяславъ сталъ на Ольговѣ полѣ и оттуда, опустошая все кругомъ, двинулся на Бѣлоусъ, затѣмъ на Любечь. Въ 1154 году Ростиславъ бѣжалъ отъ Бѣлоуса въ Любечь. Такихъ мѣстъ можно привести много.

[4]) Ипатск. Лѣт. стр. 18, 30; Лавр. Лѣт. стр. 31, 48.

[5]) Monum. Pol. hist. pag. 15.

искусства. Византійской торговлѣ Сѣверяне обязаны многими заимствованіями, но и христіанствомъ. Сѣверяне привозили въ Византію мѣха и хлѣбъ. Арабскій писатель Ибнъ-Хордадбе разсказываетъ, что „купцы Руссовъ вывозятъ мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому (Черному) морю и царь Рума (Византіи) береть съ нихъ десятину“ [1]). Общей стоянкой русскихъ купцовъ изъ Кіева, Чернигова, Переяславля и Любеча, было предмѣстье Константинополя у Св. Мамы [2]). На сколько выгодна была торговля съ русскими для Грековъ, видно изъ дошедшихъ до насъ договоровъ, гдѣ они обязывались доставлять русскимъ купцамъ всё необходимое продовольствіе на время пребыванія ихъ въ Константинополѣ, освобождали ихъ отъ торговой пошлины и, наконецъ, снаряжали всѣмъ необходимымъ на обратный путь: пищей, якорями, канатами [3]).

Но приведенное нами извѣстіе арабскаго писателя указываетъ, что подобныя льготы давались не всегда. Взамѣнъ привозимыхъ товаровъ, Руссы получали золото, серебро, предметы роскоши, а главнымъ образомъ паволоки. На сколько важна была торговля ими, можно заключить изъ того, что въ договорахъ упоминается только о нихъ, при чемъ выставлено, какъ необходимое условіе, чтобы русскіе купцы покупали ихъ не болѣе, какъ на пятьдесятъ золотниковъ каждый [4]). Можно предполагать, что Византія не желала упускать торговлю ими чрезъ вторыя руки.

Не смотря на всю выгоду южной торговли, Сѣверяне были стѣснены въ ней самымъ положеніемъ ея пути въ ихъ землѣ: главный пунктъ ея, устье Десны, было во власти Полянъ, гдѣ находилось село Ольжичи, несомнѣнно принадлежавшее Кіевскому княжеству.

Не менѣе важна была торговля восточная съ Болгарами, Хазарами и Арабами чрезъ рѣку Донъ и Волгу. Главными центрами торговли здѣсь были столица Хазарскаго царства, Итиль, и Тмуторакань, самое существованіе котораго обязано развитію въ этой мѣстности торговли. Она получила свое начало въ давнее время. Такъ можно ска-

---

[1]) Гаркави, стр. 49.

[2]) Ипатск. Лѣт. стр. 30.

[3]) Ипатск. Лѣт. стр. 18.

[4]) Ипатск. Лѣт. стр. 30; Лавр. Лѣт. стр. 44.

зать, что она уже существовала въ VIII в. по Р. Х., на что указываютъ монеты, найденныя при послѣднихъ раскопкахъ въ землѣ Сѣверянъ. Это два Саманидскихъ (Бухарскихъ) диргема, изъ которыхъ одинъ чеканился въ Шашѣ, а другой въ Басскѣ. Оба они относятся къ VIII вѣку по Р. Х.[1]). Они же указываютъ намъ, обширную область этой торговли. Какъ важна была эта торговля, видно изъ того, что, даже при занятіи южныхъ степей кочевниками, она всё таки продолжалась и мы видимъ существованіе пути чрезъ степи даже въ XII в., носившаго названіе Солянаго. „Онъ шелъ сухопутьемъ до Дона, и по Дону въ Азовское и Черное море“ [2]). Но гораздо ранѣе, чѣмъ лѣтописи упоминаютъ намъ объ этомъ древнемъ пути, мы имѣемъ извѣстіе о Курскѣ, какъ о торговомъ городѣ. Св. Ѳеодосій во время бѣгства своего отъ матери отсюда встрѣтилъ купцовъ, съ обозомъ ѣхавшимъ въ Кіевъ, съ которыми и прибылъ сюда [3]). Какіе это были товары, мы не знаемъ, но едва ли Курскъ, самъ по себѣ незначительный городъ, могъ посылать что-нибудь въ Кіевъ. Едва-ли ему выгоднѣе было сбывать свои мѣха въ Кіевѣ, чѣмъ въ ближнія мѣста—въ Болгарію и Хазарію. Кіевъ снабжался мѣхами собственной области, затѣмъ изъ Подесенья и области Вятичей. Вѣрнѣе будетъ предположить, что это были товары южные, шедшіе чрезъ Курскъ въ Кіевъ. Въ эпоху Татарскаго владычества въ 1283 году мы встрѣчаемъ въ Курскѣ нѣмецкихъ и цареградскихъ купцовъ [4]). Въ это время всеобщаго разоренія Курскъ не могъ такъ скоро подняться до сношеній съ Западной Европой и Царьградомъ, но ясно, что это были еще слѣды его прежней торговли, ведшейся имъ съ югомъ и востокомъ. Такимъ образомъ можно предположить, что Курскъ былъ посредникомъ торговли съ Азовскимъ и Чернымъ моремъ. Торговля Сѣверянъ велась здѣсь по преимуществу мѣхами. Тотъ-же Ибнъ-Хордадбе, разсказавъ о торговлѣ съ Византіей говоритъ, что русскіе купцы „ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи, проходятъ по заливу столицы Хазарской, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ.“ Послѣдняя замѣтка нашего писателя, указываетъ, что это не могли быть Руссы Кіевскіе, а Тмутараканскіе.

[1]) Указ. Выст. Ш. А. С., стр. 53, № 796 в.

[2]) Аристовъ. „Промышленность древн. Руси,“ стр. 187.

[3]) Уч. Зап. II. О. И. А. Н. Стр. 137.

[4]) Лѣт. Воскр. Стр. 177; Ник. Лѣт. стр. 77, ч. Ш.

Посредникомъ торговли съ Болгарами былъ Муромъ, который мы встрѣчаемъ еще въ эпоху зарожденія княжеской центральной власти у Полянъ т. е. по счету Лѣтописи въ 862 году. На важность этого пункта указываетъ то обстоятельство, что Кіевскіе князья стараются держать его въ своихъ рукахъ, и уже съ перваго распредѣленія князей по областямъ при Владимірѣ Св., въ 988 году, мы находимъ въ Муромѣ князя Глѣба, между тѣмъ какъ его не было даже въ Черниговѣ. Самые походы Владиміра на Волжскихъ Болгаръ имѣли цѣлью обезопасить этотъ торговый пунктъ отъ притязаній Болгаръ на владѣніе имъ, что имъ удалось, хотя на короткое время, при борьбѣ Олега съ Мономахомъ. Послѣднія раскопки окончательно подтверждаютъ наше мнѣніе о торговомъ значеніи этого города. Тамъ были найдены, какъ въ Черниговѣ Саманидскіе диргемы и германская монета, относящіеся къ VII—X ст. по Р. Х. [1])

—

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ слабый очеркъ промышленности и торговли. Мы предпослали его и „очеркъ колонизаціи“ въ видѣ вступленія въ нашу исторію. Должно сознаться, что, по необходимости, въ нашемъ сочиненіи мы должны были оставить два пробѣла, именно ничего не сказать „о религіи и бытѣ Сѣверянъ“ и выпустить“ историко-топографическое изслѣдованіе“ ихъ страны. Это произошло по недостатку научныхъ средствъ. Для очерка религіи Сѣверянъ мы имѣемъ рѣдкія указанія, разсыпанныя по Губерн. и Епарх. Вѣдомостямъ Черниговской губерніи, которыхъ и собрать было невозможно въ полномъ составѣ, да ихъ было-бы и недостаточно, такъ какъ Сѣверяне занимали не одну Черниговскую губернію, а Курскую, часть Харьковской и Подонье. Слѣдовательно собрать матерьялъ изъ всѣхъ этихъ областей невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и средствъ. *Извѣстія лѣтописи и арабскихъ писателей даютъ общія мѣста, которыя могутъ относиться ко всѣмъ Славянамъ вообще.* Историко-топографическое изслѣдованіе, хотя и при существованіи матерьяла въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, книги большаго чертежа и т. д., невозможно было по недостатку подъ руками картъ.

Не теряя надежды осуществить свое желаніе заняться этими двумя отдѣлами, я отлагаю эту работу до болѣе благопріятнаго времени.

---

[1]) Этими свѣдѣніями я обязанъ В. Б. Антоновичу.

III.

Хазарскій періодъ.

Положительная исторія Сѣверянъ начинается со времени подчиненія ихъ Хазарамъ, которые вошли въ сношенія съ сосѣдними арабскими странами, откуда мы и получаемъ первыя извѣстія, которыя можно считать достовѣрными. Предшествующій періодъ покрытъ мракомъ, и кромѣ того, что мы сказали уже о поселеніяхъ Сѣверянъ по Дону и берегамъ Азовскаго моря, прибавить ничего нельзя. Другими словами, можно констатировать только тотъ фактъ, что Сѣверяне жили съ незапамятныхъ временъ въ той территоріи, которую мы очертили, и были участниками торговли, процвѣтавшей на южной ея окраинѣ. Главная цѣль всего населенія была эта торговля, благодаря которой у него должно было процвѣтать земледѣліе, охота и различныя ремесла. Никакихъ воинственныхъ стремленій мы у него предполагать не можемъ, потому что вся его жизнь, его цѣль должна была препятствовать ихъ развитію.

Сѣверяне, составляя одно племя, дробились, по всей вѣроятности, на отдѣльныя, самостоятельныя общины. Наша лѣтопись сохранила намъ извѣстія, что въ Любечѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, были отдѣльные князья, находившіеся подъ властью Олега послѣ покоренія имъ Сѣверянъ [1]).

Хазаре, явившись на берега Каспійскрго моря, застали Сѣверянъ на ихъ мѣстахъ, съ ихъ федеративнымъ устройствомъ, съ ихъ обширной торговлей. И тутъ мы видимъ одинъ изъ разительнѣйшихъ примѣровъ, когда положеніе страны создаетъ подходящій ему типъ государства; хазаре безъ труда и, можетъ быть безъ сопротивленія подчинили мирное, промышленное населеніе Подонья и Приазовья, но не покорили его, а сами подчинились его культурному вліянію. Хазаре подчинились силѣ того постояннаго, промышленнаго движенія, которое было въ этой мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были стать въ подходящія къ сохраненію стараго порядка отношенія къ населенію, которое они подчинили.

Хазарское царство составилось изъ Славянъ, Хазаръ, переселенцевъ Евреевъ и Арабовъ. Поселенія Сѣверянъ по Дону, Донцу и берегамъ Азовскаго моря первыя подверглись подчиненію, и только впо-

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 18; Лавр. Лѣт. стр. 30.

слѣдствіи Хазаре распространили свою власть и на остальныя области Сѣверянской земли, подчиненіе которой также едвали сопровождалось борьбой. Сѣверяне центральныхъ областей видѣли, что ихъ южные земляки сохраняютъ подъ владычествомъ Хазаръ полную свободу религіи и торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуются защитой Хазарскаго царства отъ внѣшнихъ враговъ. Эта торговля составляла жизненный вопросъ и для всей земли Сѣверянъ; потому то они должны были вскорѣ послѣ своихъ южныхъ колоній признать власть Хазарскаго каганата. Мы не можемъ опредѣлить времени, въ которое произошелъ послѣдній фактъ, но можно только сказать, что еще за долго до зарожденія государственнаго начала въ Кіевѣ, Сѣверяне платили Хазарамъ дань, слѣдовательно признавали ихъ гегемонію. Условія, на которыхъ признали Сѣверяне власть Хазаръ, для центральныхъ областей и южныхъ ихъ колоній были не одинаковы. Вся зависимость первыхъ выражалась только въ платѣ дани, по бѣлкѣ съ каждаго дома [1]), и, можетъ быть, въ допущеніи Хазарамъ селиться въ Сѣверянской области. По крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ еще остались слѣды Хазарскаго владычества въ названіяхъ мѣстностей Черниговской губ. Такія названія селъ и деревень какъ Козаричи, (Х)азарово, Козаровка [2]),—ясно указываютъ на бывшія здѣсь Хазарскія поселенія. По всей вѣроятности, это были торговые люди, появившіеся здѣсь чрезъ южныя Сѣверянскія поселенія и проложившіе путь Хазарскому вліянію. Можетъ быть въ послѣдствіи, когда возгорѣлась борьба съ подчиняющимъ вліяніемъ Кіева, эти Хазарскія поселенія обратились въ укрѣпленныя мѣста. Южныя поселенія Сѣверянъ находились въ болѣе тѣсной государственной связи съ Хазарами. Предлагая Сѣверянамъ свое покровительство отъ сосѣднихъ враговъ, Хазаре естественно должны были взамѣнъ этого требовать отъ Славянъ выполненія нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей. Войско Хазарскаго кагана состояло въ сильной степени изъ Сѣверянъ, служившихъ однако-же, какъ видно, по найму [3]), хотя въ его войско входили и другіе элементы, особенно коренной Хазарскій. Кромѣ Хазарскаго кагана никакое другое лицо

---

[1]) Ипатск. Лѣт. стр. 11; Лавр. Лѣт. стр. 18.

[2]) См. Домонтовича: Матерьял. для геогр. и статист. Черн. губ.

[3]) Гаркави. Стр. 38 и 129.

не имѣло права имѣть наемное войско [1]), въ чемъ чувствуется опасеніе Хазаръ противъ могущаго быть возмущенія противъ ихъ власти. Хазаре не ждали возмущенія отъ населенія, которому было вполнѣ спокойно въ періодъ процвѣтанія Хазарскаго царства, а они боялись, по всей вѣроятности, старѣйшинъ славянскихъ общинъ, и того переворота, который видоизмѣнилъ государственное устройство Полянскаго племени.

Сверхъ того важные пункты Сѣверянскихъ колоній были заняты Хазарскимъ гарнизономъ, какъ это мы уже видѣли относительно Бѣлой-Вежи и Тмутораканя. Вѣроятно, этотъ гарнизонъ состоялъ изъ войскъ чисто Хазарскихъ, что соотвѣтствовало интересамъ Хазаръ. Что касается дани, то, можетъ быть, она и не взималась съ донскихъ поселеній, хотя мы и знаемъ, что съ коренныхъ областей Сѣверской земли Хазаре её получали: выгоды, получаемыя послѣдними съ каспійской и азовской торговли вполнѣ замѣняли собою платежъ дани, которая могла поставить всё таки въ болѣе натянутое отношеніе Сѣверянъ и Хазаръ. Платежъ обусловливаетъ подчиненіе, а не федерацію, между тѣмъ здѣсь мы видимъ только послѣднюю: Сѣверяне выставляли войско для защиты своихъ-же интересовъ, и занятіе Тмутораканя и Бѣлой-Вежи, можетъ быть, входило даже въ обязательныя условія со стороны сохраненія безопасности Славянскаго населенія. Эту мысль о федераціи подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что кромѣ выполненія этихъ государственныхъ повинностей Сѣверяне въ своихъ обычаяхъ, самоуправленіи, религіи, сохраняли полную независимость. Мы видимъ, что Славянскіе купцы исполняютъ свободно свои религіозные обряды. Право суда по своимъ обычаямъ сохранялось также въ полной силѣ, какъ это мы увидимъ сейчасъ, и не только для Славянъ, но и для лицъ другихъ народностей, проживавшихъ въ предѣлахъ Хазарскаго царства. Послѣдніе, по преимуществу, были изъ промышленнаго класса и потому жили въ столицѣ его, Итилѣ, гдѣ для ихъ дѣятельности было болѣе простора. И вотъ для рѣшенія дѣлъ этого разноплеменнаго населенія въ столицѣ было семь судей: двое изъ нихъ для мусульманъ, двое для Хазаръ, которые судили по законамъ Торы (евр. свящ. книги), двое для тамошнихъ христіанъ, которые судятъ по закону Инджиля

[1]) Ibid., стр. 129.

(Евангелія) и одинъ для Славянъ, который судитъ „по закону язычества, т. е., по закону разума“ [1]).

Конечно, эти судьи должны были избираться изъ среды той части населенія столицы, которая обращалась къ нимъ за судомъ. Такое неравномѣрное, повидимому, распространеніе лицъ судебной власти между разноплеменными частями населенія вполнѣ объясняется самой пропорціей между количествомъ лицъ различныхъ вѣроисповѣданій. Мусульмане, Греки и Хазаре должны были жить въ столицѣ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ Славяне: Хазаре представляли преобладающую часть населенія, мусульмане-же и греки являлись тамъ, какъ промышленное и торговое населеніе изъ дальнихъ мѣстностей и государствъ и поэтому должны были сосредоточиться только въ столицѣ; между тѣмъ Славяне занимали въ предѣлахъ-же Хазарской земли обширныя земледѣльческія поселенія, были у себя, какъ-бы дома, и потому сосредоточиваться въ большомъ количествѣ въ Итилѣ имъ не было нужды. Они являлись туда для торговли изъ своихъ мѣстъ жительства и, распродавши товаръ, возвращались въ свои поселенія. Итакъ даже въ столицѣ Хазаріи предоставлялось Славянамъ судить по своимъ народнымъ обычаямъ, то тѣмъ болѣе Сѣверяне должны были пользоваться этою самостоятельностью на своей территоріи. Единственная дань, которую вносили Сѣверяне Хазарскому правительству—это десятина съ торговли [2]), но, конечно, это было чисто торговое установленіе, а не государственное.

Вотъ всё, что мы можемъ сказать о положеніи Сѣверянскихъ колоній подъ властью Хазарскихъ кагановъ. Мы можемъ отсюда заключить, что дальнѣйшее распространеніе ея въ центральныя области Сѣверянъ произошло мирнымъ путемъ, точно также, какъ и въ область Вятичей. Тяготѣніе поселеній послѣдняго племени къ югу доказываетъ, что и оно принимало участіе въ торговлѣ, и что купцы Вятичей являлись и въ столицѣ Хазаріи. Выгода южной торговли заставила и послѣднихъ принять требованіе платежа дани, такъ какъ въ противномъ случаѣ могла быть угроза—запретить всѣмъ торговлю. Такимъ образомъ всё, что̀ тѣсно не входило въ кругъ Хазарскаго каганатства, обязано было за участіе въ торговлѣ платить дань и тѣмъ именно продуктомъ, который былъ необходимъ Хазарамъ для торговли. Эта

---

[1]) Гаркави, стр. 129.

[2]) Ibid., стр. 49 и 251.

торговая дань со всего племени мало по малу обращалась въ подчиненіе, болѣе сильное, сопровождавшееся проникновеніемъ Хазаръ въ области обложенныхъ данью племенъ.

Славянскія племена, какъ Сѣверяне, Вятичи и Поляне, стояли тогда именно въ такомъ положеніи, что имъ необходимо было признать надъ собою чью-бы то ни было гегемонію. Они стояли еще въ такомъ положеніи, когда идеи военной силы и централизаціи еще не выработались у нихъ, и только впослѣдствіи, въ эпоху ближайшую къ созданію государства, у нихъ начинается броженіе, какая-то недошедшая до насъ борьба, окончившаяся побѣдой идеи государственности въ новомъ видѣ: это было исторически необходимо и послѣдовательно.

Наша мысль о такомъ способѣ подчиненія подтверждается невозможностью военнаго проникновенія Хазаръ въ такія отдаленныя области, какъ Вятичи и Радимичи, да даже и Сѣверяне. Какъ давно произошло обложеніе данью этихъ племенъ, мы ничего не знаемъ. Наша лѣтопись подъ 859 годомъ разсказываетъ, что они и Поляне платили дань Хазарамъ, а Новгородцы и другія сѣверныя племена—Варягамъ. Но можно отнести этотъ фактъ къ гораздо болѣе раннему времени [1]).

„И живяху въ мирѣ Поляне и Древляне, Сѣверъ и Радимичи, Вятичи и Хорвате," такъ разсказываетъ наша лѣтопись о первоначальныхъ временахъ исторіи русско-славянскихъ племенъ, но едвали это миролюбивое отношеніе существовало между всѣми ими. Мы видѣли отношенія между Сѣверянами, Вятичами и Радимичами и нашли, что они несомнѣнно должны были быть связаны общими интересами;

---

[1]) Подъ 859 годомъ Лавр. Лѣт. разсказываетъ: „Имяху дань Варязи изъ заморья на Чюди, на Словѣнехъ, на Мери и на Всѣхъ (и на) Кривичѣхъ, а Козари имяху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имяху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма." Далѣе пропускаетъ два года 860 и 861-й и затѣмъ подъ 862 г. говоритъ: „Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ себѣ володѣти...." Не нужно большой внимательности, чтобы замѣтить, что первый отрывокъ (подъ 859 г.) и второй (подъ 862 г.) составляли одно цѣльное сказаніе, цѣльную легенду о призваніи Варяговъ, и потомъ уже позднѣйшій составитель лѣтописи, разставляя совершенно произвольно года въ началѣ лѣтописи, оторвалъ первый кусокъ и поставилъ подъ 859 г., а остальное подъ 862 г., не соображая, что очень коротокъ промежутокъ въ два года между наложеніемъ и уничтоженіемъ дани. Поэтому нельзя это событіе относить къ 859 году.

кромѣ того, мы не находимъ между ними ничего, могущаго произвести борьбу: пути восточной торговли, Донецъ, Донъ и Волга, находились среди Сѣверянскихъ колоній, и потому ни Радимичи, ни Витячи, не могли заявлять на нихъ никакихъ претензій. Другое дѣло, когда по обѣимъ сторонамъ такой важной дороги, какъ Днѣпръ, жили одинаково промышленныя племена, которыя на основаніи владѣнія однимъ изъ береговъ, могли заявлять на него свои притязанія, и, чѣмъ болѣе развивалась торговля, тѣмъ болѣе должно было усиливаться стремленіе каждаго племени захватить этотъ путь въ свои руки. Мы видѣли поселенія Полянъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра и Сѣверянскія на правой, что указываетъ на это стремленіе и на давно происходившую борьбу между этими двумя племенами, преданіе о которой уцѣлѣло и въ лѣтописи: „и быша обидимы (Поляне) Деревляны и инѣми окольними“[1]). Этотъ споръ двухъ промышленныхъ племенъ обратился потомъ, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, въ непримиримую ненависть, дававшую источникъ борьбѣ между Черниговомъ и Кіевомъ во весь періодъ ихъ самостоятельнаго существованія. Когда и Поляне попали подъ власть Хазаръ, то можетъ быть, подъ равномѣрнымъ давленіемъ ея эта борьба нѣсколько ослабла; даже можно предположить, что Сѣверяне имѣли нѣкоторый перевѣсъ надъ Полянами, такъ какъ стояли въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Хазарамъ.

Какъ долго продолжалось владычество Хазаръ, мы не знаемъ; несомнѣнно только то, что конецъ его по отношенію Полянъ совпалъ съ зарожденіемъ у нихъ новаго государственнаго начала: княжеской власти и дружины въ ущербъ вѣчевому устройству. Оно было вызвано исторической необходимостью бороться съ сосѣдними врагами за сохраненіе своей самостоятельности. Но всё-таки само по себѣ Полянское племя сдѣлать ничего не могло, если-бы оно не притянуло къ своему союзу другихъ славянскихъ племенъ. Особенно оно должно было заботиться о томъ, чтобы поладить съ сосѣдями—Сѣверянами и Древлянами, какимъ-бы образомъ ни произошло это соглашеніе, на правахъ федераціи, или полномъ подчиненіи. Вновь введенное постоянное войско, въ видѣ дружины, давало Полянамъ перевѣсъ въ военномъ отношеніи надъ этими племенами, которыя обладали только земскою ратью, а промышленное и торговое развитіе Сѣверянъ дѣлало ихъ ме-

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 16.

нѣе способными къ упорному сопротивленію новому началу. Самое владычество Хазаръ, охранявшихъ интересы Сѣверянъ, еще болѣе должно было способствовать развитію у нихъ промышленныхъ стремленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ промышленное развитіе Сѣверянской области давало возможность ея населенію выставить такую-же противоборствующую силу Полянамъ въ видѣ наемной дружины. Вообще чѣмъ выше стояло культурное развитіе Сѣверянъ, тѣмъ болѣе должны были опасаться Поляне неосторожныхъ подчиняющихъ дѣйствій по отношенію этого племени. Дѣйствительно, мы видимъ замѣчательную тактичность и послѣдовательность въ подчиненіи Сѣверянъ Полянами.

Борьба съ Арабами и кочевниками сильно ослабила могущество Хазарскаго каганата и показала Сѣверянамъ, что онъ не можетъ дать имъ прочной защиты отъ сосѣднихъ враговъ. Сѣверянскія колоніи, какъ мы говорили, должны были начать сами борьбу съ кочевниками, потому что Хазары, хотя и выстроили укрѣпленія Бѣлой-Вежи, не могли однако-же защитить все Подонье отъ набѣговъ Печенѣговъ. Это замѣшательство на югѣ и ослабленіе Хазаръ хронологически совпадали, по всей вѣроятности, съ занятіемъ Любеча, первой гавани Сѣверянъ, полянскимъ гарнизономъ и намѣстникомъ кіевскаго князя [1]). Непосредственно затѣмъ начать дальнѣйшее наступателеное движеніе на Сѣверянъ было опасно: у Полянъ съ другой стороны былъ не менѣе сильный врагъ, если не по культурному развитію, то по своей воинственности, Древляне, съ которыми надо было свесть счеты за старыя порубежныя недоразумѣнія. Поэтому то въ продолженіи двухъ лѣтъ (по лѣтописи) мы видимъ, что Поляне ограничиваются только удержаніемъ Любеча, и уже въ 884 году Олегъ двинулся на Сѣверянъ для ихъ покоренія [2]), когда Древляне огнемъ и мечемъ были принуждены къ платежу дани [3]). Но эта попытка открытаго подчиненія, не увѣн-

[1]) Лѣтопись приписываетъ это занятіе личности Олега и относитъ его къ 882 году. Такое точное опредѣленіе времени мы оставляемъ подъ сомнѣніемъ, такъ какъ года въ лѣтописи были разставлены уже впослѣдствіи. Что касается борьбы Арабовъ съ Хазарами, то Аль-Баладури упоминаетъ походъ Марвана еще въ VIII в. Наша лѣтопись первый разъ упоминаетъ о Печенѣгахъ во время княженія Игоря, но столкновеніе ихъ съ юго-восточными поселеніями должны были начаться гораздо раньше.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 23.

[3]) Ibidem.

чалась успѣхомъ, потому что кіевскій князь ограничивается наложеніемъ только легкой дани съ оставленіемъ полной автономіи [1]).

По всей вѣроятности Олегъ недалеко еще проникъ въ область Сѣверянъ, встрѣтивши сильное сопротивленіе, подкрѣпляемое въ то время покровительствомъ Хазаръ. Входить въ борьбу съ послѣдними для кіевскаго князя было тогда еще опасно. Поэтому то кіевскій князь переговорами склонилъ Сѣверянъ, по всей вѣроятности, западныхъ областей къ передачѣ дани ему и такимъ образомъ къ признанію надъ собой покровительства Кіева, въ замѣнъ бывшаго хазарскаго. Этимъ легкимъ платежемъ дани и ограничилась пока зависимость Сѣверянъ отъ Кіевскихъ князей. Только можно предположить, что Любечь не былъ освобожденъ отъ кіевскихъ посадниковъ, что могло быть выставлено съ точки зрѣнія охраны столь важной для Сѣверянъ гавани.

Но трудность борьбы съ Сѣверянами обусловливалась кромѣ приведенныхъ причинъ еще тою близостью отношеній, въ которой стояли они съ Радимичами и Вятичами. Вотъ почему Кіевскіе князья удовольствовались столь малымъ: они рѣшились разобщить интересы племенъ. Съ этою цѣлью они переговорами склоняютъ Радимичей и Вятичей къ признанію гегемоніи Кіева [2]), обѣщая за это свое покровительство. Это признаніе выразилось только данью въ томъ-же размѣрѣ, какъ они платили Хазарамъ, по шелягу отъ сохи, что ясно указываетъ не на подчиненіе ихъ Кіеву, а на простой переходъ покровительства изъ рукъ Хазаръ къ Полянамъ. Такимъ образомъ первоначальное сое-

---

[1]) Любопытно различіе въ тонѣ извѣстій:

„Почя Олегъ воевати Древляны и, примучивъ а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.“

„Иде Олегъ на Сѣверяне и побѣди Сѣверяны и возложи нань дань легъку и не дасть имъ Козарамъ дани платити рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему.“

Въ первомъ случаѣ видно полное стремленіе силой оружія подчинить своей власти или поработить Древлянское племя, „примучить его;“ между тѣмъ во второмъ—мы замѣчаемъ гуманность и дипломатичность: Кіевскій князь, оставшійся побѣдителемъ, налагаетъ легкую дань и ведетъ убѣдительные переговоры.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 23. О Вятичахъ нѣтъ извѣстія въ эту эпоху, но участіе ихъ въ походъ Олега на Византію, относимомъ лѣтописью къ 907 году, показываетъ, что и они тогда уже пристали къ Полянскому союзу.

диненіе этихъ племенъ съ Кіевомъ имѣло болѣе федеративный характеръ. Но такое положеніе не было прочно, и всякое недоразумѣніе могло повесть къ отложенію племенъ. Это было не безопасно для Кіева: попытка Волынянъ сплотить племена въ одинъ союзъ была, по всей вѣроятности, памятна, какъ и ихъ неудача [1]), поэтому дѣйствовать надо было болѣе осторожно.

Сверхъ дани племена обязывались выставлять извѣстный контингентъ войска во время войны съ сосѣдями, но при этомъ, какъ кажется, условія мира зависѣли не отъ одного кіевскаго князя, а также и отъ представителей племенъ, которые вмѣстѣ съ земскою ратью каждаго племени сопутствовали кіевскому князю [2]). Такъ всѣ договоры пишутся отъ имени кіевскаго князя и пословъ другихъ племенъ; часть добычи отдается участвовавшему въ походѣ племени [3]). Вотъ всё, что можно сказать объ условіяхъ, на которыхъ произошло политическое соединеніе Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей съ Полянами. Мы видимъ, что по прежнему племенами управляютъ свои племенные князья, съ полной самостоятельностью въ дѣлѣ внутреннихъ распорядковъ и только во внѣшнихъ дѣлахъ признаютъ первенство кіевскаго князя, выражая это упомянутыми условіями.

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ Аль-Масуди: „Изъ этихъ (славянскихъ) племенъ одно имѣло прежде въ древности власть надъ ними; его царя называли Маджакъ, а само племя называлось Валиняна. Этому племени въ древности подчинялись всѣ прочія славянскія племена, ибо верховная власть была у него, и прочіе цари ему повиновались.“ (Гаркави, стр. 136). Затѣмъ Эль-Бэкри добавляетъ: „Потомъ они стали не согласны, и прекратился ихъ государственный порядокъ, и племена ихъ стали отдѣльными государственными группами, и воцарился въ каждомъ ихъ племени царь (стр. 46).

[2]) „Иде Олегъ на греки....ная множество Варягъ и Словенъ и Чюдь и Кривичи и Мерю, и Деревляны и Радимичи и Поляны и Сѣверо и Вятичи....,“ гдѣ ясно видно только что сказанное.

Начало договоровъ: (912 г.) „иже послани отъ Ольга, великаго князя русскаго и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князь....,“ далѣе: „похотѣньемъ нашихъ великихъ князь и по повелѣнію отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси....“

(945 г.) „....послании отъ Игоря, великаго князя русскаго и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій Русския земли....“

[3]) Припомнимъ назначеніе дани на Любечъ, Черниговъ и другіе города, принадлежавшіе различнымъ племенамъ.

Такимъ образомъ это вновь появившееся у русско-славянскихъ племенъ государственное устройство въ сильной степени напоминало собою удѣльно-вѣчевую систему съ тѣмъ только различіемъ, что областные князья здѣсь были племенные, связанные съ великимъ княземъ только извѣстнымъ договоромъ. Такое устройство повторялось уже второй разъ, слѣдовательно, было единственно возможное при необходимости соединиться въ одно цѣлое съ сохраненіемъ племенныхъ интересовъ. Слѣдовательно почва для будущей удѣльно-вѣчевой системы была вполнѣ готова. Старый порядокъ, съ уничтоженіемъ, къ тому времени, племенныхъ князей, вылился только въ новой формѣ: связь договора замѣнилась связью родства и повела къ нескончаемымъ смутамъ.

Такимъ образомъ Сѣверянская область распалась на двѣ части: одна—западная—вошла въ союзъ съ Полянскимъ племенемъ, другая—восточная—съ своими колоніями осталась подъ властью Хазаръ. Такъ продолжалось до времени Святослава. Во весь этотъ періодъ Кіевскіе князья мало обращаютъ вниманія на Сѣверянъ. Въ то время Кіеву приходилось бороться съ другими врагами, Древлянами, о которыхъ мы уже упоминали. Кіевскіе князья рѣшились подавить, во что бы то ни стало, возстаніе этого племени. Въ этой борьбѣ погибъ Игорь, но перевѣсъ всё таки остался на сторонѣ Полянъ [1]), благодаря постоянному войску.

Управившись здѣсь и обезопасивъ себя съ этой стороны, кіевскіе князья получили бо́льшую увѣренность въ своихъ силахъ и рѣшились сократить самостоятельность сосѣднихъ племенъ. Прежде всего, сборъ дани, который, по всей вѣроятности, былъ прежде предоставленъ самимъ племеннымъ князьямъ, теперь переходитъ въ руки кіевскихъ князей, которые въ извѣстное время года отправляются для этого въ области подчиненныхъ племенъ. Этотъ способъ сбора дани назывался *полюдьемъ* [2]). Установленіе его относится, вѣроятно, къ первымъ временамъ княженія Святослава послѣ борьбы съ Древлянами [3]). Но прежде,

---

[1]) Лавр. Лѣт стр. 54. Преданіе объ этой борьбѣ сохранилось въ народномъ сказаніи о мести Ольги Древлянамъ.

[2]) „.....ἐξέρχονται μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς'ἀπὸ τὸν Κίαβον καὶ'απέρχονται εἰς τὰ πολύδια.“ (**Monum. Poloniae hist. pag.** 20).

[3]) Не даромъ установленіе различныхъ даней въ области Сѣверянъ и другихъ племенъ народное преданіе относитъ къ личности Ольги, побѣди-

чѣмъ утвердился такой порядокъ вполнѣ, Кіеву пришлось, вѣроятно, выдержать упорную борьбу съ подчиняемыми племенами. Пока Сѣверская земля распадалась на двѣ части, признающія различную гегемонію, трудно было окончательное подчиненіе западной половины. Естественно, восточная половина Сѣверской земли сохраняла непрерывную связь съ западной и могла поддерживать её противъ притязаній Кіевскихъ князей, находясь сама подъ покровительствомъ Хазаръ. Это положеніе должно было продолжаться, пока существовалъ Хазарскій каганатъ. Кіевскіе князья это очень хорошо понимали. Въ IX и X вв. мы видимъ ихъ походы на востокъ [1]), можетъ быть, съ цѣлью обогащенія, но можетъ быть, что ими руководила мысль ближе присмотрѣться къ ходу дѣлъ въ Хазарскомъ царствѣ. Послѣдній такой походъ былъ въ 912 году, въ тотъ періодъ, когда кіевскіе князья не выказывали еще стремленія къ совершенному подчиненію другихъ племенъ. Можетъ быть, тогда и восточная часть, тѣснимая кочевниками, соединилась-бы съ своей западной половиной, но Хазарскій каганатъ былъ еще на столько силенъ, что борьба съ нимъ Кіевскихъ князей была не сподручна, такъ какъ у нихъ и дома были еще враги. Теперь обстоятельства измѣнились. Въ періодъ отъ 912 г. до 964 г. каганатъ сильно ослабѣлъ; подъ властью Кіевскихъ князей стояли почти всѣ племена; Древляне, и другіе враги, Уличи и Тиверцы, были покорены, поэтому можно было уничтожить послѣднюю помѣху къ подчиненію Сѣверянъ. Въ 964 году Святославъ двинулся на Волгу и оттуда напалъ на Хазаръ, при чемъ нанесъ окончательный ударъ ихъ каганатству, и всѣ восточныя колоніи Сѣверянъ, съ городами Бѣлой-Вежей, Тмутараканью и Корчевомъ (Керчью) признали свою зависимость отъ Кіева [2]).

Такимъ образомъ ослабленіе Хазаръ, наплывъ кочевниковъ и дру-

---

тельницы Древлянъ. Устанавливать дани было не нужно: онѣ уже были установлены, а ясно, что въ этомъ преданіи осталось впечатлѣніе отъ перваго „полюдья.“ Приписка его личности Ольги указываетъ на совпаденіе установленія полюдья и порабощенія Древлянъ.

[1]) Гаркави, стр. 63 и 130.

[2]) Гаркави, стр. 219 и 220; Лавр. Лѣт. стр. 63. Наша лѣтопись относитъ походъ къ 964 г., а арабскіе писатели къ 969 году. Разница въ годахъ небольшая и поэтому историческаго значенія не имѣетъ.

гія внутреннія причины способствовали подчиненію Сѣверянъ Полянскому владычеству [1]).

Захвативши въ свои руки Любечь, Бѣлую-Вежу, Тмутаракань, Кіевскіе князья держали всю промышленность Сѣверянъ въ своихъ рукахъ. Какъ въ періодъ развитія хазарскаго могущества Сѣверяне имѣли перевѣсъ надъ полянами въ спорѣ за Днѣпръ, такъ теперь онъ долженъ былъ перейти на сторону послѣднихъ. Къ этому-то времени относится, по всей вѣроятности, распространеніе владѣній Полянъ на Сѣверянской территоріи и захватъ ими устья Десны. Всё это вмѣстѣ взятое за одно съ полюдьемъ должно было возбудить въ Сѣверянахъ ненависть къ своимъ подчинителямъ и рано или поздно повести къ попыткѣ возвратить свою самостоятельность.

Въ періодъ отъ 972 г. до 980 г. Сѣверская земля пользовалась нѣкоторой долей независимости, чему способствовала междуусобная борьба, начавшаяся среди сыновей Святослава. Мы не знаемъ, какую роль играли Сѣверяне въ этой неурядицѣ, но послѣдующія дѣйствія Кіевскаго князя заставляютъ насъ предполагать, что одновременно съ борьбою между Древлянскимъ княземъ, Олегомъ и Кіевскимъ Ярополкомъ, началось движеніе и въ Сѣверской области. Роздавъ своимъ сыновьямъ области въ управленіе, Святославъ оставилъ Сѣверянъ только съ своими намѣстниками. Такая раздача областей имѣла цѣлью болѣе привязать различныя племена къ Кіеву. Этому должна была способствовать родственная связь младшихъ князей съ Кіевскимъ; постоянное пребываніе князя съ наемной дружиной, съ цѣлымъ дворомъ прислуги при его семействѣ, въ главномъ городѣ извѣстнаго племени, постоянныя сношенія съ Кіевомъ,—все это должно было дѣйствовать подчиняющимъ образомъ. Что это именно была такая цѣль, видно изъ того, что первый князь былъ посланъ къ древлянамъ, племени, которое отли-

---

[1]) Любопытно, что договоръ Святослава съ Греками пишется уже только отъ имени Святослава и его бояръ, а о свѣтлыхъ князьяхъ не упоминается. Не относится-ли къ этому-же періоду уничтоженіе племенныхъ князей. По крайней мѣрѣ, у Сѣверянъ мы не встрѣчаемъ о нихъ болѣе никакихъ извѣстій, хотя уже въ XII в. упоминается у Вятичей Ходотъ и его сынъ, но вѣрнѣе, что это не были прежніе племенные князья, а представляли личности, поднявшія Вятичей противъ Чернигова и игравшія только роль князей. Объ этомъ движеніи Вятичей мы будемъ говорить въ свое время.

чалось своимъ упорствомъ въ борьбѣ съ подчиняющимъ вліяніемъ Кіева [1]) и въ Новгородъ, который удержать въ повиновеніи было важно для кіевскихъ князей, потому что чрезъ него они вели торговлю съ Западной Европой и получали наемныя дружины. Впослѣдствіи, когда гнетъ Полянской гегемоніи сталъ болѣе чувствителенъ для подчиненныхъ племенъ, между тѣмъ родственныя связи ослабли, такъ какъ это были уже не сыновья, а братья, племянники, двоюродные братья и т. д., то областные интересы соединяются съ интересами князей, а далѣе первые берутъ даже надъ вторыми перевѣсъ Какъ прежде племя желало скорѣе имѣть намѣстника, при которомъ подчиняющее вліяніе было слабѣе, теперь каждая область стремится имѣть своего особаго князя. Вѣроятно, въ періодъ, указанный нами, Сѣверская земля имѣла въ своихъ главныхъ городахъ, Любечѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Бѣлой-Вежи и Тмутаракани—княжескихъ намѣстниковъ съ гарнизономъ, но всѣ внутренніе распорядки оставлены были независимыми. Сѣверяне сохраняли прочно союзъ до поры до времени, не смотря на полюдья, гарнизоны и тому подобныя стѣсненія, а потому раздражать ихъ болѣе, какъ сильное и культурное племя, было опасно. Когда-же началось междоусобіе, то за одно съ древлянскимъ княземъ сдѣлали попытку и Сѣверяне. Но выступить открыто противъ стремленій Ярополка они не могли, потому что не могли выставить противъ его постояннаго войска свои земскія дружины. Новгородцы же съ своимъ княземъ Владиміромъ наняли войско и противопоставили его кіевской дружинѣ, почему и выиграли дѣло. Содѣйствіе Сѣверянъ Владиміру въ его борьбѣ съ Ярополкомъ вполнѣ было естественно еще и потому, что онъ долженъ былъ имѣть въ ихъ землѣ большую партію приверженцевъ, какъ сынъ Малуши, которая была родомъ изъ Любеча [2]). Ярополкъ погибъ, но вмѣстѣ съ нимъ не могли исчезнуть централизаціонныя стремленія кіевскихъ князей. Ярополкъ смѣнился Владиміромъ, а политика Кіева осталась таже, только получила новую поддержку для достиженія своей цѣли. Эта поддержка явилась въ видѣ христіанства.

---

[1]) Отправляясь на войну въ Болгарію въ 970 г., Святославъ нашелъ нужнымъ обезопасить себя со стороны племенъ, которыя не совсѣмъ-то были надежны, и сажаетъ въ области Древлянъ Олега съ дружиной (Лавр. Лѣт. стр. 67). Именно этотъ фактъ служитъ подтвержденіемъ нашей мысли.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 68.

IV.

Христіанскій періодъ.

Сверхъ новаго государственнаго устройства съ постояннымъ войскомъ, сверхъ другихъ историческихъ условій политика кіевскихъ князей находила еще себѣ поддержку въ общественномъ складѣ племенъ. Нашъ очеркъ промышленности и торговли Сѣверянъ достаточно, я думаю, показалъ, что племена, къ періоду зарожденія у Полянъ новаго государстсеннаго строя, были далеко не въ дикомъ состояніа. По своей культурѣ они нисколько не уступали современной Западной Европѣ. Но обширная торговля, какъ-бы она ни была свободна и доступна для всѣхъ членовъ племени, должна была возвысить благосостояніе отдѣльныхъ личностей, меньшинства. Что это было такъ, лучше всего видно па Новгородѣ, гдѣ очень давно явилось распаденіе на „черныхъ“ и „житыхъ“ людей, хотя одинаково свободныхъ, но по принципамъ совершенно враждебныхъ одни—другимъ. Торговля же ознакомила это меньшинство съ византійскими идеалами, совершенно несходными съ идеалами родной обстановки. Не даромъ хазарское правительство запрещало кому-бы-то ни было имѣть наемныя войска. Этотъ то классъ людей кіевскіе князья постарались привлечь на свою сторону, принимая въ свою дружину, дѣлая своими приближенными. Самый прекрасный примѣръ этого факта мы видимъ на Добрынѣ, который происходилъ изъ Любеча и поступилъ въ княжескую дружину, а его сестра Малуша—была наложницей Святослава [1]). Послѣднее по языческимъ понятіямъ было совершенно возможно, но намъ здѣсь важенъ фактъ, указывающій на стремленіе выдающихся людей сблизиться съ княжескимъ домомъ. Въ 988 г. въ Кіевѣ христіанская религія была признана оффиціальной, т. е. государственной, и князья приняли на себя распространеніе ея свѣта въ областяхъ другихъ племенъ. Вотъ тутъ явилась для Кіева опасность при введеніи христіанства у отдаленныхъ племенъ въ ихъ сопротивленіи. Но первоначально кіевскіе князья и не стараются навязывать новой религіи отдаленнымъ областямъ, а ограничились утвержденіемъ его въ ближайшихъ мѣстностяхъ. Вскорѣ былъ

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 68. Вѣроятно такой случай поступленія въ княжескую дружину былъ не единичный. Такъ въ договорѣ Игоря упоминается посолъ, Ятвягъ, который принадлежалъ къ дружинѣ Игоря. Вѣроятно, среди остальныхъ пословъ также были представители различныхъ племенъ.

поставленъ въ 992 г. епископъ, Неофитъ, Чернигову [1]), значитъ, ровно черезъ четыре года послѣ принятія христіанства въ Кіевѣ. Такое быстрое распространеніе христіанства въ области Сѣверянъ, при чемъ образуется отдѣльная епархія, вполнѣ невозможно, если бы не было предварительной подготовки къ этому факту. Она была несомнѣнно.

Припомнимъ, что юго-западныя области Сѣверянъ примыкали къ греческимъ провинціямъ на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, съ которыми велась обширная торговля хлѣбомъ и мѣхами и по смѣжности владѣній долженъ былъ происходить постоянный обмѣнъ не только произведеній ремеслъ, но обычаевъ и идей. Мы видѣли уже, что въ Хазарскомъ царствѣ была полная вѣротерпимость, и что христіане тамъ имѣли двухъ своихъ судей. Такъ говорятъ намъ арабскіе источники объ Итилѣ, но то же должно допустить и для другихъ важныхъ торговыхъ пунктовъ Приазовья. По моему мнѣнію, нельзя имѣть не малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такіе города, какъ Тмутаракань и Керчь—древніе Фанагорія и Пантикапея, заключали въ своемъ народонаселеніи и христіанъ, такъ какъ эти города издавна были населены греками. Слѣдовательно, приморскія области Сѣверянъ должны были очень давно ознакомиться съ христіанствомъ и имѣть его членовъ среди собственнаго населенія. Отсюда христіанская религія путемъ постоянныхъ сношеній съ сѣверными областями Сѣверской земли должна была проникнуть къ нашимъ предкамъ и пріобрѣсть среди нихъ себѣ сторонниковъ. Но отсюда она проникала еще далѣе. Мы видѣли, что византійскія произведенія проникали далеко на сѣверъ, и между прочимъ найденные кресты [2]) даютъ возможность предполагать, что и среди Мери были члены христіанства. Сверхъ этихъ соображеній мы имѣемъ еще и другія доказательства. „Едва-ли можно, говоритъ Макарій, согласиться, чтобы до пр. Кукши Вятичи были вовсе незнакомы съ вѣрою христіанскою. Въ Курскѣ и нѣкоторыхъ окрестныхъ городахъ существовало христіанство еще въ началѣ XI вѣка“ [3]). Дѣйствительно, когда Ѳеодосій пришелъ въ Кіевъ, во время Ярослава, то со времени оффиціальнаго принятія христіанской религіи въ Кіевѣ прошло приблизительно не болѣе 70 лѣтъ. Не возможно, чтобы въ такой короткій

---

[1]) Никон. лѣт. I часть, стр. 105.

[2]) См. очеркъ торговли.

[3]) Ист. Русск. церкви—Макарія ч. 1, стр. 21.

срокъ въ столь отдаленныхъ отъ Кіева мѣстахъ, какъ Курскъ, явилась страсть къ пилигримству, которое слѣдуетъ за твердо привившимся христіанскими идеалами, чего не могло быть въ Курскѣ по отдаленности его. А мы дѣйствительно встрѣчаемъ развитіе странничества въ этой мѣстности еще во время малолѣтства св. Ѳеодосія, т. е. приблизительно въ началѣ XI в. [1]). Единственное объясненіе этому факту можно найти уже въ указанномъ нами значеніи Курска, какъ торговаго центра [2]). Въ немъ какъ въ связующемъ центрѣ для южныхъ и сѣверныхъ областей земли Сѣверянъ должны были давно появиться христіанскія идеи и проникнуть въ окрестное населеніе.

Другая дорога, которою проникало къ Сѣверянамъ христіанство, была торговая дорога Чернигова съ Византіей. Послѣдняя вліяла на Сѣверянъ не только въ культурномъ отношеніи, но религіозномъ и политическомъ. Сношенія съ нею дали Славяно-русскимъ племенамъ много идеаловъ, и прежде всего, христіанскихъ. Какъ давно началась торговля, мы видѣли; параллельно съ нею должно было развиваться и усиливаться въ Сѣверской землѣ и христіанство. Мы еще въ концѣ X в. видимъ въ Любечѣ будущаго великаго подвижника Антонія, который съ молодыхъ лѣтъ былъ склоненъ къ иночеству. Такую ревность къ христіанской религіи можно объяснить только вліяніемъ твердо укоренившейся вѣры, которой не могли ему дать его родители, сами недавно принявшіе новую религію, если только они не были христіанами раньше, если въ Любечѣ не было христіанъ—туземцевъ и иностранцевъ. Вспомнимъ торговое значеніе Любеча [3]).

Христіанство распространялось и развивалось совершенно свободно. Нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать какую-бы то ни было нетерпимость среди Сѣверянъ и другихъ славянскихъ племенъ, напротивъ находки крестовъ у Мери среди предметовъ языческихъ вѣрованій указываютъ на противоположное воззрѣніе. На вѣротерпимость указываетъ и устройство Хазарскаго царства, которое въ этомъ случаѣ примѣнялось къ выгодамъ и воззрѣніямъ Славянъ.

Среди этого уже подготовленнаго племени христіанству легко было распространиться и утвердиться въ тотъ короткій срокъ, который мы

---

[1]) Учен. Зап. 2 отд. Ак. наукъ, кн. II, вып. II, стр. 133.

[2]) См. очеркъ торговли.

[3]) См. соч. Милорадовича „Любечъ," стр. 4,

видѣли. Христіанство явилось здѣсь безъ борьбы, благодаря именно вѣротерпимости, давшей возможность племени ознакомиться съ новой религіей задолго до принятія ея въ Кіевѣ.

Владиміръ и Ярославъ.

988—1054 г.

Съ образованіемъ отдѣльной епархіи въ Черниговѣ, Сѣверская область вошла еще въ болѣе тѣсныя отношенія къ Кіеву. Черниговскій епископъ, а слѣдовательно и все духовенство, было подчинено кіевскому митрополиту и первоначально происходило, по крайней мѣрѣ высшее, изъ грековъ. Съ византійскими воззрѣніями на государственный строй, духовенство было сильнымъ орудіемъ въ пользу кіевской политики, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ христіанства оказывалась большая партія. Это обѣщало возможность мирнаго и скораго распространенія христіанства и новыхъ идей. Но и самыя внѣшнія событія—все способствовало кіевскимъ князьямъ въ ихъ цѣляхъ. Въ это время особенно сильно начинаютъ надвигаться на русскія границы Печенѣги, разоряя страну и уводя въ плѣнъ жителей. Страдала отъ нихъ и Сѣверская земля [1]). Кіевскіе князья должны были вести съ ними упорную борьбу; надо было отражать нападенія, которыя были неожиданны, и поэтому единственнымъ средствомъ противъ нихъ могли быть пограничныя укрѣпленія къ видѣ засѣкъ и городковъ. Владиміръ первый обратилъ на это вниманіе и приказалъ поставить города по Деснѣ, Сулѣ, Трубежу и Стугнѣ [2]).

Такимъ образомъ южныя границы Сѣверской области были ограждены, хотя въ нѣкоторой степени отъ неожиданныхъ нападеній. На сколько необходимы были эти укрѣпленія видно изъ того, что Печенѣги

---

[1]) Лѣт. Лавр. упоминаетъ нападеніе въ 992 году и соединяетъ съ нимъ сказаніе о богатырѣ Кожемякѣ, которое ясно указываетъ, что борьба съ Печенѣгами по важности для промышленнаго населенія навсегда осталась въ памяти его и явилась въ легендѣ. Затѣмъ въ 997 году и опять соединяетъ съ нимъ легенду о неистощимомъ колодцѣ. Никон. Лѣт. упоминаетъ нападеніе въ 990 году.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 118, 119. Никон. Лѣт. ч. I, стр. 95.

заняли уже Сѣверянскую территорію до Сулы. Этому способствовали неурядицы въ княжескомъ семействѣ, которыя отвлекали вниманіе племени къ его западнымъ границамъ и заставляли оставить безъ вниманія юго-восточныя области. Устройство городковъ дало опору пограничному населенію и послужило исходной точкой дальнѣйшаго движенія въ степи. Впослѣдствіи граница, какъ мы видѣли, установилась по Хоролу. Такимъ образомъ Сѣверяне возвратили себѣ часть отнятой у нихъ прежде территоріи, но этотъ успѣхъ принадлежалъ Переяславскому княжеству. слѣдовательно тому періоду, когда эта часть Сѣверской земли отдѣлилась и образовала отдѣльное цѣлое. Значитъ, ко времени Владиміра Св. кочевники надвинулись главнымъ образомъ къ западу, а не къ сѣверу, потому что съ этой стороны мы въ то время должны предполагать то населеніе, которое впослѣдствіи явилось въ видѣ бродниковъ. Бѣлая-Вежа держалась еще долго послѣ того. Причины такого стремленія Печенѣговъ на западъ совершенно понятны.

Такимъ образомъ постройкой городовъ достигалась главная цѣль—оградиться отъ неожиданностей, но была, мнѣ кажется, цѣль и другая. Города, поставленные по Деснѣ и Остру, не могли имѣть со стороны кочевниковъ никакого стратегическаго значенія, такъ какъ находились внутри Сѣверянской территоріи, при чемъ предъ ними были уже двѣ линіи городковъ по Сулѣ и Трубежу. Построивши ихъ, Кіевскіе князья населили ихъ не Сѣверянами, а Чудью, Кривичами, не имѣвшими общихъ интересовъ съ туземными жителями, и Вятичами [1]), которыхъ необходимо было ослабить въ ихъ собственной землѣ, такъ какъ только что предъ этимъ ихъ пришлось усмирять. Они также думали воспользоваться ослабленіемъ кіевскаго князя, чтобы возвратить свою независимость, но, не поддержанные другими племенами, должны были дважды, въ 981 и 982 гг., испытать погромъ съ полюдьемъ и снова подчиниться Кіеву съ оставленіемъ дани, которую они платили и при Святославѣ [2]). Для бо́льшаго спокойствія часть Вятичей была поселена на границѣ, но при томъ въ смѣси съ выселенцами другихъ племенъ, что парализировало дѣйствія всѣхъ ихъ. Города по Остру и Деснѣ, съ такимъ населеніемъ, были средствомъ удержать въ подчиненіи Сѣверянъ и закрѣпить за полянами захваченную ими территорію у устья Десны.

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 118—119; Никон. Лѣт. ч. I, стр. 95.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 80.

Не смотря на эти мѣры, движеніе у племенъ противъ Кіева не прекращалось. Можно думать, что между ними происходили по этому поводу сношенія, цѣлью которыхъ было—поднять какъ можно больше силъ въ одно время. Такъ еще въ 982 г. Вятичи подбивали Печенѣговъ одновременно открыть военныя дѣйствія противъ Кіева [1]), а сношенія ихъ предполагаютъ участіе въ нихъ Сѣверянъ, территорія которыхъ раздѣляла земли Вятичей и Печенѣговъ. Но въ это время Сѣверяне не приняли участія въ движеніи своихъ сосѣдей, такъ какъ еще недавно, въ 980 г., Владиміръ, пользуясь ихъ сочувствіемъ, овладѣлъ кіевскимъ столомъ, согнавъ Ярополка. Въ то время у Владиміра была въ Сѣверской землѣ еще сильная партія, но съ постройкой городовъ, съ занятіемъ Тмутаракани и Мурома [2]), двухъ крайнихъ центровъ торговли Сѣверянъ, обстоятельства должны были измѣниться, и поэтому Сѣверская земля не могла не сочувствоаать движенію, начавшемуся въ Новгородѣ, гдѣ сидѣлъ Ярославъ....

Между тѣмъ на окраинахъ Сѣверской земли подготовлялся новый порядокъ. Сыновья Владиміра, Глѣбъ и Мстиславъ, посаженные для наблюденія за важными пунктами Сѣверской земли и для сбора торговой дани (мыта) и полюдья, не могли ограничиться только этой дѣятельностью. Выгода заставляла заботиться о безопасности торговли, а это обусловливало борьбу съ сосѣдними воинственными народами. Въ особенности такая дѣятельность выпала на долю Мстислава.

Въ это время на юго-востокѣ должна была идти борьба съ кочевниками, съ остатками Хазарскаго царства и съ Кавказскими воинственными народцами. Со стороны кочевниковъ была опасность торговому движенію съ юга на сѣверъ и западъ; Хазаре старались воротить нѣкогда принадлежавшія имъ области, а народцы Кавказа привлекались богатствомъ Тмуторакани, Корчева и Таврическихъ греческихъ городовъ. Благодаря такимъ условіямъ, интересы князя и мѣстнаго населенія сближались всё болѣе и болѣе: выгода заставляла князя

---

[1]) Татищевъ, стр. 67.

[2]) Владиміръ посадилъ въ Муромѣ Глѣба, а въ Тмутаракани Мстислава (Лавр. Лѣт. стр. 118; Ипат. Лѣт. стр. 83). Лѣтопись относитъ это распредѣленіе земель къ 988 году. Но тогда сыновья Владиміра были еще очень малы. (Святополку—8 лѣтъ). Это должно, по нашему мнѣнію, относиться къ концу его княженія.

вести борьбу, но силы и средства для нея доставлялись заинтересованнымъ въ свою очередь населеніемъ; являлась взаимная зависимость.

Успѣшная борьба Мстислава съ Хазарскимъ каганатомъ съ Ясами и Касогами пріобрѣла ему расположеніе Тмутараканцевъ и юго-восточныхъ Сѣверянъ: они начали его считать *своимъ княземъ*. Въ свою очередь Мстиславъ, личнымъ трудомъ и мѣстными силами обезопасившій и устроившій свою область, считалъ её *своею*; интересы ея дѣлались дея него близкими, главными: интересы далекаго Кіева отодвигались на задній планъ и, наконецъ, стали для Мстислава на столько же враждебными, какъ и для Сѣверянъ. Пользуясь поддержкою греческихъ городовъ, онъ еще ослабилъ Хазарскій каганатъ [1]). Обезопасивъ свои границы съ этой стороны, онъ обратился къ Кавказу и, побѣдивши Касоговъ, наложилъ на нихъ дань [2]). Послѣдній успѣхъ отдавалъ въ его распоряженіе прекрасное войско изъ жителей Кавказа, отличающихся своею воинственностью. Съ уничтоженіемъ опасности со стороны Хазаръ, угрожавшихъ Подонью, и съ пріобрѣтеніемъ касожскихъ дружинъ, Мстиславъ гораздо свободнѣй могъ вести борьбу съ кочевниками, съ которыми боролось населеніе юго-восточныхъ окраинъ Сѣверской земли. Но Тмутараканскій князь пріобрѣталъ себѣ расположеніе и своею внутреннею дѣятельностью. Какъ примѣръ ея мы видимъ въ Тмутаракани постройку церкви во имя Богородицы, по обѣщанію, данному во время борьбы съ Редедею [3]). Но, вѣроятно, это былъ не единичный актъ ея. Лѣтопись не упоминаетъ о другихъ фактахъ, потому, что у ней не было для этого источниковъ.

---

[1]) Розысканіе о началѣ Руси, стр. 175.

[2]) Этотъ фактъ былъ заимствованъ лѣтописцемъ, по всей вѣроятности, изъ записокъ при Богородицкой тмутараканской церкви, гдѣ долженъ былъ быть отмѣченъ годъ ея заложенія (1022) и событіе, побудившее князя къ постройкѣ церкви.

[3]) Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтопись: когда они (Мстиславъ и Редедя) долго боролись, „нача изнемогати Мьстиславъ, бѣ бо великъ Редедя; и рече Мьстиславъ: „о пресвятая Богородице! помози ми, аще бо одолѣю сему, съзижу церковь въ имя твое.“ И се рекъ, удари имъ о землю...“ и т. д. Мстиславъ, какъ побѣдитель, взялъ имущество, жену и дѣтей Редеди (восточный обычай). Построенная имъ церковь существовала еще во время составленія лѣтописи, т. е., въ XII в.

Кромѣ того Мстиславъ привлекалъ окружающихъ и самою своей наружностью: „онъ былъ высокъ ростомъ, полонъ, съ смуглымъ лицомъ и большими глазами; былъ храбръ на войнѣ и милостивъ дома, любилъ свою дружину и не щадилъ для нея своего имущества“ [1]). Князь милостивый, а слѣдовательно и справедливый, особенно былъ дорогъ населенію, такъ какъ ему принадлежала власть суда и право сбора дани—полюдья и мыта.

Мы не знаемъ ничего о внѣшней дѣятельности Глѣба въ Муромѣ, но, по всей вѣроятности, ему также приходилось вести борьбу для охраны столь важнаго торговаго пункта, какъ этотъ городъ. Внутреннія дѣла его намъ также неизвѣстны. Можно предполагать, что онъ старался о распространеніи въ этомъ краѣ христіанства, но едвали успѣшно и энергично, потому что въ эпоху Святослава Ярославича мы встрѣчаемъ тамъ сильное язычество. Какъ-бы ни было, но постоянное присутствіе князя въ Муромѣ заставляло его болѣе и болѣе цѣнить интересы управляемаго имъ края. Его дружина, (а слѣдовательно совѣтники и приближенные), мало по малу должна была пополняться тузсмцами той области, которые, понятно, стояли за интересы своей родины. Что было въ Тмутаракани, то же произошло и въ Муромѣ. Съ этихъ поръ области начинаютъ стремиться имѣть своего собственнаго областнаго князя, такъ какъ онъ невольно долженъ былъ привязываться къ своему краю и становиться въ оппозицію къ князю центральному. Такимъ образомъ цѣль, съ которою кіевскій князь посадилъ своихъ сыновей въ два важные пункта Сѣверской земли, не была достигнута. То же явилось въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Новгородѣ. Напротивъ эта мѣра имѣла обратное дѣйствіе: она произвела у племенъ, подвластныхъ Кіеву, еще бо́льшее стремленіе къ обособленію и дала имъ оружіе въ розни княжеской семьи. *Такъ произошла удѣльная система.*

Когда Ярославъ отказался платить Кіеву дань съ Новгорода въ 1014 году [2]),—это былъ первый открытый фактъ протеста противъ по-

---

[1]) Эта характеристика взята цѣликомъ изъ лѣтописи, куда она должна была зайти или изъ упомянутыхъ уже записокъ въ Тмутаракани, или изъ Черниговской, не существующей для насъ лѣтописи. См. Ипат. Лѣт. стр. 105.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 127; Ипатск. Лѣт. стр. 89.

лянскаго господства. Когда Владиміръ сталъ подготовлять походъ на Новгородъ, то ни Глѣбъ Муромскій, ни Мстиславъ Тмутараканскій, не явились къ нему на помощь: они были заняты дѣлами своихъ областей, ставя ихъ интересы выше выгодъ Кіева и его централизаціонной политики. Между тѣмъ едвали можно предположить, что Сѣверяне и Вятичи не сочувствовали Новгороду. У Сѣверянъ съ Новгородцами, какъ мы видѣли, были обширныя торговыя сношенія, а потому движеніе у однихъ необходимо должно было отозваться и у другихъ. Есть извѣстіе, что Ярославъ поднялъ даже противъ Кіева Печенѣговъ [1]), а туда его приглашенія могли проникнуть только чрезъ Сѣверянскую область. Дѣло до вооруженнаго столкновенія не дошло: Владиміръ умеръ, приготовляясь къ походу [2]). Его власть захватилъ умный и энергическій Святополкъ и рѣшился возстановить значеніе центральной власти.

Еще при жизни отца онъ началъ сношенія съ Кіевлянами, среди которыхъ была сильная партія въ его пользу. На его сторонѣ было и византійское духовенство, встрѣтившее его съ процессіей при въѣздѣ въ Кіевъ съ Болеславомъ храбрымъ въ 1015 году [3]). Но, понимая, что среди Кіевлянъ были сторонники и другихъ братьевъ, онъ сближается съ кіевскимъ пригородомъ, Вышгородомъ, приближаетъ къ себѣ его выдающихся людей [4]). Хотя въ то время пригороды не вели еще борьбы съ своими городами, какъ это было въ XII в., но непріязнь между ними уже существовала. Городъ смотрѣлъ на свои пригороды свысока, не считалъ ихъ населенія равнымъ своему, а ихъ выдающихся людей называлъ „боярцами“ [5]), оставляя названіе „бояръ“ за своими представителями. Святополкъ отлично понималъ мѣстные интересы и, сблизившись съ Вышгородомъ, пріобрѣлъ въ немъ надежную точку опоры противъ Кіева. За него было населеніе и другого кіевскаго пригорода, Турова, въ которомъ онъ княжилъ раньше. Лишь только умеръ Владиміръ Св., Святополкъ съ помощью своихъ привер-

---

[1]) Длугошъ, Lib. II, p.p. 144—146.
[2]) Ипат. Лѣт. стр. 90; Лавр. Лѣт. стр. 128.
[3]) Monum. Poloniae histor. p.p. 317—318.
[4]) Лавр. Лѣт., стр. 129.
[5]) Ibidem.

женцевъ захватываетъ власть въ свои руки. Опасаясь сторонниковъ брата Бориса, онъ скрываетъ нѣсколько времени смерть отца отъ народа, чтобы не дано было знать Борису, бывшему въ походѣ противъ Печенѣговъ [1]), и затѣмъ спѣшитъ еще болѣе сблизиться съ Кіевлянами раздачей одеждъ и денегъ [2]). Но сочувствіе Кіевлянъ къ Святополку обусловливалось и общностью ихъ интересовъ. Централизаціонныя стремленія Святополка по отношенію къ другимъ племенамъ должны были льстить племенному самолюбію Полянъ. Между тѣмъ новый князь отлично понялъ опасность для Кіева въ начинавшемъ устанавливаться порядкѣ въ областяхъ и поэтому постарался уничтожить энергическими мѣрами орудіе для дальнѣйшаго его развитія—рознь княжеской семьи. Хорошо понимая, что братья не захотятъ отказаться отъ власти, онъ рѣшился тайно отдѣлаться отъ нихъ. Исполненіе своего порученія онъ не осмѣлился ввѣрить кому нибудь изъ Кіевлянъ, а употребилъ въ дѣло Вышегородцевъ. Тайно, ночью явился онъ къ нимъ и поручилъ исполнить казнь надъ Борисомъ и Глѣбомъ [3]). Предпріятіе удалось, и двѣ области Мери и Муромы остались безъ князей. Нельзя сказать, успѣлъ-ли Святополкъ посадить туда своихъ посадниковъ. Скорѣе можно предполагать, что это ему не удалось, потому что въ то же время двинулся Ярославъ изъ Новгорода. Можно предположить, что планъ Ярослава, двигавшагося по правой сторонѣ Днѣпра, состоялъ въ томъ, чтобы у Любеча переправиться въ область Сѣверянъ и подкрѣпить здѣсь свои силы новыми ополченіями. Поэтому-то Святополкъ, предупреждая его, расположился на берегу Днѣпра, у Любеча, и рѣшился здѣсь принять битву. На сторонѣ Ярослава были Варяги, Новгородцы и, какъ можно предполагать, ополченія другихъ племенъ [4]), а Святополкъ привелъ Печенѣговъ и Кіевлянъ. Кіевскій князь былъ

---

[1]) Лѣт. Переясл.—Суздал. стр. 35. Дѣйствительно, во время смерти Владиміра Св. мы застаемъ Святополка уже въ Кіевѣ, что уничтожаетъ цѣль скрыванія отъ него смерти отца; ближе къ истинѣ, что онъ самъ старался скрыть её отъ братьевъ.

[2]) Лавр. Лѣт., стр. 137.

[3]) Ипат. Лѣт., стр. 92; Лавр. Лѣт., стр. 129.

[4]) На это предположеніе насъ наводитъ мѣсто лѣтописи: „и собра Ярославъ Варягъ тысящу, а прочихъ вой 40 тысящь.“ Она не говоритъ „Новгородцевъ,“ а всякихъ *прочихъ*, другихъ“ воиновъ.

вполнѣ увѣренъ въ побѣдѣ и всю ночь пировалъ съ своими дружинами. Стремленія кіевлянъ, сочувствовавшихъ своему князю, ясно сказались въ ихъ словахъ къ новгородцамъ: „вотъ мы васъ заставимъ строить намъ хоромы.“ Но счастіе измѣнило Святополку, и онъ бѣжалъ въ Польшу.

Дальнѣйшая борьба между этими двумя братьями для насъ не интересна; болѣе важны намъ ея послѣдствія. Естественно, во время ихъ борьбы племена получили болѣе самостоятельности и нѣкоторое время пользовались ею. Когда Ярославъ утвердился на кіевскомъ столѣ, то Новгородцы получили различныя льготы, такъ какъ Ярославъ отлично понималъ, что только Новгородцамъ обязанъ теперь своимъ княженіемъ. Новгородъ необходимъ былъ Кіеву, какъ по богатству, такъ и по возможности добывать чрезъ него наемныя дружины изъ западной Европы. Другое дѣло сосѣднія съ Кіевомъ племена. Князей у нихъ не было. Въ городахъ сидѣли кіевскіе посадники. Ярославъ оставался одинъ представителемъ княжеской власти. Существовалъ еще Мстиславъ, но онъ былъ такъ далеко, такъ мало могъ имѣть силы, да и былъ занятъ борьбою съ сосѣдями, слѣдовательно былъ не опасенъ. Другихъ враговъ не было. У племенъ не было возможности оказать движеніе, не было двигателя. Поэтому, лишь только Ярославъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, старая политика Кіева, усиленная мѣрами предшественника, могла дѣйствовать свободно.

Но въ 1021 году началась борьба Кіевскаго князя съ Полоцкимъ [1]), стала волноваться Суздальская область [2]). Воспользовавшись этимъ, начинается движеніе въ юго-восточныхъ окраинахъ Сѣверской земли. Въ 1023 году Мстиславъ съ дружиной изъ Хазаръ и Касоговъ двинулся къ Кіеву и предложилъ кіевлянамъ принять его княземъ [3]). Они отказали. Очевидно, съ вокняженіемъ у нихъ Мстислава, князя области Сѣверянъ, первенствующее значеніе должно было перейти къ послѣднимъ, и всю силу въ Кіевѣ должны были захватить дружинники новаго князя. Могли, такимъ образомъ, возвратиться тѣ времена, когда Сѣверяне находились подъ покровительствомъ Хазаръ и имѣли перевѣсъ надъ Полянами. Лишь только Мстиславъ получилъ отказъ отъ

---

[1]) Ипат. Лѣт., стр. 102; Лавр. Лѣт., стр. 142.

[2]) Ипат. Лѣт., стр. 103.

[3]) Ibidem, стр. 103 и Лавр. Лѣт., стр. 143.

Кіева, онъ двинулся къ Чернигову и, занявъ его, совершилъ обособленіе Сѣверской земли [1]). Онъ сдѣлался первымъ удѣльнымъ Черниговскимъ княземъ. Но, конечно, кіевскій князь не могъ согласиться безъ борьбы на новый порядокъ и двинулся съ Варягами въ Сѣверскую землю. Битва произошла у Лиственя. Ярославъ былъ разбитъ опытнымъ въ военномъ дѣлѣ Мстиславомъ и бѣжалъ въ Новгородъ [2]). Самостоятельность Сѣверской земли была закрѣплена, хотя и не на долго. Въ 1026 году братья съѣхались въ Городцѣ и заключили договоръ, по которому всѣ земли, лежащія по лѣвую сторону Днѣпра, отходили во власть Мстислава [3]). Такимъ образомъ области Вятичей, Муромы, Радимичей и Сѣверянъ составили одно цѣлое. Можно предполагать, что ни одно изъ этихъ племенъ, не говоря уже о Сѣверянахъ, не оказалось недовольнымъ новымъ порядкомъ. Любечь, Муромъ, Тмутаракань, получили посадниковъ своего Сѣверянскаго князя.

Этимъ почти и оканчивается внѣшняя дѣятельность Мстислава. Только еще въ 1031 году братья, жившіе въ мирѣ между собою, вмѣстѣ

---

[1]) Ibidem., стр. 103 и 144.

[2]) Ипат. Лѣт., стр. 104; Лавр. Лѣт., стр. 145,

[3]) Весь разсказъ о Мстиславѣ, разбитый впослѣдствіи на годы, долженъ былъ представлять нѣкогда одно цѣлое, въ видѣ отдѣльнаго произведенія. Можно даже предположить, что его написалъ очевидецъ этого событія, а потомъ онъ въ передѣлкѣ вошелъ въ лѣтопись. На это указываетъ поэтическій тонъ разсказа и его подробности. Вотъ оно: „Послалъ Ярославъ за море звать Варяговъ. И пришелъ къ нему Якунъ съ Варягами. И былъ Якунъ слѣпъ, а плащъ его былъ изотканъ золотомъ, и пришелъ онъ къ Ярославу. И пошли Ярославъ съ Якуномъ на Мстислава. Мстиславъ-же, услышавъ объ этомъ, вышелъ противъ нихъ къ Лиственю. Мстиславъ съ вечера установилъ свою дружину и поставилъ Сѣверянъ въ центрѣ, свою дружину по крыламъ. И, когда наступила ночь, была темнота, и громъ, и молнія, и дождь. И сказалъ Мстиславъ дружинѣ своей: „пойдемъ на нихъ!“ И пошелъ Мстиславъ, а Ярославъ противъ него, и столкнулись въ центрѣ Варяги и Сѣверяне, и утомились Варяги поражая Сѣверянъ, и потомъ напалъ Мстиславъ съ дружиной своей и началъ поражать Варяговъ, и была сильная сѣча; какъ молнія свѣтила, и блистало оружіе, и была гроза сильная и сѣча сильная и страшная. Видѣлъ Ярославъ, что побѣждаемъ, и побѣжалъ съ Якуномъ княземъ Варяжскимъ, и Якунъ тутъ потерялъ плащъ золотой.“ (Ипат. Лѣт., стр. 104).

ходили на Ляховъ, чтобы отобрать назадъ города, захваченные Болеславомъ Храбрымъ [1]). О его внутренней дѣятельности мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій и можемъ дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя догадки.

Соединивши въ своихъ рукахъ всю Сѣверскую область, Мстиславъ могъ очень успѣшно вести борьбу съ кочевниками, сильно тѣснившими ея юго-западныя окраины. Съ занятіемъ степей кочевниками славянское населеніе держалось здѣсь по городкамъ и было поэтому разрознено. Поэтому для успѣшной борьбы съ ними необходимо было увеличеніе густоты поселеній. Дѣятельность Мстислава въ этомъ направленіи мы можемъ предполагать на слѣдующемъ основаніи. Въ 1031 году онъ получилъ половину плѣнныхъ ляховъ, но неизвѣстно куда ихъ помѣстилъ. Ярославъ поселилъ свою часть по южной границѣ своихъ владѣній. То же можно думать и о Мстиславѣ [2]).

Сдѣлавъ Черниговъ стольнымъ городомъ своей земли, Мстиславъ заботился о его украшеніи и заложилъ Спасскій соборъ, который при его жизни былъ выстроенъ на столько, сколько можетъ достать всадникъ рукой [3]). Конченъ онъ былъ при его пріемникахъ, но Мстиславъ всё таки былъ погребенъ въ его склепахъ [4]).

Мы уже знакомы съ лѣтописной характеристикой этого перваго князя Сѣверской земли. Въ то время, когда вся сила Кіева заключалась въ постоянныхъ дружинахъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, очевидно и Мстиславъ долженъ былъ опираться на то же орудіе. Поэтому онъ любилъ и берегъ свою дружину. Онъ даже имѣлъ преимущество предъ кіевскимъ княземъ: въ то время, какъ у перваго дружина была наемная, и всякій предпріимчивый человѣкъ надбавкой платы могъ перетянуть её на свою сторону, у Мстислава она состояла изъ людей, взятыхъ изъ населенія принадлежащихъ ему областей. Лучше всего отношеніе его къ дружинѣ высказалось въ словахъ, сказанныхъ имъ послѣ Лиственской битвы: „вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ лежитъ Варягъ, а своя дружина цѣла,—кто этому не радъ“ [5]). Онъ умеръ въ

---

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 146; Ипат. Лѣт., стр. 105.

[2]) Ibidem.

[3]) Лавр. Лѣт., стр. 146; Ипат. Лѣт., стр. 104.

[4]) Ibidem.

[5]) Лавр. Лѣт., стр. 144; Ипат. Лѣт. стр. 104.

1036 году, простудившись на охотѣ [1]). Дѣтей у него не было. Одинъ сынъ его, Евстафій, умеръ въ 1033 году [2]). Поэтому Сѣверская область опять подпала господству Кіева и была подъ нимъ до 1054 года, когда умеръ Ярославъ I.

V.

Святославъ Ярославичь.

1054—1076 г.

Предъ смертью Ярославъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ: Изяслава посадилъ въ Кіевѣ, Святослава въ Черниговѣ, Всеволода въ Переяславлѣ, Игоря во Владимірѣ (Волынскомъ), Вячеслава въ Смоленскѣ [3]). Такимъ образомъ почти каждое племя получило своего особаго князя. Обособленіе, котораго домогались различныя области, совершилось мирнымъ путемъ, такъ какъ только эта мѣра могла устранить постоянныя волненія племенъ: вся Русь представляла изъ себя нѣсколько самостоятельныхъ единицъ, федеративно соединённыхъ между собою въ одно цѣлое. Ни одинъ изъ князей не имѣлъ преимущества надъ другими: кіевскій князь имѣлъ первенствующее значеніе только въ нравственномъ отношеніи, какъ старшій братъ, что имѣлъ въ виду и Ярославъ въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ [4]). Но устраивая подобный порядокъ Ярославъ многаго не могъ предусмотрѣть. Во первыхъ онъ упустилъ изъ вида постановить, что сыновья умершаго князя получаютъ его удѣлъ и не должны быть выгнаны; во вторыхъ, онъ Сѣверскую область разбилъ на двѣ части, на два княжества—Переяславское и Черниговское, т. е., раздѣлилъ одно племя на два враждебные лагеря. Западная граница проходила по берегу Днѣпра, но устье Десны принадлежало Переяславскому княжеству. Точная-же граница между этими двумя княжествами никогда не могла установиться. Но Курскъ,

---

[1]) Ibidem., стр. 146 и 105.

[2]) Ibidem., стр. 114 и 157.

[3]) Ипат. Лѣт., стр. 114; Лавр. Лѣт., стр. 157.

[4]) Ibidem.

отъ котораго никогда не отдѣлялось Посемье [1]), былъ причисленъ къ Переяславскому княжеству [2]).

Мы видѣли, какое важное значеніе имѣлъ для Сѣверской земли этотъ городъ. Оставивъ Тмутаракань за Черниговомъ [3]) и отнявши Курскъ, разорвали связь между Тмутараканью и Сѣверской землей. Въ то время, какъ было необходимо защищать отъ напора кочевниковъ столь важный торговый пунктъ, имѣть его, поэтому, подъ постояннымъ наблюденіемъ, черниговскіе князья не владѣли связывающимъ пунктомъ, Курскомъ. Но неудобство являлось и въ другомъ отношеніи Населеніе Посемья и Тмутараканской области было связано не только племенными, но и торговыми интересами, которые теперь должны были нарушиться. Подчиненіе этихъ, искони связанныхъ одна съ другой, областей двумъ различнымъ центрамъ должно было повести за собой политическую рознь, что вредно должно было отозваться на благосостояніи населенія. Между тѣмъ такимъ распредѣленіемъ областей ослаблялось самое Черниговское княжество, и едвали подобное размежеваніе не имѣло задней мысли. Самымъ сильнымъ изъ всѣхъ удѣловъ былъ Черниговскій, какъ по количеству областей, входившихъ въ него, такъ и по степени культуры своего населенія, а потому былъ и самымъ опаснымъ для кіевскаго князя. Какъ для послѣдняго было важно обладаніе Новгородомъ, такъ для черниговскаго князя было необходимо непосредственное сообщеніе съ Тмутараканью, населеніе которой представляло прекрасный и неистощимый контингентъ для княжеской дружины. Отнявши Курскъ у Чернигова, кіевскій князь

---

[1]) Это видно изъ слѣдующихъ трехъ мѣстъ лѣтописи: 1146 г. „Иванкови-же Дюргевичу пришедшю въ Новгородъ Святославу, и да ему Курскъ и с Посемьемъ.“ Подъ 1147 г. находимъ, что Глѣбъ Юрьевичь изъ Курска посажалъ своихъ посадниковъ по всему Посемью. Подъ 1149 г. „...а Святославъ Ольговичь поча ему молвити: „дершиши отчину мою,“ и тогда взя Курескъ и с Посемьемъ.“

[2]) Въ поученіи Мономаха: „Первое к Ростову идохъ, сквозѣ Вятичи, посла мя отець, а самъ иде Курьску.“ Очевидно, Переяславскій князь, Всеволодъ могъ тогда только распоряжаться Курскомъ, если послѣдній принадлежалъ къ этому княжеству

[3]) Это видно изъ того, что Глѣбъ, старшій сынъ Святослава Ярославича былъ намѣстникомъ въ Тмутаракани.

уничтожалъ возможность этого сообщенія и ослаблялъ вліяніе черниговскаго князя на Тмутаракань. Святославъ Ярославичь очень хорошо понималъ значеніе этого города, и послѣдній пользовался, какъ можно предполагать, многими вольностями: за ними было право выбора князей. Такъ они прислали Никона къ Святославу съ просьбой прислать имъ Глѣба для управленія [1]). Но чѣмъ менѣе было возможности наблюдать за Тмутараканью, тѣмъ болѣе у ея населенія должно было развиться стремленіе къ освобожденію изъ подъ зависимости Чернигова. Это и не замедлило вскорѣ обнаружиться. Такимъ образомъ въ самомъ новомъ устройствѣ Руси лежали зародыши открывшихся затѣмъ неурядицъ: онѣ вытекали, какъ мы видимъ, вполнѣ естественно, а не были послѣдствіемъ только удальства и хищническихъ стремленій удѣльныхъ князей. Дѣйствительно эти два факта—признаніе сыновей умершаго князя лишенными наслѣдства и стремленіе Тмутараканской области къ независимости служатъ центромъ, около котораго групируются, изъ котораго вытекаютъ всѣ событія перваго періода исторіи Сѣверской земли.

—

Свое удѣльное княженіе братья, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, начали тѣмъ, что постарались обезопасить себя со стороны Судислава, Ярославова брата, сидѣвшаго уже 24 года въ тюрьмѣ. Они освободили его и заставили постричься въ монахи, взявъ съ него клятву, что онъ не будетъ стараться о возстановленіи своихъ правъ на Кіевское княженіе [2]). Вообще замѣтно, что Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ играютъ первенствующую роль во всей Руси, и лѣтопись, разсказывая о какихъ либо распоряженіяхъ, говоритъ: „посадиша, высадиша.“ Такое значеніе обусловливалось тѣмъ, что у этихъ трехъ князей были самые сильные удѣлы. Опираясь на свою силу, они оставляютъ безъ наслѣдства Ростислава Владиміровича, отецъ котораго владѣлъ Новгородомъ, а послѣ смерти Вячеслава они точно также поступаютъ съ его сыномъ, Борисомъ, и заставляютъ Игоря изъ Владиміра перейти въ Смоленскъ [3]).

Уладивши, по видимому, внутреннія дѣла, братья должны были обратиться противъ внѣшнихъ непріятелей, съ юга тѣснившихъ гра-

---

[1]) У. З. И. А. Н. к. II, в. II, стр. 154.

[2]) Лавр. Лѣт., стр. 158; Ипат. Лѣт., стр. 114.

[3]) Ibidem.

ницы Руси. Соединенными силами они напали на кочевниковъ, Торковъ, въ 1068 году, и окончательно подорвали ихъ силу [1]). Казалось, теперь все было спокойно, и каждый изъ князей могъ заняться своимъ удѣломъ. Особенно необходимо было заняться внутренними дѣлами Святославу, въ удѣлъ котораго входило три племени. Къ несчастью мы ничего не знаемъ объ этой сторонѣ его дѣятельности: лѣтописца болѣе интересовало устройство церквей и монастырей. Какъ бы то ни было, но время тишины было непродолжительно. Изгои необходимо должны были требовать возстановленія своихъ правъ. Первый изъ нихъ началъ Ростиславъ Владиміровичъ.

Со смертью Владиміра Ярославича Новгородъ опять подпалъ зависимости Кіева, откуда были присланы, конечно, посадники съ Кіевской дружиной. Новгородцы должны были этимъ тяготиться, и партія противная кіевскому князю, Изяславу—должна была усилиться. Еще Ярославъ долженъ былъ бороться съ ней, намекъ на что́ мы видимъ въ ссылкѣ въ 1020 году Константина, посадника Новгородскаго, въ Муромъ и въ казни его тамъ чрезъ три года [2]). Теперь, когда не было Ярослава, который былъ все-таки чтимъ Новгородцами, какъ основатель ихъ вольностей, недовольство зависимостью отъ Кіева должно было проявиться открыто. Противники Кіева сгруппировались около Ростислава Владиміровича, но, вѣроятно, не имѣли достаточно силъ для достиженія своей цѣли, и поэтому представители ихъ, Вышата, сынъ Остроміра, новгородскаго посадника, и Порей—должны были бѣжать [3]). Стремленіе этой партіи Новгорода совпало съ движеніемъ въ Тмутаракани. Для того, чтобы скинуть съ себя зависимость отъ черниговъ-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 114, 115 и 159.

[2]) Никон. лѣт., стр. 129, ч. I.

[3]) Лавр. лѣт., стр. 159; Ипат. лѣт., стр. 115. Татищевъ (т. II, стр. 117) въ своей „Исторіи Россійской“ говоритъ, что по смерти Владиміра Ярославича Ростиславъ получилъ въ удѣлъ Ростовъ и Суздаль, а потомъ Владиміръ-Волынскій. Откуда взялъ это извѣстіе Татищевъ, мы положительно не знаемъ: онъ даже не приводитъ источника. Позднѣйшій историкъ Карамзинъ не говоритъ ничего подобнаго. Дошедшія до насъ лѣтописи не говорятъ ничего объ этомъ. Напротивъ онѣ прямо утверждаютъ, что онъ бѣжалъ изъ Новгорода, а не изъ Владиміра. Все это заставляетъ насъ не принять извѣстія Татищева.

скаго князя, Тмутараканцы приглашаютъ къ себѣ Ростислава, который вмѣстѣ съ Пореемъ и Вышатой явился на югѣ, выгналъ Глѣба, занялъ Тмутаракань [1]) и напомнилъ ея населенію времена Мстислава I. Святославъ двинулся въ Тмутаракань, чтобы выгнать оттуда Ростислава [2]). Послѣдній не сталъ защищаться и добровольно вышелъ изъ города не по тому, чтобы онъ боялся Святослава, такъ какъ у него была въ Тмутаракани сильная партія, а потому, вѣроятно, что не желалъ наносить вреда городу, вполнѣ будучи увѣренъ, что послѣ удаленія черниговскаго князя, онъ опять будетъ принятъ въ Тмутаракани. Дѣйствительно, Глѣбъ Святославичъ тотчасъ же былъ выгнанъ изъ города и бѣжалъ къ отцу, а Ростиславъ Владиміровичъ снова вошелъ въ него [3]).

Между тѣмъ черниговскій князь принужденъ былъ оставить безъ вниманія свои юго-восточныя области: на сѣверѣ явился опасный врагъ для кіевскаго князя, Всеславъ Полоцкій, задумавшій ослабить Изяслава, отнявши у него Новгородъ. Святославъ обязанъ былъ помочь брату. Враждебныя дѣйствія Всеславъ началъ еще въ 1065 году [4]), но въ то время Святославъ былъ занятъ своими дѣлами на юго-востокѣ, Всеволодъ былъ побитъ недавно половцами [5]) и не могъ оправиться отъ пораженія, а Изяславъ одинъ былъ не въ состояніи начать борьбу съ сильнымъ полоцкимъ княземъ. Въ 1067 г. послѣдній занялъ Новго-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 115; Лавр. лѣт., стр. 160.

[3]) „Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутараканю, Ростиславъ же отступи прочь изъ града, не убоявся его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти...“ Такъ объясняетъ лѣтопись дѣйствія Ростислава Владиміровича, но едвали можно не признать такое объясненіе наивнымъ: изгнанный, лишенный наслѣдства, самолюбивый князь не могъ не видѣть въ Святославѣ одного изъ виновниковъ своего несчастія, и такія идеальныя отношенія не могли здѣсь имѣть мѣста.

[4]) И Ипат. и Лавр. лѣт. относятъ занятіе Новгорода и походъ князей къ 1067 г. Но въ Ипат. лѣт. еще подъ 1065 г. послѣ извѣстія о Тмутаракани мы находимъ: „в то же лѣто Всеславъ сѣде рать почалъ.“ Этотъ намекъ указываетъ, что Всеславъ именно воспользовался замѣшательсевомъ на югѣ и недовольствомъ въ Новгородѣ. Промежутокъ времени отъ 1065 г. до 1067 г. былъ самымъ удобнымъ для дѣйствія Всеслава.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 115; Лавр. лѣт., стр. 159.

родъ. Братья рѣшились дѣйствовать энергически. Видя, что открытой силой нельзя одолѣть Тмутаракань, Святославъ рѣшился отнять у нея главную опору противъ притязаній Чернигова—рѣшился отдѣлаться отъ Ростислава Владиміровича другимъ способомъ. Между тѣмъ послѣдній снова поднялъ значеніе Тмутаракани на югѣ. Онъ бралъ дань съ Касоговъ и съ другихъ сосѣднихъ народовъ [1]) и, вѣроятно, думалъ распространить свою власть на сосѣдніе греческіе города, которые соперничали въ торговлѣ съ Тмутараканью. Это видно изъ боязни грековъ предъ Ростиславомъ [2]). Общая опасность заставила соединиться черниговскаго князя съ греками и дѣйствовать за одно. Греки подослали къ Ростиславу Владиміровичу катапана, который вступилъ въ его дружину, пріобрѣлъ его довѣріе и во время одной пирушки князя съ дружиной при заздравномъ питьѣ отравилъ его. Ростиславъ умеръ 3 февраля 1066 г. и былъ погребенъ въ соборѣ во имя св. Богородицы. Какъ не выгодна была смерть этого человѣка для греческихъ городовъ, все таки подобное преступленіе показалось низкимъ даже для самихъ грековъ, и они побили катапана камнями [3]).

Лишенные своего главы, Тмутараканцы должны были волей-неволей признать снова зависимость свою отъ Чернигова, и прислали Никона, настоятеля Богородицкаго монастыра, просить въ Черниговѣ себѣ князя [4]). Святославъ Ярославичъ послалъ къ нимъ во второй разъ Глѣба [5]).

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 117; Лавр лѣт., стр. 162.

[2]) Ibidem.

[3]) Вотъ что разсказываетъ лѣтопись объ этомъ событіи. „Греки боясь Ростислава, прислали къ нему съ лестью катапана; когда онъ пришелъ къ Ростиславу, послѣдній довѣрчиво принялъ его въ свою дружину; когда однажды князь пировалъ съ своей дружиной, катапанъ сказалъ: „пью, князь, за твое здоровье.“ „Пей“ отвѣчалъ Ростиславъ. Онъ отпилъ одну половину кубка, а другую подалъ князю, незамѣтно впустивъ въ нее яду. Князь умеръ чрезъ восемь дней, какъ сказалъ катапанъ.“ (По Демишелю, „катапанами“ назывались чиновники. управлявшіе провинціями Византійской имперіи).

[4]) Житіе Ѳеодосія, стр. 154.

[5]) На Тмутараканскомъ камнѣ, найденномъ въ прошломъ столѣтіи, подпись гласитъ: „въ лѣто 6576 (1068) Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду

Такимъ образомъ возстановивъ свою власть надъ юго-восточными областями и отнявъ на нѣкоторое время у нихъ возможность сдѣлать новую попытку къ отдѣленію, Святославъ отправился противъ полоцкаго князя, Всеслава. На рѣкѣ Немизѣ, третьяго марта 1067 г. братья соединенными силами разбили Полочанъ, и Святославъ настоялъ на томъ, чтобы Всеслава заключить въ оковы и посадить въ тюрьму, не смотря на то, что ему была обѣщана безопасность, если онъ явится съ повинной головой [1]). Въ этомъ случаѣ Святославъ показалъ снова ту же энергію въ уничтоженіи опасныхъ для себя личностей, что и во время дѣла съ Тмутараканью.

Между тѣмъ на югѣ дѣла приняли грозный оборотъ. Половцы заняли всѣ южныя степи и придвинулись къ границамъ Переяславскаго княжества. Въ 1068 г. они ворвались въ его территорію и дошли до Альты. Тогда только, когда гроза приблизилась къ ихъ собственнымъ удѣламъ, Изяславъ изъ Кіева и Святославъ изъ Чернигова двинулись съ войсками для прекращенія дальнѣйшаго опустошенія Русской земли. На Альтѣ же, ночью, произошла рѣшительная битва, кончившаяся пораженіемъ русскихъ [2]). Князья бѣжали. Святославъ явился въ Черниговъ и сталъ принимать мѣры для защиты своего удѣла. Оправившись нѣсколько въ Черниговѣ отъ пораженія, онъ выступилъ противъ Половцевъ, которые проникли уже къ сѣверу отъ Чернигова, и у Сновска разбилъ ихъ 1-го ноября, при чемъ очень много кочевниковъ потонуло въ рѣкѣ Снови, а ихъ князь былъ взятъ въ плѣнъ [3]). Очевидно, это было одно изъ половецкихъ племенъ: другія при бездѣйствіи Изяслава, ворвались въ кіевскую область и начали грабить и опустошать ее. Защитивши свой удѣлъ со стороны кочевниковъ, Святославъ Ярославичъ поднялся во мнѣніи всей Руси. Этому способствовала также вся предъидущая и послѣдующая политика этого князя.

отъ Тмутараканя до Корчева (Керчи)....“ (Ист. Госуд. Рос. Карамзинъ, ч. II, прим. 111). Значитъ въ 1068 г. Глѣбъ Святославичъ былъ уже въ Тмутаракани. Очевидно, Святославъ долженъ былъ послать его туда еще предъ отправленіемъ противъ Всеслава, т. е. раньше 1067 года, слѣдовательно послѣ смерти Ростислава, въ 1066 году.

[1]) Ипатск. лѣтоп., стр. 117; Лавр. лѣт., стр. 162; Татищевъ, ч. II, стр. 119.

[2]) Лавр. лѣт., стр. 163; Ипат. лѣт., стр. 118.

[3]) Ibid., стр. 112 и 167.

Убѣдивши братьевъ арестовать Всеслава, Святославъ этимъ ловко удовлетворилъ интересы и кіевскаго князя и Новгородцевъ. На сколько Всеславъ былъ опасенъ для Изяслава, на столько же непріятно было-бы для Новгородцевъ признать свою власть отъ Полоцка, потому что Кіевъ былъ далеко, а слѣдовательно, и зависимость отъ него должна была быть все таки слабѣе, чѣмъ отъ Полоцка, да и сосѣдство такого безпокойнаго владѣтеля было не особенно выгодно для торговли и богатствъ Новгорода. Благодаря этому, лишь только Святославъ прогналъ изъ своихъ предѣловъ Половцевъ, Новгородцы взяли себѣ княземъ Глѣба Святославича, который явился въ Новгородъ изъ Тмутаракани. Ясно, что Святославъ, приблизивъ къ себѣ Вышату и Порея, явился на сторонѣ той партіи Новгорода, которая стояла за его автономію. Это имѣло огромныя послѣдствія для Чернигова: съ этихъ поръ партія Чернигова въ Новгородѣ была и партіей свободы этого города.

Сами Тмутараканцы, тѣснимые съ сѣвера кочевниками, должны были болѣе сблизиться съ Черниговомъ, откуда могли ждать защиты отъ энергическаго князя. Можно предполагать, что Святославъ на мѣсто Глѣба послалъ въ Тмутаракань другого своего сына, Романа [1]), такъ какъ нельзя было оставить юго-восточныя области безъ защиты въ то время, когда на нихъ сильно начали напирать кочевники.

Въ то время, когда кіевское вѣче выгнало князя Изяслава за его неумѣнье защитить своей области отъ враговъ, Святославъ остался хладнокровнымъ зрителемъ и не пошелъ противъ вѣча для защиты правъ своего брата, а напротивъ явился защитникомъ Кіева и вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ заявилъ Изяславу, что онъ не дозволитъ никакого ущерба для Кіева со стороны Изяслава и его союзниковъ, поляковъ. Еще раньше Изяславъ выгналъ изъ Кіева св. Антонія, и послѣдній съ почетомъ былъ принятъ Святославомъ въ Черниговѣ [2]). А Антоній былъ любечанинъ, слѣдовательно, долженъ былъ естественно симпатизировать своему краю, даже безъ такого промаха со стороны Изяслава, а между тѣмъ значеніе Антонія, какъ великаго подвижника, должно было быть весьма велико у современнаго ему общества. Онъ являлся такимъ образомъ самымъ сильнымъ членомъ уже существо-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 140.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 136; Лавр. лѣт., стр. 188.

вавшей въ Кіевѣ черниговской партіи. Ловкая политика Святослава еще болѣе усилила приверженную ему партію. Ставши на сторонѣ вѣча, онъ долженъ былъ еще болѣе выиграть въ глазахъ Новгородцевъ и Тмутараканцевъ. Сыновья его, не уступавшіе въ энергіи и способностяхъ своему отцу, способствовали упроченію расположенія, пріобрѣтеннаго имъ. Такъ Глѣбъ Святославичъ въ 1069 году, когда снова двинулся Всеславъ на Новгородъ, не сталъ дожидаться помощи отъ другихъ князей и 23 октября съ одними Новгородцами на рѣкѣ Гзенѣ, послѣ упорной битвы, разбилъ полоцкаго князя [1]). Новгородцы видѣли, что, имѣя дѣло съ Черниговомъ, они могутъ быть безопасны и за свою независимость и за свою территорію.

Такимъ образомъ, не разрывая дружбы съ братьями, Святославъ своими дѣйствіями стушевалъ ихъ и выдвинулъ свою личность. Всеволодъ неудачно боролся съ Половцами. „Изяслава не могли любить въ Кіевѣ, и въ то же время не могли не питать расположенія къ Святославу, который сдержалъ гнѣвъ брата, и съ горстью дружины успѣлъ поразить толпы половцевъ, очистить отъ нихъ Русь.“ Сынъ Изяслава казнилъ кіевлянъ. Гонимые кіевляне находили убѣжище въ Черниговѣ [2]). Мы видѣли уже, что къ числу изгнанныхъ принадлежалъ и Антоній. Кіевляне не могли не желать себѣ такого князя, какъ черниговскій. Святославъ хорошо понималъ положеніе дѣлъ и рѣшился сдѣлаться кіевскимъ княземъ. Однако по своему обыкновенію онъ и здѣсь, будучи вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ, не рѣшился дѣйствовать открыто. Дѣйствительно, если бы кіевляне и были довольны новымъ княземъ, то это еще не было прочнымъ ручательствомъ. Нужно было оградить себя отъ всякихъ случайностей, которыя могли произойти оттого, какъ посмотритъ Русь на перемѣну въ ея политическомъ строѣ. Признавая гегемонію, если такъ можно выразиться, черниговскаго князя, бывшаго какъ-бы ни было въ оппозиціи къ Кіеву, Новгородцы при переходѣ этого князя на кіевскій столъ, снова дѣлались зависимыми отъ Кіева, что имъ должно было быть не особенно пріятно. Хотя Святославъ стоялъ на сторонѣ партіи, противной Кіеву, но съ перемѣной обстоятельствъ могли измѣниться и его отношенія къ Новгороду, по-

---

[1]) Никон. лѣт., ч. I, стр. 160.

[2]) Соловьевъ, т. II, стр. 16.

тому что онъ, какъ кіевскій князь, долженъ будетъ соблюдать интересы Полянскаго племени. Между тѣмъ сосредоточеніе въ однихъ рукахъ черниговскаго удѣла и княженія въ Кіевѣ давало Святославу неодолимую силу. Не должно забывать, что онъ могъ кромѣ того опереться, въ случаѣ необходимости, на Польшу, съ которой онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ, такъ какъ его дочь, Вышеслава, была замужемъ за польскимъ королемъ, Болеславомъ [1]). Новгородцы могли выгнать Глѣба, призвать даже къ себѣ въ крайнемъ случаѣ кого-нибудь изъ сыновей Изяслава, лишь-бы междоусобной борьбой князей отстоять свою автономію. Съ другой стороны, Святославъ долженъ былъ опасаться и своего брата, Всеволода, который могъ стать на сторону Изяслава и, если не повредить особенно, то во всякомъ случаѣ усложнить дѣло. Всё это хорошо понималъ Святославъ Ярославичъ и рѣшился пустить въ ходъ свою обыкновенную политику, которая у него всегда основывалась на томъ, чтобы сдѣлать свои личные интересы общими и для другихъ: она опиралась всегда на ясное пониманіе междуплеменныхъ отношеній Руси.

И вотъ онъ начинаетъ вести переговоры съ братомъ, Всеволодомъ, хотя тайно, но можно предполагать, что они легко передавались и въ Новгородѣ, и въ Кіевѣ. Онъ увѣряетъ Переяславскаго князя, что Изяславъ думаетъ прогнать ихъ обоихъ изъ удѣловъ [2]). Повѣрить этому было легко, такъ какъ ни Святославъ, ни Всеволодъ, не помогли Изяславу въ 1068 году. Но самъ по себѣ Изяславъ былъ еще не такъ страшенъ для соединенныхъ силъ переяславскаго и черниговскаго князей, поэтому Святославъ указываетъ на союзъ кіевскаго князя съ полоцкимъ, съ извѣстнымъ Всеславомъ [3]). Этимъ черниговскій князь достигалъ сразу двухъ выгодъ: заставилъ окончательно присоединиться къ себѣ Всеволода и навелъ страхъ на Новгородъ, для котораго соединеніе Всеслава съ кіевскимъ княземъ было крайнѣ опасно. Очевидно, Новгородцы должны были пожелать скорѣе разстройства этого мнимаго или дѣйствительнаго союза, а слѣдовательно стать на сторону замысла Святослава.

---

[1]) Татищевъ, ч. II, стр. 119.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 128; Лавр. лѣт., стр. 182.

[3]) **Ibidem.**

Въ 1073 году, 22 марта, Святославъ и Всеволодъ вошли въ Кіевъ и заставили Изяслава выйти изъ него [1]). Кіевляне встрѣтили Святослава охотно. „Что всѣ въ Кіевѣ были за Святослава, говоритъ Г. Соловьевъ, доказываетъ удаленіе Изяслава безъ борьбы“ [2]). Если не всѣ, скажу я, то большинство, потому что послѣдующій ходъ исторіи Сѣверской земли указываетъ на то, что была партія и противная Чернигову и что въ данное время она была только безсильна.

Какъ-бы ни было естественно занятіе Кіева съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, съ христіанской точки зрѣнія это было преступленіе. Поэтому, не смотря на хорошія отношенія черниговскаго князя къ духовенству, которому онъ оказывалъ большое почтеніе и у себя дома, всё таки нужно было опасаться, что среди него найдутся люди, или приверженные партіи Изяслава, къ которымъ принадлежалъ, напр. св. Никита, или ревнители христіанскаго братолюбія. Святославъ, явившись въ Кіевъ, обратилъ вниманіе на это обстоятельство и принялся за благочестивыя дѣла. Въ 1073 году онъ самъ присутствовалъ на заложеніи Печёрской церкви игуменомъ Ѳеодосіемъ и епископомъ Михаиломъ [3]). При заложеніи Святославъ самъ началъ копать ровъ, далъ сто гривенъ золота и обмѣрилъ обширность церкви. Затѣмъ пожертвовалъ для Печерской обители свое собственное поле [4]). Этимъ онъ еще болѣе пріобрѣлъ расположеніе Печерской братіи, такъ что, когда св. Ѳеодосій началъ было обличать Святослава за занятіе имъ Кіева, вся братія стала на сторонѣ князя. Сначала Ѳеодосій писалъ къ Святославу посланія, обличалъ его при свиданіи, запретилъ поминать его въ церкви, готовился даже, когда ему пригрозили, къ ссылкѣ, но затѣмъ помирился съ княземъ, часто посѣщалъ его, не переставая уговаривать помириться съ братомъ, и, наконецъ, по желанію братіи, разрѣшилъ поминать его въ церкви, хотя и послѣ Изяслава [5]). Пригрозивъ было св. Ѳеодосію ссылкой, Святославъ одумался, принималъ его съ большой честью, всю вину складывалъ на брата и этимъ вполнѣ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Соловьевъ, т. II, стр. 15.

[3]) Лавр. лѣт., стр. 178; Ипат. лѣт., стр. 128 и 129.

[4]) У. З. И. А. Н., кн. II, в. II, стр. 179. Патерикъ въ русск. пер., стр. 62.

[5]) У. З. И. А. Н. кн. II, в. II, стр. 176—178.

достигъ нужныхъ ему результатовъ: ему нужно было уничтожить открытое сопротивленіе Ѳеодосія, а на домашніе разговоры онъ смѣло могъ не обращать вниманія.

Изяславъ, удаляясь изъ Кіева, взялъ съ собою большія богатства, съ которыми надѣялся вездѣ найти помощь [1]). Прежде всего онъ обратился къ своему союзнику, польскому королю, но здѣсь потерпѣлъ неудачу: у него взяли деньги, а самого попросили удалиться изъ предѣловъ Польши [2]).

Отнявши у Изяслава возможность нанять войска въ западной Европѣ, польскій король оказалъ большую услугу своему родственнику, черниговскому князю: для него самого было выгодно сохранить хорошія отношенія къ Святославу, какъ къ одному изъ самымъ могущественныхъ своихъ сосѣдей, на котораго онъ могъ опереться въ случаѣ необходимости. Между тѣмъ борьба съ Святославомъ была-бы не легка, и исходъ ея сомнителенъ при томъ соединеніи интересовъ, которое умѣлъ создать Святославъ.

Изяславъ отправился къ германскому императору, Генриху, прося его помощи и обѣщая сдѣлаться его вассаломъ [3]). Но занятый борьбою съ папою императоръ не могъ оказать ему поддержки. Однако онъ принялъ на себя посредничество и отправилъ къ Святославу посольство, главой котораго былъ Бургардтъ. „Посольство было радушно принято Святославомъ. Бургардтъ возвратился къ императору съ дарами, которые удивили Германію.“ Никогда, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ, не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей [4]).“ Дѣло этимъ и кончилось.

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 178; Ипат. лѣт., стр. 128—129.

[2]) Ibidem. Интересно характерное выраженіе лѣтописи: „....показаша ему путь отъ себе.“

[3]) Карамзинъ ч. II, пр. 116.

[4]) Карамзинъ (ч. II, стр. 78) беретъ свой разсказъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Липберта Ашафенбургскаго и др. (см. также прим. 116). Послѣдніе, кажется, не совсѣмъ вѣрно говорятъ объ участіи Генриха въ судьбѣ Изяслава. „Окруженный измѣнниками и непріятелями“ (Кар. стр. 77), онъ не могъ такъ грозно писать Святославу и Всеволоду, „чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско нѣмецкое смиритъ хищниковъ.“ (Ibidem). Напротивъ, имѣя

Не сдѣлавъ ничего у императора, Изяславъ рѣшился обратиться къ папѣ и послалъ въ Римъ своего сына. Онъ обѣщалъ подчиненіе папскому престолу, требовалъ защиты и жаловался на польскаго короля. Интересно письмо папы къ Изяславу, писанное въ 1075 году. Другое письмо было отправлено къ Болеславу съ приказаніемъ ему помочь изгнанному князю [1]). Но польскій король не торопился исполнить требованіе святѣйшаго отца и откладывалъ походъ до удобнаго времени, такъ какъ самъ нуждался въ Святославѣ: въ это время Польша начала войну съ Чехами и обратилась за помощью къ князю Руси. Святославъ въ 1076 году отправилъ на помощь своему союзнику сына, знаменитаго Олега Святославича, и не менѣе знаменитаго племянника, Владиміра Всеволодовича. Они дошли до Глогау и взяли съ чешскаго князя контрибуцію въ тысячу гривенъ серебра [2]). Хотя въ это время между русскими князьями и польскимъ королемъ произошелъ маленькій разладъ вслѣдствіе того, что король, пригласивши князей, какъ союзниковъ, безъ согласія ихъ заключилъ миръ съ чешскимъ княземъ, но это не измѣнило дѣла Изяслава къ лучшему: отдѣлавшись отъ одного врага, польскій король долженъ былъ обратиться на Пруссовъ и Поморянъ [3]). Неизвѣстно, собрался-ли бы когда нибудь Болеславъ исполнить предписаніе папы, если-бы Святославъ Ярославичъ прожилъ дольше. Сборы на помощь греческому императору противъ Болгаръ были послѣднимъ актомъ дѣятельности черниговскаго князя: сначала онъ думалъ двинуться самъ и послать своихъ сыновей на Корсунянъ, но разболѣлся и умеръ 49 лѣтъ, въ 1076 году, 27 декабря, отъ не-

---

много враговъ, ведя борьбу съ папой, императору не было выгоды находить себѣ новаго врага тѣмъ болѣе, что ему нужно было, въ такомъ случаѣ, опасаться и Польши, исконнаго врага Германской имперіи. Скорѣе онъ воспользовался случаемъ начать дружественныя сношенія съ Святославомъ и пріобрѣсть на всякій случай союзника. Подобныя извѣстія нѣмецкаго лѣтописца можно объяснить вліяніемъ патріотическаго чувства, точно также разсужденіе о тлѣнности богатствъ должно разсматривать, какъ благочестивое философствованіе, неидущее къ дѣлу.

[1]) Карамзинъ, ч. II, стр. 79—80.

[2]) Татищевъ, ч. II, стр. 130; Ипат. лѣт., стр. 139; Лавр. лѣт., стр. 199.

[3]) Татищевъ. Ibidem.

извѣстной болѣзни. Его тѣло было перевезено изъ Кіева въ Черниговъ и погребено въ Спасскомъ соборѣ [1]).

О внутренней дѣятельности Святослава Ярославича мы знаемъ немного. Въ нашемъ главномъ источникѣ, лѣтописи, нѣтъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Нѣкоторыя указанія мы находимъ съ другой стороны, у позднѣйшихъ писателей, которые заимствовали свои данныя отчасти, вѣрно, изъ уцѣлѣвшихъ еще тогда документовъ, частью изъ преданій. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя изъ доставляемыхъ ими извѣстій могутъ быть подтверждены послѣдующимъ ходомъ историческихъ событій или совпадаютъ съ обстоятельствами княженія Святослава.

Раздѣленіе на удѣлы способствовало развитію промышленности и украшенію городовъ образцами византійскаго искусства, по преимуществу церковнаго. Каждый князь старался предъ другими о возвышеніи своего стольнаго города, чтобы онъ былъ лучше, богаче другихъ. Понятно, что въ тотъ вѣкъ, вѣкъ христіанскаго благочестія, вѣкъ вѣры, главное вниманіе свое князья должны были обращать на постройку и украшеніе церквей и на основаніе монастырей. У нѣкоторыхъ изъ нихъ такая дѣятельность вытекала чисто изъ благочестиваго побужденія, но другіе, всю жизнь свою не дѣлавшіе ничего безъ выгоды, кромѣ такого идеальнаго побужденія имѣли часто реальный расчетъ. Мы видѣли уже роль духовенства въ княженіи Святослава Ярославича. Если такого было значеніе духовенства при столкновеніи князей различныхъ удѣловъ между собою, то тѣмъ болѣе увеличивалось оно внутри удѣла, въ отношеніи его внутреннихъ распорядковъ. Являясь распространителями новой религіи въ областяхъ извѣстнаго князя, оно связывало всѣ разноплеменныя части въ одно цѣлое, чего, конечно, должны были желать удѣльные князья; оно вносило въ среду племенъ, жившихъ до сихъ поръ своею жизнью, новый идеалъ ея.... За предѣлами княжества духовенство являлось распространителемъ славы о благочестіи, добротѣ и щедрости удѣльнаго князя и этимъ привлекало къ нему расположеніе. Такимъ образомъ оно вмѣстѣ съ дружиннымъ сословіемъ служило къ прославленію князя и усиленію его власти. Пользуясь съ толкомъ этими двумя силами, князья могли ихъ употреблять какъ орудіе противъ третьей силы—земской общины. Вотъ почему

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 139; Лавр. лѣт., стр. 193 и Татищевъ, стр. 131,

князья дорожили такъ дружиною и духовенствомъ, „имѣнія не щадяше, ни питья, ни яденія не браняше.“

Мы ничего не знаемъ объ отношеніи Святослава Ярославича къ дружинѣ, но у насъ имѣются, хотя и отрывочныя, свѣдѣнія о дѣятельности его на пользу духовенства.

Въ 1068 году (въ 6577 г.) черниговскій князь на томъ мѣстѣ, гдѣ немного раньше поселился принятый имъ св. Антоній, построилъ церковь во имя св. Иліи и при ней монастырь [1]). Къ нему, какъ можно предполагать, были причислены вотчины, такъ какъ и построенному имъ Елецкому монастырю были отданы село Авдѣевка и отчислены доходы съ перевоза на Деснѣ [2]).

Этотъ фактъ интересенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ намъ на существованіе уже въ то время права князя раздавать земли и угодья, между тѣмъ какъ распоряженіе землей принадлежало только земской общинѣ. Можетъ быть, въ данное время это дѣлалось съ согласія вѣча—представителя общины: князь указывалъ ему на необходимость поддержанія монастыря, какъ на дѣло богоугодное, а чтобы не собирать общинѣ извѣстнаго дохода на монастырь, предлагалось отчислить на содержаніе его доходы съ извѣстнаго селенія, угодья. Вѣче соглашалось. Сначала разрѣшеніе вѣча для такого дарованія доходовъ духовенству было необходимо, но затѣмъ, такъ какъ на такое богоугодное дѣло со стороны вѣча отказа не могло послѣдовать, то князья перестали уже и спрашивать общину о разрѣшеніи пожертвовать то или другое угодье. Понятно, князь жертвовалъ отъ своего имени, поэтому и получающій начиналъ убѣждаться, что подобное право принадлежитъ только князю. Какъ скоро подобное убѣжденіе укоренилось (а это могло сдѣлаться, благодаря тому же духовенству) право это стало принадлежать князю и de jure, а не только de facto. Среди другихъ историческихъ фактовъ, вліявшихъ на присвоеніе себѣ княземъ права распоряжаться землей, благочестивыя жертвованія имѣли непослѣднее значеніе.

Итакъ существующій въ Черниговѣ Троицкій монастырь обязанъ своимъ происхожденіемъ Святославу Ярославичу. Но еще раньше, чѣмъ

---

[1]) Филаретъ, Ист. стат. описаніе, Черн. Епарх., ч. II, стр. 3.

[2]) Ibidem., ч. III, стр. 2.

посѣтилъ Черниговъ св. Антоній, еще въ первое время своего пребыванія въ Черниговѣ, Святославъ Ярославичь рѣшился для возвеличенія своего города построить монастырь, который бы не уступалъ кіевскому печерскому. Вотъ что объ этомъ пишетъ преосв. Зосима Прокоповичь: „монастырь пресв. Богородицы Елецкой на горахъ Болдинскихъ сбудованъ есть отъ князя черниговскаго Святослава Ярославича, року 6568 (1060 г.)“ [1]). Чтобы монастырь не уступалъ печерскому, все въ немъ было устроено по образцу послѣдняго. Главная церковь была сдѣлана по образцу кіевской печерской [2]). Можно предположить, что эта главная церковь Елецкаго монастыря строилась также греческими мастерами и при томъ въ одно время съ печерской. Можетъ быть, окончаніе ея принадлежитъ ко времени княженія Всеволода въ Черниговѣ. Память о построеніи Елецкаго монастыря Святославомъ Ярославичемъ сохранялась долго у князей Одоевскихъ, его потомковъ [3]). Въ синодикѣ, найденномъ въ 1698 году поминается Святославъ Ярославичь, какъ основатель этой обители [4]). Къ его-же времени можно отнести построеніе монастырей въ Любечѣ [5]) и Тмутаракани [6]), хотя это только предположеніе.

Устраивая монастыри, которые были распространителями просвѣщенія, онъ заботился и о развитіи въ своей области наукъ и самъ лично собралъ обширную библіотеку, въ которую входили, кромѣ книгъ священныхъ, книги историческаго содержанія, переводимыя съ греческаго языка на русскій. Будучи самъ прекрасно, по тому времени, образованъ, онъ видѣлъ, что вокругъ него стояли люди, далеко уступавшіе ему въ образованіи, и потому рѣшился личнымъ примѣромъ пріохотить своихъ бояръ къ книгамъ. Во время своихъ празднествъ съ дружиной онъ бесѣдовалъ съ ними о различныхъ предметахъ и въ 1073 году приказалъ діакону Іоанну перевести съ греческаго языка на русскій книгу Василія, которая представляетъ изъ себя изборникъ

---

[1]) Филаретъ, ч. III, стр. 2.
[2]) Ibidem., стр. 5.
[3]) Ibidem., стр. 2.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem., стр. 198.
[6]) Исторія русск. церкви, Макарія, ч. II, стр. 74.

(какъ она и названа) статей по различнымъ отраслямъ знанія [1]). Очевидно, этотъ изборникъ предназначался для общаго пользованія, для ознакомленія съ различными науками. Это заставляетъ насъ предполагать, что въ библіотекѣ Святослава Ярославича были книги не только духовныя и историческія, но и по другимъ отраслямъ знанія.

Принимая во вниманіе просвѣтительную дѣятельность Святослава Ярославича въ своемъ стольномъ городѣ, можно сдѣлать предположеніе, что онъ стремился также къ распространенію христіанства и въ другихъ областяхъ своего удѣла. Вѣроятно, съ этого времени началось усиленное распространеніе новой религіи въ Муромской области, вызвавшее энергическое сопротивленіе этого сильнаго племени. Въ преданіи о какомъ то неизвѣстномъ князѣ Константинѣ, причисленномъ къ лику святыхъ, сохранилась память о сильной борьбѣ, которую пришлось выдержать утвердителямъ христіанства и подчиненія Чернигову. Муромцы, нѣсколько разъ изгоняли отъ себя провозвѣстниковъ новой религіи и запирались въ своемъ городѣ, который приходилось брать штурмомъ. Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, соединеніе этой области съ Черниговомъ, основанное на давнихъ сношеніяхъ Сѣверянъ съ Муромой, происходило мирнымъ путемъ: теперь оно должно было стѣсниться враждой. Вслѣдъ за эпохой Святослава мы видимъ въ Муромѣ посадниковъ черниговскаго князя, т. е., окончательное подчиненіе Мурома Чернигову, слѣдовательно и вся эта борьба должна была происходить въ эпоху Святослава Ярославича. Это подтверждается еще и тѣмъ, что въ 1096 году мы находимъ въ Муромѣ Спасскій монастырь, который не могъ быть основанъ послѣ Святослава, во время смутъ, а

---

[1]) Этотъ изборникъ найденъ въ библіотекѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря. Писанъ онъ въ листъ на пергаментѣ, въ два столбца. На оборотѣ перваго листа изображено красками и золотомъ семейство князя: сыновья, жена его и самъ онъ; надъ ними имена: „Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ, княгыни, Святославъ.“ Меньшій сынъ представленъ младенцемъ; другіе взрослыми; отецъ съ усами. На всѣхъ длинные кафтаны съ поясомъ; на головахъ высокія синія шапки; на княгинѣ покрывало; княжеская мантія сверхъ кафтана и сапоги зеленые (Карамзинъ, ч. II, прим. 179). На второмъ листѣ предисловіе, изъ котораго мы и почерпнули наши свѣдѣнія о просвѣтительной дѣятельности Святослава. Выдержки изъ Изборника можно найти въ „Исторической хрестоматіи“ Буслаева.

слѣдовательно былъ сооруженъ при этомъ князѣ для упроченія христіанства въ Муромѣ. Это подтверждается и послѣдующимъ ходомъ событій. какъ мы уже говорили въ очеркѣ колонизаціи. Поэтому нельзя упустить мысль преосв. Макарія, что св. Константинъ есть не болѣе, какъ Ярославъ Святославичъ, который еъ помощью отца водворялъ тамъ христіанство [1]).

Этимъ заканчиваемъ нашъ слабый, по недостатку данныхъ, очеркъ внутренней дѣятельности Святослава Ярославича. Разсказывая о его смерти, лѣтопись измѣняетъ своему обыкновенію и не присоединяетъ никакой характеристики этого князя. Но сами факты рисуютъ намъ эту личность: это типъ князя политика, менѣе расчитывавшаго на открытую силу, чѣмъ на ловкое переплетеніе интересовъ своихъ собственныхъ съ другими, не задумывавшагося надъ средствами для достиженія своихъ цѣлей, князя привлекавшаго къ себѣ окружающихъ умѣньемъ обходиться съ каждымъ: онъ ладилъ и съ вѣчемъ, и съ дружиной, и съ духовенствомъ; своимъ образованіемъ и даромъ слова онъ производилъ на всѣхъ располагающее впечатлѣніе, а храбростью и рѣшительностью заставлялъ своихъ враговъ опасаться заводить съ нимъ дѣло. Громадныя средства, собираемыя имъ, благодаря богатству и развитію промышленности и торговли его удѣла, давали ему возможность легко осуществлять свои планы.

Но и этотъ князь—политикъ не обошелся безъ промаховъ. Главнѣйшій изъ нихъ состоялъ въ занятіи кіевскаго стола. Стремленіе въ Кіевъ было общею слабостью черниговскихъ князей, но къ этому ихъ приводилъ уже намѣченный путь, котораго избѣжать имъ было трудно, хотя бывали между ними и исключенія. Между тѣмъ Святославъ Ярославичь стоялъ еще въ началѣ удѣльной эпохи и былъ увлеченъ къ занятію кіевскаго стола только своими повсемѣстными успѣхами, а никакъ не исторической необходимостью, хотя, какъ можно думать, это не было непріятно черниговцамъ. Явившись въ Кіевъ, Святославъ, естественно, окружилъ себя черниговскими боярами, черниговской дру-

---

[1]) Ист. русск. церкви, Макарія, ч. II, стр. 20. Странно только, что на картинѣ Изборника въ 1073 году, уже при концѣ княженія Святослава Ярославича, Ярославъ изображенъ еще младенцемъ. Можетъ быть, картина болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ Изборникъ, и только приложена къ нему.

жиной, на которыхъ онъ смѣло могъ положиться, а слѣдовательно и всё управленіе сосредоточилось въ рукахъ черниговцевъ, чуждыхъ, какъ-бы то ни было, интересамъ Кіева. Кіевскіе бояре, хотя-бы даже партіи, приверженной Святославу, были недовольны такой порядокъ вещей, когда они ожидали играть первенствующую роль, и, поэтому, мало по малу должны были приставать къ партіи, враждебной Чернигову, и усиливать её. Свв. Антонія и Ѳеодосія уже не было въ живыхъ: черниговская партія теряла всякую силу. Всплыла наружу старая, едва забытая, вражда между Черниговомъ и Кіевомъ, основанная на торговомъ соперничествѣ, на памяти подчиненія Сѣверянъ Полянамъ; занятіе кіевскаго стола черниговскимъ княземъ стало являться какъ возвышеніе Чернигова и униженіе Кіева; явилось желаніе отмстить Чернигову. И вотъ черниговцы и кіевляне начинаютъ вѣковую борьбу, стараясь унизить другъ друга: въ средствахъ не останавливались. Явилась новая дѣйствующая причина, давшая цѣлый рядъ событій. Слѣдующій періодъ исторіи Сѣверской земли явился, какъ слѣдствіе раздробленія Сѣверской области, изгойства и вражды Чернигова съ Кіевомъ.

VI.

Олегъ и Давидъ Святославичи.

1076—1123 г.

Теперь предъ нами открывается самый интересный періодъ исторіи Сѣверской земли. Онъ наполненъ борьбой двухъ личностей, выдающихся своими способностями, энергіей и развитіемъ. Это Олегъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ. Имя Олега соединяется у насъ обыкновенно съ понятіемъ о тѣхъ усобицахъ и смутахъ, которыми такъ богатъ до-монгольскій періодъ русской исторіи. Въ числѣ другихъ личностей и Олегъ Гореславичъ, какъ называетъ его „Слово о Полку Игоревѣ,“ является однимъ изъ зачинщиковъ безпорядковъ, однимъ изъ самыхъ неугомонныхъ князей, наносившихъ столько зла Русской землѣ. Его заслоняетъ почти идеализированная личность Владиміра Всеволодовича Мономаха, этого „труженика за землю Русскую,“ и своимъ блескомъ заставляетъ еще болѣе темнѣть предъ собой личность Олега, своего упорнаго врага.

Такое почитаніе личности Мономаха произошло путемъ взгляда на исторію, какъ на собраніе историческихъ фактовъ, взятыхъ отдѣльно одинъ отъ другаго, вслѣдствіе чего оцѣнка каждаго изъ событій дѣлалась только на основаніи самаго же событія безъ отношенія его къ другимъ событіямъ, безъ опредѣленія причинъ и слѣдствій даннаго факта, на основаніи которыхъ только и можетъ быть составленъ вѣрный приговоръ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Походы Мономаха на Половцевъ, взятые, какъ отдѣльный фактъ, кажутся большой заслугой предъ Русской землей, а поставьте ихъ въ ряду съ послѣдующими и предъидущими событіями, то окажется, что эта борьба съ Половцами, затѣянная Мономахомъ, получитъ другой смыслъ. Мы еще будемъ говорить о нихъ въ своемъ мѣстѣ. Точно также, когда мы знаемъ уже исторію Сѣверской земли до 1076 года, слѣдующій періодъ покажется намъ въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ обыкновенно выставляется, въ особенности, если припомнимъ, что предъидущій періодъ, вытекшій изъ изгойства, привелъ къ возобновленію вражды между Черниговомъ и Кіевомъ.

—

По смерти Святослава Ярославича въ Кіевѣ восторжествовала партія, враждебная Чернигову, и снова былъ принятъ Изяславъ, явившійся въ Кіевѣ съ польскимъ королемъ, который теперь безъ всякаго опасенія могъ исполнить приказъ его святѣйшества и обогатить себя на счетъ Кіевской области. Всеволодъ безъ борьбы уступилъ ему Кіевъ, а взялъ себѣ Черниговъ. Такимъ образомъ опять повторялось примѣненіе изгойства къ сыновьямъ умершаго князя. Нельзя сомнѣваться, что главнымъ виновникомъ объявленія сыновей Святослава изгоями былъ кіевскій князь, который мстилъ за изгнаніе свое изъ Кіева, а Всеволодъ въ этомъ случаѣ видѣлъ свои личныя выгоды.

Въ то время, когда Святославъ Ярославичъ сдѣлался кіевскимъ княземъ въ 1073 году, Олегъ, старшій его сынъ послѣ Глѣба, былъ имъ посаженъ на Волыни, во Владимірѣ, Романъ, какъ уже мы знаемъ, сидѣлъ въ Тмутаракани, Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Ярославъ, какъ можно предполагать, въ Муромѣ, съ которымъ онъ выдержалъ упорную борьбу; неизвѣстно, гдѣ былъ Давидъ; впослѣдствіи мы находимъ его въ Новгородѣ [1]). Теперь Олегъ былъ выведенъ изъ Владиміра и

[1]) Татищевъ подъ 1073 годомъ говоритъ, что Святославъ Ярославичъ посадилъ Бориса въ Вышгородѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, Давида въ Новго-

долженъ былъ жить у своего дяди, Всеволода, въ Черниговѣ [1]), который по праву былъ его отчиной. Черниговцы поплатились за свое временное возвышеніе надъ Кіевомъ: у нихъ былъ чужой князь, съ чужой дружиной, состоявшей частью изъ переяславцевъ, частью изъ кіевлянъ, у которыхъ должно было теперь сосредоточиться всё управленіе Черниговской областью. Понятно, что они также относились къ подчиненной области, какъ недавно черниговцы хозяйничали въ Кіевѣ. Лишь только умеръ Святославъ, Черниговъ началъ дѣйствовать, отлично зная, что̀ ожидаетъ его съ перемѣной обстоятельствъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ изгосмъ, Борисомъ Вячеславичемъ, котораго Святославъ посадилъ въ Вышгородѣ и такимъ образомъ привлекъ на свою сторону, и послѣдній явился въ Черниговъ еще во время похода Всеволода на Волынь, въ 1077 году, 4-го мая [2]). Пробывши здѣсь восемь дней и, вѣроятно, убѣдившись, что собственными силами черниговцы ничего не сдѣлаютъ, онъ бѣжалъ въ Тмутаракань, къ Роману [3]). Олегъ не долго прожилъ въ Черниговѣ, не смотря на стараніе Мономаха поддѣлаться къ нему угощеніями на красномъ дворѣ [4]). Не даромъ Олегъ раньше жилъ близко съ Владиміромъ: онъ прекрасно понималъ эту идеальную личность. Десятаго апрѣля, 1078 года Олегъ Святославичъ бѣжалъ въ Тмутаракань [5]).

Такимъ образомъ Святославичи стали въ грозное положеніе: три энергическія личности, Олегъ, Романъ и Борисъ, были въ Тмутаракани; Глѣбъ еще былъ у Новгородцевъ, которые не отпустили его отъ

родѣ, Олега въ Ростовѣ (ч. II, стр. 27). Съ этимъ едвали можно согласиться. Глѣбъ, какъ мы знаемъ, былъ въ Новгородѣ, тамъ и умеръ. Въ Переяславлѣ по прежнему сидѣлъ Всеволодъ, такъ какъ ниоткуда не знаемъ о томъ, чтобы Святославъ отдалъ ему Черниговъ. Олегъ, какъ видно изъ поученія Мономаха (Лавр. лѣт., стр. 239), было во Владимірѣ-Волынскомъ. Что̀ касается Давида, то можно скорѣе всего предположить, что онъ былъ оставленъ Святославомъ въ Черниговѣ. Мономахъ говоритъ, что отецъ его, Всеволодъ, былъ въ Переяславлѣ (Ibidem., стр. 238).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 140; Лавр. лѣт., стр. 193.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 140; Лавр. лѣт., стр. 193.

[3]) Ibidem.

[4]) Поученіе Мономаха. Лавр. лѣт., стр. 239.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 140; Лавр. лѣт., стр. 193.

себя даже послѣ смерти Святослава, не смотря на то, что остальные Святославичи были признаны изгоями. Глѣбъ располагалъ къ себѣ своей энергіей, своимъ кроткимъ характеромъ, самою своею наружностью [1]). При немъ партія Порѣя и Вышаты, партія независимости Новгорода, должна была пользоваться силою и поэтому дорожила имъ. Имѣя въ рукахъ Новгородъ и Тмутаракань, Святославичи были крайне опасными врагами Всеволода и Изяслава: матерьяльныя средства, которыя могли быть почерпнуты изъ Новгорода и Тмутаракани, личная энергія, популярность ихъ и поддержка Сѣверской земли и Новгородцевъ, которымъ предстояло или держаться Святославичей или снова подчиниться Кіеву,—всё это давало имъ огромную силу. Но случай ослабилъ опасность для Всеволода и Изяслава: Глѣбъ Святославичъ былъ убитъ у Еми, финскаго народца, жившаго по берегамъ Финскаго залива и Невы. Тѣло его было привезено въ Черниговъ и 23-го іюля похоронено за Спасскимъ соборомъ [2]).

Бывшая въ Новгородѣ кіевская партія тотчасъ-же дала знать объ этомъ въ Кіевъ и противники Чернигова, во главѣ которыхъ стоялъ прп. Никита, стала торопить Изяслава послать въ Новгородъ своего сына, Святополка [3]). Новгородцы, не будучи въ состояніи получить въ данный моментъ поддержки отъ Святославичей, принуждены были признать зависимость свою отъ Кіева; партія противниковъ Чернигова торжествовала.

Потерявши Новгородъ, Святославичи не оставили борьбы. Въ августѣ мѣсяцѣ Борисъ и Олегъ, нанявши Половцевъ на средства,

---

[1]) Вотъ какъ характерузуетъ личность Глѣба сама лѣтопись: „Бѣ же Глѣбъ милостивъ на вбогия и страньнолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ....“ (Ипат. лѣт., стр. 140).

[2]) Ипат. лѣт. стр. 140; Лавр. лѣт., стр. 193; Татищевъ, ч. II, стр. 132.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 140. Патерикъ въ русск. переводѣ, стр. 84. Главнымъ образомъ на сторонѣ Изяслава стояли бояре, которые при нёмъ сильно обогащались, и евреи, которыхъ въ Кіевѣ въ то время было очень много. Изяславъ позволялъ имъ страшно эксплуатировать населеніе, нуждаясь самъ постоянно въ деньгахъ. Прп. Никита нѣкоторое время былъ тайнымъ послѣдователемъ іудейства, будучи уже монахомъ. См. объ этомъ интересный рефератъ Г. Малышевскаго: „О евреяхъ на Руси,“ читанный въ собраніи историческаго общества лѣтописца Нестора.

собранныя въ Тмутаракани, набравши дружину, явились въ Черниговскую область. Романъ остался въ Тмутаракани. Всеволодъ выступилъ противъ нихъ, и на рѣкѣ Сожицѣ, 25 августа произошла битва. Побѣда осталась на сторонѣ князей—изгоевъ. Борисъ и Олегъ заняли Черниговъ. Всеволодъ бѣжалъ къ Изяславу въ Кіевъ [1]).

Черниговцы, принявши своего князя, рѣшились защищаться. Ждать пришлось не долго. Изяславъ и Всеволодъ съ Ярополкомъ и Владиміромъ подступили къ Чернигову. Черниговцы заперлись и на предложеніе сдаться отвѣчали отказомъ. Тогда Владиміръ повелъ приступъ на восточныя ворота, со стороны Стрижня. Ворота были взяты; войска Владиміра ворвались въ передній городъ и зажгли его. Жители бросились во внутренній городъ и рѣшились въ немъ защищаться [2]). Если легко было взять посадъ, то захватить дѣтинецъ было гораздо труднѣе. Между тѣмъ Олегъ и Борисъ дѣйствовали: не желая подвергать городъ разоренію, они вышли изъ него съ дружиной въ другія ворота, такъ какъ обложить городъ со всѣхъ сторонъ было не по силамъ осаждав-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 140; Лавр. лѣт., стр. 194. Относительно мѣстонахожденія Сожицы (Съжицы) есть разнорѣчивыя мнѣнія: Карамзинъ читаетъ „Оржица." Это притокъ Сулы въ Полтавской губерніи. Арцыбашевъ думаетъ, что это мѣсто близъ Чернигова. Вопросъ пока остается открытымъ (См. Ист. геогр. словарь, Барсова и лекціи и замѣчанія Погодина, т. 4).

[2]) Стрижень—рѣчка, и теперь существующая въ Черниговѣ. Она раздѣляетъ Черниговъ на двѣ части, соединенныя мостомъ. По нѣкоторымъ примѣтамъ и по разсказамъ жителей можно составить хотя приблизительное понятіе о томъ, гдѣ находился посадъ и гдѣ начинался внутренній городъ. Преосвящ. Филаретъ говоритъ, что церковь св. Параскевы была въ предмѣстьи (Опис. Черн. епархіи, ч. V, стр. 68). Эта церковь очень древняя и относится, вѣроятно, къ до-татарскому періоду. Слѣдовательно предмѣстье можно считать въ сѣверной части нынѣшняго Чернигова. Нѣкоторые жители говорятъ, что еще не столь давно Воздвиженская улица была занята рвомъ, который засыпался долгое время. И теперь можно замѣтить слѣды этого рва въ возвышеніяхъ съ обѣихъ сторонъ улицы. Этотъ ровъ шелъ такимъ образомъ: отъ Стрижня до Елецкаго монастыря и кончался тамъ, гдѣ теперь устроена дорога въ Троицкій монастырь. Этимъ рвомъ со стѣною отдѣлялся внутренній городъ отъ предмѣстья. Ворота, которыя бралъ Владиміръ, вѣроятно, находились при въѣздѣ въ теперешнюю большую улицу. Гдѣ были ворота изъ предмѣстья въ дѣтинецъ, пока сказать трудно.

шимъ, Они отошли къ югу, вѣроятно, подкрѣпили себя новыми ополченіями и двинулись на освобожденіе города. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ и Всеволодъ сняли осаду и въ боевомъ порядкѣ пошли на Олега и Бориса. Встрѣча произошла на Нежатиной Нивѣ [1]). Олегъ сталъ убѣждать Бориса вступить съ врагами въ переговоры, видя, что ему не справиться съ силами четырехъ князей, но Борисъ Вячеславичъ рѣшилъ дать битву. При самомъ ея началѣ онъ былъ убитъ. Не смотря затѣмъ на смерть Изяслава, послѣ упорнаго боя Олегъ былъ разбитъ и съ небольшой дружиной бѣжалъ къ брату въ Тмутаракань [2]). Это пораженіе Татищевъ [3]) объясняетъ тѣмъ, что Олегъ и Борисъ не успѣли соединиться съ Половцами, но мнѣ кажется, что если-бы изгои ожидали Половцевъ, то они не двинулись-бы на осаждавшихъ раньше прибытія къ нимъ ихъ союзниковъ. Вѣрнѣе, что Олегъ и Борисъ просто ошиблись въ своемъ стратегическомъ планѣ. Они предполагали, что противъ нихъ двинется только часть осаждавшихъ, а другая будетъ продолжать осаду Чернигова. Тогда они легко разбили-бы поодиночкѣ войска противниковъ. Этимъ и объясняются слова Олега: „противъ четырехъ князей мы не можемъ драться.“—Какъ-бы то ни было, черниговцы со своими князьями на первый разъ проиграли дѣло. Послѣдствія для нихъ были очень тяжелыя. Всеволодъ послѣ смерти Изяслава занялъ кіевскій столъ, „переемъ всю власть Русскую“ [4]). Въ этихъ словахъ лѣтописи заключается выраженіе смысла всей дѣятельности Всеволода и его сына Мономаха. „Дѣйствія Мономаха, говоритъ г. Лашнюковъ, очень похожи на политику Ивана III, который также не нарушалъ старины, уважалъ обычаи вѣка и между тѣмъ являлся грознымъ самодержавцемъ на великокняжескомъ престолѣ; въ правительственной дѣятельности Мономаха подъ патріархальными формами нельзя не видѣть зародышей самодержавія“ [5]). Теперь Всеволодъ оставался одинъ княземъ всей Руси. Изъ только что приведеннаго, вѣрно схваченнаго характера политики этого князя видно, что независимость

---

[1]) Нежатина Нива—урочище, бывшее недалеко отъ Чернигова.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 140—141; Лавр. лѣт., стр. 195.
[3]) Татищевъ, ч. II, стр. 134.
[4]) Ипат. лѣт., стр. 143; Лавр. лѣт., стр. 197.
[5]) Универ. Извѣстія, 1873 г., ноябрь, стр. 35.

областей была въ большой опасности: онѣ должны были сдѣлаться не больше, какъ провинціями кіевскаго княжества. Въ главныхъ городахъ двухъ самыхъ сильныхъ областей, въ Черниговѣ и Владимірѣ-Волынскомъ, были посажены сыновья великаго князя Кіевскаго. Въ Новгородѣ сидѣлъ Святополкъ, одинъ изъ Изяславичей, которые неспособны были на оппозицію, а потому опасаться его кіевскому князю не было причины. Для Чернигова возвратилась теперь эпоха княженія Владиміра и Ярослава, когда Сѣверская земля была окончательно подчинена Кіеву. Если по отношенію къ другимъ областямъ централизаціонная политика Всеволода льстила самолюбію Полянъ, то тѣмъ болѣе имъ было пріятно торжество надъ Черниговомъ. Чѣмъ упорнѣй отстаивали черниговцы свою независимость, тѣмъ сильнѣе должны были опасаться его кіевляне. Не даромъ Всеволодъ посадилъ въ Сѣверскую землю Мономаха, самаго хитраго и расторопнаго изъ князей своего семейства.

Между тѣмъ изгои въ Тмутаракани не переставали дѣйствовать. Они опять наняли половцевъ, и въ 1079 году Романъ Святославичъ явился къ границамъ Переяславскаго княжества и сталъ у рѣки Воина. Всеволодъ вышелъ къ нему и ожидалъ его у Переяславля [1]). Но еще раньше кіевскій князь вошелъ въ сношеніе съ греками, для которыхъ было очень непріятно сосѣдство такихъ энергичныхъ людей, какъ Святославичи, и греческій императоръ съ русскимъ княземъ рѣшили дѣйствовать на пользу другъ-друга. „Если, говоритъ г. Лашнюковъ, русскіе князья—изгои были опасны для (греческой) имперіи, то еще болѣе были они опасны для Всеволода, и потому очень вѣроятно, что Всеволодъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ за одно съ греками“ [2]). Дѣло до битвы не дошло: что не могло побѣдить оружіе, побѣдили деньги. Всеволодъ заключилъ миръ съ Половцами чрезъ надбавку платы, за которую ихъ нанялъ Романъ, при чемъ, конечно, они обѣщали ему помочь отдѣлаться отъ опаснаго врага. Они отступили вмѣстѣ съ Романомъ и 1-го августа убили его. „И лежатъ его кости и до сихъ поръ тамъ (т. е., въ степи) сына Святослава, внука Ярослава,“ говоритъ лѣтопись [3]).

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 143; Лавр. лѣт., стр. 198.

[2]) Универ. Извѣстія, 1873 г., ноябрь, стр. 7.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 143; Лавр. лѣт., стр. 193.

Олегъ, оставшійся въ Тмутаракани, былъ въ то-же время схваченъ Хазарами и отвезенъ въ Константинополь. Всеволодъ тотчасъ-же прислалъ въ Тмутаракань своего посадника, Ратибора [1]). Очевидно, Хазары, сославшіе Олега, служили въ его дружинѣ: греческое золото сдѣлало свое дѣло. Теперь и Тмутараканю пришлось испытать давно бывшую зависимость Кіева. Уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ Тмутаракань имѣла своихъ князей и стойко боролась за свою независимость, то съ Кіевомъ, то съ Черниговомъ, то опять съ Кіевомъ за самостоятельность своей родной земли.

Ни одна область не оказала столько услугъ Чернигову, какъ Тмутаракань. Теперь у него не было своихъ князей, нельзя было организоваться сопротивленію. Цѣлый годъ тмутараканцы были подъ управленіемъ посадника кіевскаго князя, но, какъ видно, это время не прошло даромъ, потому что въ 1081 году къ нимъ бѣжали изгои, Давидъ Игоревичъ и сынъ нѣкогда бывшаго у нихъ княземъ отравленнаго Ростислава, Володарь. Они схвавили Ратибора и возстановили независимость Тмутаракани [2]). Между тѣмъ Олегъ жилъ въ Греціи. Онъ изъ Константинополя былъ отправленъ на островъ Родосъ [3]), гдѣ и провелъ три года. Въ 1083 году онъ снова явился въ Тмутаракани [4]). Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось освободиться изъ своего заключенія. Ссылка на Родосъ ясно показываетъ, что его хотѣли держать покрѣпче. Не выкупили-ли черниговцы и тмутараканцы своего князя? Лѣтопись не говоритъ, что онъ бѣжалъ изъ мѣста ссылки, а „пришелъ,“ слѣдовательно явился въ Тмутаракань открыто.

Явившись неожиданно въ своемъ княжествѣ, Олегъ отпустилъ Давида и Володаря назадъ на Русь и постарался обезопасить себя на другой разъ отъ возможности быть преданнымъ, казнивши тѣхъ Хазаръ, которые сдѣлали заговоръ противъ него и его брата [5]). Занявши

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат лѣт., стр. 143; Лавр. лѣт., стр. 198.

[3]) Карамзинъ, ч. II, стр. 93.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 143; Лавр. лѣт., стр. 198.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 144; Лавр. лѣт., стр. 198. Лѣтопись о заговорѣ говоритъ такъ: „исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата и на самаго....“ Можно сдѣлать предположеніе, что Всеволоду удалось здѣсь составить себѣ партію среди бояръ Тмутаракани.

Тмутаракань, онъ однако, не могъ быстро предпринять что нибудь противъ кіевскаго князя. Можно предполагать, что силы Тмутаракани были очень истощены, и потому бороться теперь съ своими врагами Олегу было трудно. Все время отъ 1083 года до 1093, т. е., цѣлое десятилѣтіе пошло на приготовленіе къ новой борьбѣ. Можетъ быть, силы Олега Святославича поправились гораздо скорѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ, но онъ не уступалъ въ политикѣ своимъ опытнымъ противникамъ и ожидалъ удобнаго случая. Между тѣмъ другіе князья—изгои не прекращали борьбы, отчего Русская земля терпѣла большія несчастія. Централизаціонная политика Всеволода и его сына Мономаха не принимала въ расчетъ этихъ бѣдствій для достиженія своихъ цѣлей. Пользуясь постоянными смутами, кочевники начинаютъ страшно тѣснить границы Руси и прорываются даже въ глубь Сѣверской земли. Въ этотъ промежутокъ времени они разграбили и разорили весь Стародубъ и по Деснѣ до Новгородъ-Сѣверска [1]). Напрасно Мономахъ разбивалъ отряды кочевниковъ и бралъ въ плѣнъ ихъ князей, они являлись то внутри Черниговской области и Переяславскаго княжества, то на ихъ границахъ. Для успѣшнаго дѣйствія противъ нихъ кіевскій князь нанималъ также Половцевъ, чему помогало дробленіе ихъ на множество колѣнъ [2]). Но это средство приносило едвали не болѣе вреда, чѣмъ цользы: нанятые кочевники одинаково грабили Русь, какъ и ихъ братья, нападающіе.

Къ бѣдствіямъ отъ Половцевъ присоединились и другія невзгоды для Сѣверской Земли. Воспользовавшись слабостью ея Болгары, въ 1088 году, взяли Муромъ, центръ сѣверо-восточной торговли Сѣверянъ. Сверхъ этого началось движеніе у одного изъ племенъ, входившихъ въ составъ Черниговскаго удѣла: поднялись Вятичи. Мы уже говорили объ отношеніяхъ между Сѣверянами и этимъ племенемъ [3]). Но со времени Святослава Ярославича обстоятельства, вѣроятно, перемѣняются. Можно предположить, что при немъ началось усиленное подчиняющее

---

[1]) Поученіе Мономаха. Лавр. лѣт., 239.

[2]) „А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с Черниговци и с Половци....“ Очевидно, эти Половцы были наняты Мономахомъ.

[3]) См. очеркъ колонизаціи Сѣверянъ (Вятичи).

движеніе въ землю Вятичей, выразившееся укрѣпленіемъ верховьевъ Десны. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ это-же время начались усилинныя попытки распространенія христіанства у этого племени. Пользуясь слабостью Чернигова, Вятичи поднялись. Во главѣ ихъ стали двѣ, какъ можно думать, энергическія личности. Ходотъ и его сынъ, и въ продолженіи почти двухъ лѣтъ боролись за независимость своей земли противъ притязаній Чернигова, Только послѣ двухъ зимнихъ походовъ Мономаху удалось сломить силу этого племени и снова подчинить его черниговскому князю [1]).

Пока Черниговскій удѣлъ ослабѣвалъ, Олегъ Святославичъ въ далекой Тмутаракани зорко слѣдилъ за событіями. Въ 1093 году умеръ кіевскій князь Всеволодъ. Мономаху очень хотѣлось сѣсть на кіевскій столъ, но онъ поступилъ гораздо хитрѣе. Зная неспособность Изяславичей, онъ призываетъ въ Кіевъ старшаго изъ нихъ, Святополка, сидѣвшаго въ Новгородѣ, и, благодаря этому, пріобрѣтаетъ полную свободу заправлять всѣми дѣлами Руси, сохраняя за собою мнѣніе менѣе дальновидныхъ своихъ современниковъ, какъ о безкорыстномъ дѣятелѣ на пользу родной земли. „Но, говоритъ Лашнюковъ, при общемъ уваженіи люди болѣе дальновидные не довѣряли ему, Олегъ Святославичъ и Ростиславичи (сыновья отравленнаго), люди далеко недюженные, не раздѣляли общаго довѣрія къ Мономаху“ [2]).

Между тѣмъ нападенія Половцевъ не прекращались. Въ томъ-же году Святополкъ и Владиміръ на голову были разбиты подъ Треполемъ. Моментъ былъ самый удобный, и въ 1094 году Олегъ Святославичъ явился изъ Тмутаракани съ наемными Половцами подъ Черниговомъ [3]). Восемь дней защищался Владиміръ, но принужденъ былъ уступить Олегу „отца его мѣсто“, по собственному выраженію Мономаха [4]). Такъ онъ говоритъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ, въ которомъ, можетъ быть, невольно высказалъ свою неправоту. Во время осады Олегъ приказалъ Половцамъ разграбить окрестные монастыри, которые, вѣроятно, стояли на сторонѣ Мономаха, но запретилъ трогать удаляющагося князя только съ ста человѣками дружины, когда-бы онъ могъ уничтожить его

---

[1]) Поученіе Мономаха. (Лавр. лѣт., стр. 239).

[2]) Универ. Извѣстія, 1873 г., ноябрь, стр. 38.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 157.

[4]) Поученіе Мономаха. (Лавр. лѣт., стр. 240).

по своему желанію [1]), Мономахъ отправился въ Переяславль, уступивъ усиліямъ своего энергическаго противника, но и тутъ онъ не упустилъ случая выставить фактъ въ другомъ видѣ. Не будучи въ состояніи удерживать города далѣе, онъ объясняетъ свою сдачу тѣмъ, что ему жалко христіанскихъ душъ и селъ горящихъ и монастырей. Можетъ быть, и нашлись нѣкоторые изъ его современниковъ, которые повѣрили ему, но для насъ кажутся нестоющими довѣрія эти слова въ устахъ того самаго Мономаха, который, взявши Минскъ, по его собственному выраженію, не оставилъ въ нёмъ ни челядина, ни скотины [2]), когда эте нужно было для его цѣлей.

Итакъ черниговцы возстановили свою независимость, но дорого имъ пришлось купить её. Муромъ былъ во власти Болгаръ; вся Сѣверская земля была разграблена Половцами; Вятичи стояли въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Чернигову. Олегу Свясославичу приходилось загладить и исправить всѣ бѣдствія, обрушившіяся на Черниговскій удѣлъ. Лѣтописи умалчиваютъ объ этой его дѣятельности, и понятно, почему. Мы не имѣемъ черниговской лѣтописи, а принуждены пользоваться тѣми извѣстіями, которыя намъ сообщаетъ кіевская, враждебная Сѣверской землѣ и почтому мало интересовавшаяся внутренними дѣлами Черниговскаго удѣла. Не смотря на это, можно видѣть, что Олегъ Святославичь энергически принялся за устройство своей области. Уже въ 1095 году мы находимъ его посадниковъ въ Муромѣ [3]), что указываетъ на возвращеніе его отъ Болгаръ. Мы, можетъ быть, не сдѣлаемъ ошибки, если дѣятельности этого князя припишемъ также установленіе тѣхъ отношеній, которыя существовали позднѣе между Вятичами и черниговскими князьями. Мы увидимъ ихъ въ слѣдующей главѣ. Скажемъ только, что вѣче въ землѣ Вятичей пользовалось большимъ значеніемъ.

Но самое первое и бо́льшее зло приходилось терпѣть населенію отъ Половцевъ, и съ этой стороны Олегъ Святославичь началъ дѣйствовать съ полнымъ пониманіемъ характера враговъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи должна была при-

---

[1]) Ibidem. и Ипат. лѣт., стр. 158.

[2]) Ibidem., стр. 239 и 240.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 150; Лавр. лѣт., стр. 222.

нести несомнѣнную пользу Сѣверской землѣ, болѣе, чѣмъ всѣ знаменитые походы Мономаха, но она дала возможность послѣднему снова придраться къ Олегу.

—

Чтобы понять ходъ событій послѣдующей эпохи, мы должны воротиться нѣсколько назадъ и взглянуть, что происходило въ это время на юго-восточныхъ границахъ Сѣверской земли.

Мы видѣли, что населеніе Подонья, тѣснимое кочевниками, сгруппировалось въ бассейнѣ Донца, внизъ по его теченію, до соляныхъ озеръ, въ городкахъ и образовало потомъ, благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ, особаго рода корпорацію, извѣстную въ лѣтописи подъ названіемъ бродниковъ. Еще раньше этого постоянныя сношенія съ Греками, Хазарами и другими сосѣдними народами произвели смѣшанное населеніе Тмутаракани, теперь постоянная борьба съ половцами сблизила русское населеніе Подонья съ кочевниками. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Половцы поддавались культурному вліянію Руси. Ихъ постоянные походы внутрь Русской земли, а еще болѣе частая служба у русскихъ князей, знакомили ихъ съ жизнью и обстановкой Руси и дѣйствовали на нихъ въ культурномъ отношеніи. Сами князья должны были стремиться къ тому, чтобы это вліяніе не пропадало даромъ. Съ этою цѣлью они вступаютъ въ браки съ половецкими княжнами, приближаютъ къ себѣ половецкихъ князей. Мы впослѣдствіи встрѣчаемъ Половцевъ, которыхъ лѣтопись называетъ по имени и отчеству, и иногда съ христіанскими именами. Но если таково было вліяніе съ одной стороны, то не менѣе сильно оно должно было оказываться и съ другой; отличіе состояло только въ томъ, что послѣднее дѣйствовало главнымъ образомъ на ту часть славянскаго населенія, которому приходилось постоянно, лицомъ къ лицу сталкиваться съ Половцами, т. е., на населеніе юго-восточныхъ окраинъ Сѣверской земли. Тутъ-то и происходилъ дѣйствительный и сильный культурный обмѣнъ.

Мы знаемъ, что Половцы не строили своихъ городовъ, но, однако-же, несомнѣнно, что они владѣли городками и жили въ нихъ. Самый этотъ фактъ есть слѣдствіе вліянія сосѣдняго осѣдлаго населенія. Захватывая городки, Половцы однако не выгоняли его обитателей, а селились вмѣстѣ. Такъ мы видимъ Шарукань, принадлежавшій Половцамъ, но съ христіанскимъ населеніемъ. Очевидно, оно было смѣшанное. Оставшіеся въ городахъ Половцы принимали и обычаи, и частью

вѣрованія кореннаго населенія, но и сами давали ему свое. Половцы въ военномъ отношеніи превосходили мѣстное осѣдлое населеніе, которое для успѣшной борьбы съ кочевниками должно было само принять ихъ военную тактику, а вмѣстѣ съ нею и часть ихъ обычаевъ, привычекъ, а, пожалуй, и вѣрованій. Въ то время какъ центральное славянское населеніе, подъ вліяніемъ борьбы съ сосѣдями, все болѣе и болѣе вдавалось въ консерватизмъ, окраинное населеніе теряло его и усвоивало болѣе свободные нравы и обычаи. Благодаря этому, первое должно было смотрѣть на послѣднихъ свысока, а послѣдніе должны были стать въ оппозицію къ первымъ. Началась рознь. Вотъ почему мы или совсѣмъ не встрѣчаемъ, или очень мало находимъ извѣстій о бродникахъ, да и тѣ проникнуты непріязнью. Для лѣтописца, особенно кіевлянина, Русь простиралась только до „шеломяни," а что было дальше, то причислялось уже къ врагамъ, хотя тамъ и было славянское населеніе: вѣдь оно болѣе индеферентно относилось къ тому, что лѣтописецъ считалъ для себя священнымъ. Между тѣмъ бродники служили лучшимъ оплотомъ противъ кочевниковъ для Сѣверской земли, не только, какъ прекрасно усвоившіе себѣ тактику борьбы съ ними, но и вліяя на нихъ въ культурномъ отношеніи.

Когда двигались на кочевниковъ соединенныя силы всѣхъ князей, то и тогда они не уступали стройнымъ ополченіямъ на полѣ битвы. Но такіе походы были сопряжены съ большими трудностями, да и не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Предпринимаясь для того, чтобы обезопасить Русь отъ дальнѣйшихъ нападеній Половцевъ, они имѣли, можно сказать, всегда обратныя слѣдствія. Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ краткій обзоръ столкновеній Руси съ Половцами въ періодъ между 1095 и 1113 годами.

Въ 1095 году Половецкіе князья, Итларь и Китанъ, пришли въ Переяславль заключить миръ, и Владиміръ Мономахъ приказалъ перебить ихъ [1]).

Нечего и говорить, что Половцы справедливо были раздражены, и въ 1096 году князь Куря напалъ на Кіевъ и Переяславль [2]).

Въ 1101 году Половцы заключили вторично миръ съ русскими [3]),

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 158.

[2]) Ibidem., ст. 151.

[3]) Ibidem. стр. 181.

но въ 1103 году безъ всякаго повода со стороны первыхъ миръ былъ нарушенъ послѣдними [1]).

Благодаря этому въ 1105 году Бонякъ явился у Заруба [2]). Въ 1106 году Половцы грабили у Зарѣчьска [3]). Въ 1107 году Бонякъ и Шарукань грабили у Переяславля [4]).

Вслѣдствіе этого съ 1109 по 1111 годъ предпринимаются Мономахомъ знаменитые походы въ глубь степей [5]); но слѣдствіемъ своимъ они имѣли то, что въ 1113 году Половцы грабили у Выря [6]).

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что такъ вести борьбу, какъ это дѣлалось въ данное время, было совершенно нецѣлесообразно. Нельзя предполагать, чтобы Мономахъ не понималъ безполезности такого рода походовъ. Вѣрнѣе и болѣе согласно съ послѣдующимъ ходомъ событій предположить, что они предпринимались имъ совершенно съ другой цѣлью, хотя и прикрывались необходимостью защищать населеніе отъ набѣговъ. Только постепенная колонизація въ глубь степей могла принести пользу, и Сѣверская земля въ этомъ случаѣ имѣла большое преимущество предъ другими областями, потому что у нея былъ хорошій исходный пунктъ для колонизаціи, именно поселенія бродниковъ. Не нарушая дружественныхъ отношеній съ послѣдними, не раздражая Половцевъ, сѣверскіе князья могли расчитывать на спокойствіе своей области. Начиная съ Олега, забота объ этомъ становится главной руководящей нитью ихъ политики, за исключеніемъ двухъ, трехъ случаевъ. Съ этой цѣлью они (собственно новгородсѣверскіе князья) отказываются отъ вмѣшательства въ дѣла другихъ князей и стараются удержать черниговскихъ князей отъ притязанія на Кіевъ. Мы увидимъ, что между Половцами и чернигово-сѣверскими князьями установились особенныя отношенія. Это произошло, конечно, благодаря извѣстному ходу событій, но также и вслѣдствіе политики сѣверскихъ князей по отношенію Половцевъ. Начало этой политикѣ положилъ Олегъ Святославичъ. Казалось, теперь, когда права князей

---

[1]) Ibidem., стр. 182.
[2]) Ibidem., стр. 186.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem., стр. 188—191.
[6]) Ibidem., стр. 198.

сѣверскихъ были возстановлены, благодаря энергіи Олега, можно было ожидать спокойствія, необходимаго для приведенія въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ. Князьямъ нужно было обратиться совокупными силами на общихъ враговъ—Половцевъ. Самый вѣрный и цѣлесообразный образъ дѣйствія состоялъ въ постепенной колонизаціи, въ расширеніи культурнаго вліянія мирнымъ путемъ,—путемъ сближенія съ ними, употребляя оборонительный, а не наступательный способъ войны. Такъ думалъ Олегъ Святославичъ, какъ показываютъ дальнѣйшія событія, но не такъ думалъ Мономахъ. Проигравъ открытое дѣло съ Олегомъ, онъ рѣшился дѣйствовать противъ него другимъ путемъ.

Какъ ни были безплодны походы противъ Половцевъ, но дурныя послѣдствія ихъ испытывало, главнымъ образомъ, пограничное или ближайшее къ границамъ населеніе; на долю же внутреннихъ областей оставалась дорого купленная слава, пріятно дѣйствовавшая на національное самолюбіе. Главный дѣятель этихъ предпріятій долженъ былъ пріобрѣтать расположеніе этой части населенія, возраставшее, благодаря искусной политикѣ его по отношенію другихъ дѣлъ. Этого-то Мономахъ и добивался. Отлично понимая, что Олегъ Святославичъ не будетъ сторонникомъ такой борьбы противъ Половцевъ, Владиміръ Всеволодовичъ рѣшился дѣйствовать противъ него съ этой стороны.

Въ 1095 году половецкіе князья, Итларь и Китанъ, явились для заключенія мира въ Переяславль, къ Владиміру Мономаху. Послѣдній допустилъ перебить ихъ и такимъ образомъ нарушилъ самое священное изъ правъ,—право международное. Перебивши князей, Святополкъ Изяславичъ и Мономахъ напали на Половцевъ и въ то же время отправили посла требовать участія Олега въ походѣ [1]).

Между тѣмъ еще раньше послѣдній взялъ къ себѣ сына князя Итларя, какъ можно судить, на воспитаніе [2]).

Зная послѣдствія затѣяннаго дѣла и не желая однако навлекать на себя неудовольствія, Олегъ двинулся, но не соединился съ Мономахомъ, а пошелъ другимъ путемъ, такъ что не участвовалъ въ разграбленіи половецкихъ вежъ. Предлогъ пристать къ Олегу нашелся, но Мономахъ повелъ дѣло дальше. Возвратившись въ Кіевъ, Святополкъ

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 158—159; Лавр. лѣт., стр. 219.

[2]) Примѣръ, когда такимъ путемъ стараются распространить свое вліяніе, очень часто встрѣчается въ исторіи и довольно цѣлесообразенъ.

и Мономахъ послали сказать Олегу, чтобы онъ или выдалъ имъ Итларевича, или самъ убилъ его: „то есть ворогъ нама и Русьской землѣ“ [1])—представлялось, какъ аргументъ. Олегъ не исполнилъ ни того, ни другого. На сколько въ этомъ можно видѣть рыцарскій поступокъ, на столько-же тутъ является и хитро расчитанный планъ: сохраняя дружбу съ своими старыми союзниками, давая этимъ самымъ безопасность своей области и усиливая вліяніе свое на Половцевъ, онъ ставилъ ихъ противъ Мономаха и Святополка. Олегъ какъ будто оставался въ сторонѣ отъ всякой политики.

Между тѣмъ Давидъ Святославичъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, неожиданно двинулся оттуда къ Смоленску. Воспользовавшись этимъ, сынъ Мономаха, Мстиславъ, явился въ Новгородѣ и, напугавъ новгородцевъ властолюбіемъ и силой Олега, заставилъ принять себя княземъ [2]), а Давиду было послано лаконическое: „не ходи къ намъ“ [3]).

Потеря Новгорода имѣла важное значеніе для черниговскихъ князей; Мономахъ теперь получалъ еще бо́льшую силу. Отношенія все болѣе становились натянутыми. Предлогъ открыто пристать къ Олегу уже былъ: на основаніи обвиненія въ участіи съ врагами можно было объявить Олега изгоемъ и снова захватить его область. Но зная, что Олегъ уступитъ только послѣ упорной борьбы, Мономахъ рѣшился ослабить его внутри его собственной области. Онъ приказалъ своему сыну Изяславу, бывшему въ Курскѣ, двинуться къ Мурому [4]). Тутъ опять всплыла прежняя политика черниговскихъ князей въ отношеніи Мурома, и Муромцы выдавши посадника Олега, приняли Изяслава [5]). Это было въ концѣ 1095 года.

Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ открыто потребовали Олега на судъ въ Кіевъ „предъ епископами и игуменами, предъ боярами и горожанами“ [6]). Призывая черниговскаго князя въ Кіевъ, на судъ предъ кіевлянами, Мономахъ поднималъ значеніе этого города и льстилъ самолюбію его населенія. „Могъ-ли, говоритъ Г. Соловьевъ, Олегъ ѣхать,

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 159; Лавр. лѣт., стр. 219.
[2]) Татищевъ, т. II.
[3]) Ипат. лѣт., стр. 160; Лавр. лѣт., стр. 222.
[4]) Ипат. лѣт., стр. 160; Лавр. лѣт., стр. 222.
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem.

когда зналъ настроеніе противъ себя“ [1]). Онъ отказался. Лѣтописецъ, Полянинъ, укоряетъ Олега за то, что онъ послушалъ въ этомъ случаѣ „злыхъ совѣтниковъ“ [2]). Эти „злые совѣтники“ были черниговскіе бояре, а за ними стояло населеніе всей Сѣверской земли. Думать, что народъ въ этихъ распряхъ не принималъ никакого участія, было-бы больше, чѣмъ поверхностно. Оборона черниговцевъ противъ Всеволода, борьба тмутараканцевъ, послѣдній намекъ лѣтописи, затѣмъ вся послѣдующая исторія Сѣверянъ, убѣждаютъ насъ въ противномъ.

Не смотря на то, что Олегъ былъ сильно ослабленъ, что всѣ шансы на успѣхъ были въ рукахъ его врага, Мономаха, онъ выдержалъ борьбу и заставилъ своихъ непріятелей отказаться отъ многихъ притязаній. Этотъ успѣхъ можно объяснить только поддержкой, которую Олегъ находилъ въ самой Сѣверской землѣ: за изгойствомъ Олега должно было слѣдовать снова подчиненіе Чернигова Кіеву.... Вотъ почему, когда Мономахъ и Святополкъ, вслѣдъ за отказомъ Олега явиться на судъ въ Кіевъ, двинулись на Черниговъ, и Олегъ принужденъ былъ бѣжать изъ него, Стародубъ принялъ своего князя и рѣшился защищаться. 3-го мая Олегъ бѣжалъ изъ Чернигова [3]), и почти съ того-же дня началась осада Стародуба. Тридцать три дня отбивались стародубцы отъ враговъ и, наконецъ стали ослабѣвать, но старые союзники Олега Святославича не дремали: Бонякъ напалъ на Кіевъ и сжегъ княжескій дворецъ на Берестовомъ; 24-го мая Куря напалъ на Переяславское княжество и сжегъ Устье; наконецъ, двинулся и осадилъ самый Переяславль тесть Святополка, Тугорканъ. Это было 31-го мая [4]). Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Стародуба, осаждавшіе сдѣлались податливѣй на миръ, и Олегъ, воспользовавшись этимъ, вошелъ съ ними въ сношенія. Главнымъ условіемъ было поставлено, чтобы Олегъ

---

[1]) Исторія Россіи, т. II, стр. 48.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 160; Лавр. лѣт., стр. 222.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 160; Лавр. лѣт., стр. 222.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 160; Лавр лѣт., стр. 223. Очевидно, что эти событія имѣли между собою тѣсную связь. Осада, положимъ началась 3-го мая; продолжалась она, по извѣстію лѣтописи, тридцать три дня, слѣдовательно до 5-го іюня, а нападеніе на Устье и Переяславль происходило 24 и 31 мая. Въ пять дней извѣстіе объ этомъ могло дойти до Стародуба, что̀ и вызвало уступчивость Мономаха.

съ братомъ своимъ, Давидомъ, явился на судъ въ Кіевъ. Миръ былъ утвержденъ крестнымъ цѣлованіемъ [1]). Осаждавшіе поспѣшили на выручку Переяславля. Между тѣмъ Олегъ Святославичъ рѣшился не выполнять крестнаго цѣлованія и отправился къ брату въ Смоленскъ за помощью. Смольняне отказали ему въ поддержкѣ. Тогда онъ явился въ Рязани [2]).

Неизвѣстно, что́ побудило затѣмъ смольнянъ перемѣнить свое рѣшеніе, только они дали Олегу земское ополченіе. Съ нимъ онъ двинулся къ Мурому [3]), гдѣ сидѣлъ, какъ мы видѣли, Изяславъ. Извѣщенный о приближеніи Олега, онъ послалъ собирать ополченія въ Ростовъ, Суздалъ, на Бѣло-озеро. Медленное движеніе Олега дало ему возможность собрать значительныя силы. Между тѣмъ Олегъ Святославичъ рѣшился испытать здѣсь мирный путь и послалъ къ Изяславу съ словами: „иди въ волость отца своего, въ Ростовъ: я хочу, сидя здѣсь, рѣшить споръ съ твоимъ отцомъ, потому что онъ выгналъ меня изъ города отца моего. Или ты и здѣсь не хочешь отдать мнѣ моего хлѣба"?—Изяславъ отказался исполнить столь мягко выраженное требованіе. Тогда Олегъ двинулся къ Мурому, и предъ городомъ, 6-го сентября, произошла жаркая битва, въ которой Изяславъ былъ убитъ; оставшаяся часть его войска разсѣялось въ лѣсъ, или бѣжала въ го-

---

[1]) Ипатс. Лѣт. стр, 161; Лавр. Лѣт. стр. 223.

[2]) Ibidem. Здѣсь Рязань упоминается въ первый разъ. Г. Иловайскій въ своей „Исторіи Рязанскаго княжества" приписываетъ основаніе этого города Святославу Ярославичу, какъ оплота противъ Половцевъ, кочевья которыхъ къ тому времени уже занимали всё пространство до рѣки Прони. (Исторія Раз. княжества, стр. 22—24). Указаній лѣтописи за или противъ этого мнѣнія нѣтъ никакихъ, поэтому мы замѣтимъ только, что лѣтопись обыкновенно упоминаетъ о построеніи городовъ князьями. Г. Иловайскій предполагаетъ такое же происхожденіе и Курска, но мы видѣли, что Курскъ гораздо древнѣе XI в.. Причина появленія Рязани, можетъ быть, дѣйствительно, кроется въ желаніи обезопасить отъ Половцевъ такой торговый пунктъ, какъ Муромъ, но иниціатива, по всей вѣроятности, не принадлежитъ никому изъ князей, а самимъ муромцамъ, выславшимъ колонію на верхнее теченіе Оки. Тяготѣніе Рязани къ Мурому доказываетъ намъ это.

[3]) Ibidem. Что здѣсь дѣло идётъ о земскомъ ополченіи, а не о дружинѣ видно изъ того, что лѣтопись ясно отличаетъ „воевъ" отъ „дружины".

родъ. Горожане приняли Олега [1]), такъ какъ въ Черниговѣ былъ въ это время Мономахъ, но такая политика муромцевъ продолжалась не долго. Плѣнныхъ суздальцевъ, ростовцевъ и бѣлозерцевъ Олегъ заковалъ и быстро двинулся къ Суздалю. Планъ Олега состоялъ въ томъ, чтобы, захвативши Ростовскую область и ослабивши такимъ образомъ своего противника, снова поднять въ Новгородѣ черниговскую партію и возвратить его себѣ [2]). Но тутъ онъ, подъ вліяніемъ, можетъ быть, личной мести къ своему врагу, испортилъ дѣло тѣмъ, что, занявши Ростовъ, ограбилъ и разослалъ въ ссылку многихъ изъ гражданъ [3]) и этимъ вооружилъ ихъ противъ себя. Затѣмъ онъ посадилъ въ Муромской и Ростовской области своихъ посадниковъ и сталъ брать дань [4]).

Мстиславъ Владиміровичъ, сидѣвшій, какъ мы видѣли, въ Новгородѣ, отправилъ къ Олегу посла съ требованіемъ очистить Ростовскую область и идти въ Муромъ. Олегъ отказался и сталъ ожидать Мстислава у Ростова. Передовымъ отрядомъ начальствовалъ младшій братъ его, Ярославъ, по способностямъ далеко уступавшій Олегу. Онъ, узнавъ о приближеніи новгородцевъ съ Мстиславомъ, бѣжалъ къ Олегу, а передовая стража была взята въ плѣнъ. Олегъ приказалъ сжечь Суздаль и отступилъ къ Мурому. Отсюда онъ послалъ къ Мстиславу просить мира, приготовляясь напасть на него въ расплохъ. Мстиславъ поддался на обманъ и распустилъ свое ополченіе [5]). Тогда Олегъ неожиданно двинулся и сталъ на рѣкѣ Клязмѣ. Какъ видно, онъ не думалъ вступать въ битву, а предполагалъ, что застигнутый неожиданностью Мстиславъ отступитъ безъ бою. Промедленіе Олега опять повредило ему: Мстиславъ собралъ въ два дня бѣлозерцевъ, ростовцевъ, Новгородцевъ и заслонилъ городъ. Четыре дня стояли противники другъ предъ другомъ, не рѣшаясь начать дѣло. Это дало возможность Мономаху прислать наемныхъ половцевъ съ младшимъ своимъ сыномъ, Вячеславомъ. Тогда началась битва. Олегъ дрался съ Мстиславомъ,

---

[1]) Ипатс. Лѣт. стр. 165; Лавр. Лѣт. стр. 229.

[2]) На это указываютъ слова лѣтописи, что Олегъ „мышляше и Новъгородьци прияти“. (Ипат. Лѣт. стр. 165).

[3]) Ипатс. Лѣтоп. стр. 165; Лавр. Лѣт. стр. 229.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem. Стр. 166 и стр. 230.

Ярославъ съ Вячеславомъ. Враги, воспользовавшись своей многочисленностью, зашли въ тылъ Олегу, и битва была проиграна [1]. Олегъ бѣжалъ въ Муромъ и оставилъ тамъ брата. Мстиславъ преслѣдовалъ его и явился у Мурома. Муромцы заключили съ нимъ миръ, и Ярославъ долженъ былъ также удалиться, не рѣшившись выдержать осаду. Олегъ бросился въ Рязань, но Мстиславъ явился и здѣсь, выгналъ Олега, и рязанцы по примѣру своего города заключили съ нимъ миръ [2]. Такъ Муромская земля сдѣлала первую попытку окончательно оторваться отъ Чернигова.

Дѣло Олега было проиграно. Всѣ средства для борьбы были на сторонѣ его противника, между тѣмъ какъ Олегъ дѣйствовалъ одинъ. Энергическіе братья его, Глѣбъ, Романъ, погибли еще раньше; оставшіеся въ живыхъ, Давидъ и Ярославъ, не приносили ему никакой помощи. Первый, какъ мы увидимъ, былъ человѣкъ вялый, нерѣшительный, преданный набожности; второй не отличался храбростью и воинскими дарованіями. Еще раньше, нежели Олегъ былъ окончательно разбитъ, Давидъ въ Смоленскѣ заключилъ отдѣльный миръ съ Мономахомъ [3] и затѣмъ совершенно подался вліянію послѣдняго. Съ такими помощниками дальнѣйшая борьба была невозможна. Мономахъ видѣлъ, что его противникъ совершенно ослабленъ, рѣшился докончить начатую комедію и выставить себя вполнѣ великодушнымъ. Онъ пишетъ разбитому Олегу дружественное повидимому письмо, въ которомъ высказываетъ свое желаніе примириться съ нимъ, сваливая при этомъ всю вину на Олега-же, что онъ напалъ на Суздальскую область, что онъ не прислалъ къ нему просить о мирѣ [4], забывая, что самъ первый выгналъ его изъ Чернигова. Это письмо въ связи съ обвиненіемъ Олега въ сношеніи съ врагами выставило послѣдняго кругомъ виноватымъ для современнаго ему общества. Но если борьба была проиг-

---

[1] Ibidem. Интересно здѣсь объясненіе причины побѣды надъ Олегомъ со стороны лѣтописца, кіевлянина. Онъ разсказываетъ, что вмѣстѣ съ половцами Мономахъ прислалъ и свой стягъ и, что будто-бы, увидя его, Олегъ почувствовалъ паническій страхъ, заставившій его проиграть битву. Чисто патріотическое объясненіе!

[2] Ibidem, стр. 167 и 231.

[3] Поученіе Мономаха (Лавр. лѣт. стр. 241).

[4] Ibidem, стр. 245.

рана въ томъ смыслѣ, что Олегъ потерпѣлъ нѣсколько разъ пораженіе, что не успѣлъ возвратить Новгорода, то съ другой стороны своей упорной борьбой онъ показалъ Мономаху всю опасность дальнѣйшихъ притязаній, и прежде всего это выразилось въ томъ, что для рѣшенія спора былъ избранъ Любечь въ Сѣверской землѣ, т. е., въ волости Олега, а не въ Кіевѣ.

Въ 1097 году князья съѣхались въ Любечь, и было постановлено, чтобы каждый владѣлъ волостью своего отца [1]). Давидъ, Ярославъ и Олегъ получили земли Сѣверскую, Муромскую и Вятическую, кромѣ того имъ отданъ былъ Курскъ съ своею областью [2]). Но Мономахъ всѣ-таки постарался посадить въ Черниговѣ неэнергичнаго, слабаго Давида, а Олегъ долженъ былъ взять себѣ Новгородъ-Сѣверскъ съ его областью и Курскъ съ Посемьемъ. Съ этихъ поръ Сѣверская земля разбилась на два отдѣльныя княжества: собственно Черниговское, къ которому примыкала и область Вятичей, и Новгородъ-Сѣверское съ Курскомъ. Ярославъ, младшій изъ братьевъ, получилъ въ удѣлъ Муромскую область. Почти съ этой поры послѣдняя уже не принимаетъ никакого участія въ исторіи Сѣверской земли и вскорѣ отдѣляется совершенно.

Такимъ образомъ Любецкій сеймъ, повидимому, положилъ основаніе мира, конецъ всѣмъ смутамъ: изгои были удовлетворены, Курская область возвращена Сѣверской землѣ; но съ другой стороны онъ положилъ новые зародыши, изъ которыхъ развились новыя неурядицы. Иначе не могло быть, иначе рѣшить дѣло Любецкій сеймъ не могъ, а между тѣмъ несостоятельность его видна съ перваго взгляда. Она сказалась уже въ 1097 году для правой стороны Днѣпра; для Сѣверской земли она обнаружилась нѣсколько позже, послѣ смерти Олега и Давида Святославичей. Въ то время, какъ западная отъ Днѣпра половина Руси уже представляла изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ, Сѣверская земля была всегда подъ властью одного князя, что придавало послѣднему большую силу и дѣлало его опаснымъ для своихъ противниковъ. Нечего говорить, что душой Любецкаго сейма былъ Мо-

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 247; Ипатс. Лѣт. стр. 167.

[2]) Сынъ Олега, Святославъ, въ 1147 году называетъ Курскъ своею отчиною, чего-бы онъ не могъ сказать, если-бы Курскъ не принадлежалъ его отцу. (Ипат. Лѣт. стр. 263).

номахъ, такъ какъ его главный противникъ былъ на столько ослабленъ, что не могъ уже возставать противъ его дѣйствій. Всё, что вышло изъ этого сейма, было дѣломъ Мономаха. Уступая волость Святославичамъ, онъ однако постарался, чтобы она раздробилась на три княжества, чтобы она не была сгрупирована въ однихъ рукахъ. Для этого онъ настоялъ на томъ, что-бы Черниговъ былъ отданъ Давиду, хотя, по праву старшинства, онъ принадлежалъ Олегу. Отсюда уже вытекло само собою, что Олегъ долженъ былъ получить Новгородъ-Сѣверскъ, потому что не захотѣлъ-бы остаться безъ стола. Изъ этого нарушенія старшинства, изъ дробленія Сѣверской земли на два княжества въ соединеніи съ старыми причинами вытекла цѣлая новая эпоха, начавшаяся съ 1127 года.

Итакъ въ Черниговѣ былъ посаженъ Давидъ. Обиженный Олегъ избралъ своей резиденціей Новгородъ-Сѣверскъ, значеніе котораго мы уже видѣли. Историческая жизнь обоихъ княжествъ сразу-же пошла по двумъ различнымъ путямъ: Олегъ сталъ продолжать начатую имъ раньше охранительную политику; Давидъ поддался совершенно вліянію Мономаха и ввелъ Черниговъ въ общую жизнь съ остальной Русью Это были намѣченные пути еще раньше: ихъ проложили, для одной стороны связь Курска съ Подонскимъ поселеніемъ, для другой—борьба Чернигова съ Кіевомъ за первенство.

Въ 1097 году произошло ослѣпленіе Василька. Мономахъ прежде всего отправилъ звать Давида и Олега въ Городецъ. Они были поражены и „начаша плакатися“. Они быстро собрали ополченія и двинулись къ Владиміру. Ставши у Городца, князья отправили пословъ къ Святополку съ требованіемъ разъяснить дѣло [1]). Интересно здѣсь оправданіе, которое выставилъ Святополкъ: „Давидъ (Игоревичъ) мнѣ сказалъ, что Василько убилъ моего брата, Ярополка, и хочетъ и меня убить и взять мои волости; что онъ заключилъ союзъ съ Владиміромъ, чтобы онъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Василько во Владимирѣ [2])“. Это обвиненіе противъ Мономаха было, какъ видно, не безъ основанія, потому что онъ постарался замять дѣло, и Давидъ, вмѣсто наказанія, отдѣлался только потерей одного города, да еще получилъ отъ Олега, Давида и

---

[1]) Ипатс. Лѣт. стр. 171; Лавр. Лѣт. стр. 253.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 172; Лавр. лѣт., стр. 254.

Владиміра денежное вознагражденіе [1]). Такъ умѣлъ дѣйствовать Мономахъ.

Князья двинулись къ Кіеву. Святополкъ хотѣлъ бѣжать, но Кіевляне его не пустили и отправили пословъ къ Владиміру просить о прекращеніи междоусобія. Князья согласились и потребовали только, что-бы Святополкъ лично отправился наказать Давида Игоревича [2]).

Мы не будемъ говорить о тѣхъ междоусобіяхъ, которыя послѣдовали за этимъ: они прошли безъ всякаго вліянія на историческую жизнь Сѣверской земли. Новгородъ-Сѣверскій князь, Олегъ, совершенно не принималъ въ нихъ участія, и только Давидъ Святославичъ сначала учавствовалъ самъ, а потомъ посылалъ своего сына, Николая—Святошу съ ополченіемъ въ помощь Святополку [3]). Только въ концѣ 1097 года и въ началѣ 1098 г. Олегъ принялъ участіе въ двухъ сеймахъ, гдѣ былъ заключенъ окончательный миръ [4]), хотя наказаніе Давида Игоревича совершилось только въ 1100 году на сеймѣ въ Увѣтичахъ. Наступилъ, наконецъ, давно необходимый миръ. Половцы, узнавши о согласіи князей, явились съ просьбою заключить общій мирный договоръ. Ихъ князья и русскіе,—Олегъ, Давидъ, Владиміръ,—съѣхались въ 1101 году у Сакова, и 15-го сентября съ обѣихъ сторонъ были взяты заложники для обезпеченія заключеннаго договора [5]). Явившись на общій миръ съ половцами, Олегъ Святославичъ этимъ началъ свою прежнюю политику. Въ это время Мономахъ задумалъ свои знаменитые походы въ глубь степей. Значеніе ихъ мы уже видѣли, а потому намъ вполнѣ будетъ ясно, почему Олегъ не принималъ въ нихъ участія. Наша лѣтопись, никогда не пропускающая ни одного нападенія Половцевъ, въ промежуткѣ времени между 1101 и 1103 годами не говоритъ о нихъ вовсе, слѣд. нарушать мира съ Половцами не было никакой необходимости.

Когда Мономахъ отправилъ посла къ Святославичамъ съ при-

---

[1]) См. объ этомъ монографію г. Лашнюкова. (Универ. Извѣстія за 1873 г. ноябрь).

[2]) Ипат. Лѣт., стр. 173; Лавр. лѣт., стр. 255.

[3]) Ibidem., стр. 176—9; и стр. 259—262,

[4]) Ibidem. стр. 179; и 262.

[5]) Ипат. Лѣт., стр. 180—181; Лавр. Лѣт. стр. 265.—265.

глашеніемъ учавствовать въ походѣ, „не здоровлю“, отвѣчалъ Олегъ [1]) и остался охранять только свою область. Давидъ не посмѣлъ отказать и послалъ свои ополчанія. Мы не будемъ распространяться ни объ этомъ первомъ походѣ, ни о послѣдующихъ: они общеизвѣстны, а о послѣдствіяхъ ихъ мы уже знаемъ. Почти ни въ одномъ изъ нихъ Олегъ не учавствовалъ. Только въ 1107 году онъ съ прочими князьями двинулся къ Лубнамъ, и они прогнали Половцевъ до Хорола. Старый ханъ половецкій, Шарукань, едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, ханъ, Сугра, былъ взятъ въ плѣнъ.

Припомнимъ, что именемъ этихъ двухъ хановъ назывались два городка въ области Донца. Можетъ быть, этотъ походъ Олега имѣетъ связь съ дѣлами Донецкаго населенія. Мы видимъ, что Олегъ не принимаетъ участія въ походѣ 1111 года, потому что онъ направлялся въ область этихъ городковъ, и что населеніе ихъ неособенно дружелюбно встрѣчаетъ князей. Явившіеся затѣмъ бродники, какъ мы знаемъ, въ 1147 году становятся на сторону сына Олега, Святослава. Кромѣ того этотъ походъ имѣлъ и другой результатъ. Владиміръ и Олегъ женили своихъ сыновей на половецкихъ княжнахъ. Первый за Юрія взялъ Оленеву внуку, второй за святослава—Григореневу внуку. Впослѣдствіи мы видимъ у сѣверскихъ князей крѣпкую связь съ половецкими родственниками: Святославъ Ольговичъ признаетъ своихъ половецкихъ дядей тогда даже, когда самъ сдѣлался новгородсѣверскимъ княземъ. А такъ какъ Половцы дѣлились на много племенъ, то имѣть между ними друзей было очень важно. Ни одно нападеніе Половцевъ не проходило безъ наказанія со стороны сѣверскихъ князей. Такъ, когда Половцы въ 1113 году явились у Выря, Олегъ тотчасъ-же соединился съ Владиміромъ, и Половцы были прогнаны [2]).

Этимъ заканчивается дѣятельность Олега. Въ 1115 году онъ еще учавствовалъ въ перенесеніи мощей с. с. Бориса и Глѣба, а въ августѣ этого года онъ умеръ и былъ похороненъ въ Черниговѣ, въ Спасскомъ соборѣ, рядомъ съ своимъ отцемъ, Святославомъ [3]).

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 183; Лавр. лѣт. стр. 267.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 198.

[3]) О днѣ его смерти существуетъ разногласіе: Ипат. лѣтопись относитъ его смерть къ 1 августа; Лавр. лѣтопись—къ 8-му, а Воскресенская—къ 18-му. Татищевъ въ своей исторіи принимаетъ 18 августа.

Съ его смертью не было ни одного князя, который-бы могъ стать противъ Мономаха. Сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, онъ теперь свободно управляетъ князьями по своему усмотрѣнію. Идея Великаго князя, какъ старшаго брата—руководителя, должна была уже давно исчезнуть; Мономахъ началъ осуществлять новую идею великокняжеской власти въ духѣ московскаго періода, когда всѣ князья были не болѣе, какъ подручники одного, не идею федераціи, а централизаціи. Дѣйствительно, кто были московскіе князья, какъ не преемники суздальскихъ; а послѣдніе по крови—внуки и правнуки Мономаха.

Только одни черниго-сѣверскіе князья могли-бы бороться съ Мономахомъ, но Давидъ, не выказавшій себя энергичнымъ при Олегѣ, тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ дѣйствовать одинъ, лично. Его слабохарактерности обязанъ былъ Олегъ потерей Новгорода. Татищевъ прямо говоритъ, что Давидъ позволилъ Мономаху вывести себя изъ Новгорода и посадить въ Смоленскѣ и опомнился уже тогда, когда въ Новгородѣ явился Мстиславъ [1]). Въ то же время онъ отдѣльно отъ Олега заключилъ съ Владиміромъ миръ. Послѣ раздѣленія на два княжества онъ выказалъ еще болѣе свою простоту, допустивъ Мономаха построить на Деснѣ городъ Остеръ [2]) и тѣмъ окончательно закрѣпить за Кіевомъ нижнее теченіе этой главной въ Сѣверской области рѣки.

Вся его внѣшняя дѣятельность проходитъ въ подчиненіи Мономаху и въ исполненіи его приказаній. Онъ то ходитъ съ нимъ на полоцкаго князя, Глѣба [3]), то посылаетъ сына на Половцевъ [4]). Если въ послѣднемъ фактѣ является еще обще—русскій интересъ, то его нѣтъ въ первомъ: Глѣбъ былъ не болѣе, какъ такой-же врагъ личнымъ стремленіямъ Мономаха, какъ и Олегъ.

Сдѣлавшись Черниговскимъ княземъ, Давидъ обратился къ набожности, памятникомъ которой остался намъ Борисо-Глѣбскій соборъ, построенный имъ не за долго до смерти [5]). Одинъ изъ проповѣдниковъ того времени оставилъ намъ характиристику этого князья, которая

---

[1]) Татищевъ. подъ 1196 г. т. II.
[2]) Ипат. лѣт. стр. 179.
[3]) Ипат. лѣт. стр. 203.
[4]) Ibidem. стр. 204.
[5]) Филаретъ. Рус. Святые. Августъ, стр. 21.

вполнѣ объясняетъ всю его историческую дѣятельность: „Давидъ Святославичъ ни съ кѣмъ не заводилъ вражды, всякую вражду останавливалъ, *несправедливости по отношенію къ себѣ переносилъ*; не измѣнялъ слову, ни кого не обижалъ, ни кому не дѣлалъ зла[1])“.

Онъ умеръ въ 1123 году. Мѣсто его занялъ муромскій князь, Ярославъ Святославичъ[2]).

Смертью Давида закончилась эпоха борьбы Сѣверской земли за свою независимость. Явились новые двигатели, вытекшіе изъ только что разсказанныхъ событій, которые дали характеръ новой эпохи.

VII.

Всеволодъ Ольговичъ.

1127—1146 года.

Весь предъидущій періодъ нашей исторіи былъ періодомъ торжества Кіева надъ Черниговомъ: черниговскій князь, Олегъ, призывался на судъ Кіева; онъ былъ побѣжденъ Мономахомъ, котораго цѣль была возвѣсти Кіевъ на высоту главнаго города всей Руси. Черниговскіе князья повинуются Мономаху безпрекословно и имѣютъ видъ подручниковъ. Въ пользу Кіева урѣзывается Сѣверянская территорія, отнимается Новгородъ. Осуществляя свои личные интересы, Мономахъ соединялъ ихъ съ интересами Кіева. Самымъ сильнымъ соперникамъ Кіева былъ Черниговъ, интересы котораго защищалъ Олегъ. Пріемники Олега являлись также энергическими защитниками Сѣверской земли противъ притязаній Кіева. Вотъ почему съ этого періода для кіевлянина черниговцы и Ольговичи сдѣлались одинаково ненавистными синонимами.

Когда умеръ Святополкъ, кіевляне призвали Мономаха. Иначе и быть не могло. Еще при жизни Святополка Изяславича всѣми дѣлами Руси заправлялъ Мономахъ, а Изяславичи занимались только грабежемъ и насиліемъ народа. Поэтому они потеряли любовь кіевлянъ. Ольговичи не могли быть въ Кіевѣ, потому что это значило подчинить

---

[1]) Русскіе Святые. Августъ, стр. 22.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 206; Лавр. лѣт. стр. 278.

опять Кіевъ вліянію Черниговa. Оставался одинъ Мономахъ. Между кіевскими боярами были сторонники Ольговичей, между которыми извѣстенъ Путята [1]); но подъ вліяніемъ недавней борьбы съ Черниговомъ, партія, противная ему, была гораздо сильнѣе. Она ограбила дворъ Путяты [2]) и призвала Мономаха.

Вслѣдъ за этимъ періодомъ торжества Кіева необходимо должно было послѣдовать стремленіе Чернигова унизить Кіевъ; Ольговичи, личные враги Мономаховичей, могли бить орудіемъ этого стремленія, Этимъ характеризуется время княженія Всеволода Ольговича.

Когда въ 1123 году Ярославъ Святославичъ занялъ послѣ брата черниговскій престолъ, то Муромская земля была отдана сыновьямъ Давида, изъ которыхъ старшій, Всеволадъ Давидовичъ, и княжилъ въ Муромѣ [3]).

Но Ярославъ Святославичъ, не любимый черниговцами, какъ человѣкъ неэнергичный, бывшій причиной пораженія Олега, не могъ надѣятся на прочность своей власти. Не имѣя силъ самъ лично обезопасить себя на черниговскомъ столѣ, онъ вошелъ въ сношеніе съ Мстиславомъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха, который былъ тогда великимъ князьемъ, и заключилъ съ нимъ условіе помогать ему въ случаѣ опасности [4]). Вѣроятно, этотъ договоръ не остался тайнымъ для черниговцевъ, которые еще болѣе должны были сдѣлаться враждебными своему князю. Всё это повело къ тому, что въ 1128 году Всеволодъ Ольговичъ неожиданно явился въ Черниговѣ, перебилъ дружину Ярослава, а самаго его захватилъ въ свои руки [5]). „Такая удача Всеволода, говоритъ г. Лашнюковъ, объясняется сочувствіемъ къ нему черниговскихъ гражданъ, которые, можетъ быть, тяготились княженіемъ невоинственнаго Ярослава [6])“.

Согласно уговору, Мстиславъ съ братомъ, Ярополкомъ, двинулись къ Чернигову. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ Ольговичъ послалъ за Половцами. Они не замедлили явиться, остановились на границѣ Сѣ-

---

[1]) Татищевъ, т. II, стр. 212.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипат. Лѣт. стр. 207.

[4]) Это выяснилось въ 1128 году.

[5]) Ипат. Лѣт. стр. 209.

[6]) Универ. Извѣстіе. 1873 г. Ноябрь.

верской области, у Выря и послали къ Всеволоду пословъ. Но они не успѣли достигнуть своей цѣли и были перехвачены Ярополкомъ. Какъ видно послѣдній успѣлъ уже захватить Курскъ и всё Посемье[1]). Половцы бѣжали назадъ. Тогда Мстиславъ осадилъ Черниговъ и сталъ настойчиво требовать возвращенія стола Ярославу. Всеволодъ отпустилъ его въ Муромъ и сталъ вести переговоры, льстя Мстиславу, посылая подарки его боярамъ. Благодаря этому, дѣло протянулось всё лѣто. Тогда Ярославъ явился самъ къ Мстиславу и напомнилъ о договорѣ. „Ты мнѣ крестъ цѣловалъ“, говорилъ онъ Мстиславу. Но и Всеволодъ удвоилъ свои искательства[2]). Между тѣмъ Мстиславу самому было необходимо оставить Всеволода на черниговскомъ столѣ. Дѣло объясняется просто.

По праву старшинства великокняжескій престолъ долженъ былъ занимать только старшій въ княжескомъ родѣ, и никакимъ образомъ князь, занимавшій кіевскій столъ, не могъ передавать его своему сыну, потому что въ такомъ случаѣ великокняжеская власть становилась уже наслѣдственною въ одномъ семействѣ, что̀ было-бы непріятно для остальныхъ членовъ рода. Между тѣмъ Мономахъ отдалъ кіевскій столъ своему сыну Мстиславу, не обратившись за согласіемъ къ остальнымъ князьямъ: стать противъ него никто не могъ. Этимъ нарушался старый порядокъ старшинства, и всякій князь могъ передать свой столъ сыну. Теперь припомнимъ, что старшій изъ Святославичей былъ Олегъ, а не Давидъ, слѣд. ему принадлежало право владѣть Черниговомъ. Захватъ Всеволодомъ Чернигова дѣлается правильнымъ, потому что послѣдній долженъ былъ перейти къ ему отъ Олега. Вотъ почему Мстиславъ не принялъ стороны Ярослава: вѣроятно, въ переговорахъ подобныя соображенія были высказаны черниговцами. Нужно было только снять клятву, данную Ярославу,—это сдѣлалъ соборъ духовенства. Мстиславъ отступилъ въ Кіевъ, Ярославъ отправился въ Муромъ[3]).

Занявши черниговскій столъ, Всеволодъ Ольговичъ отдалъ Нов-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 209. Лаврент. лѣт. относитъ этотъ фактъ къ 1127 г. То-же самое мы находимъ въ Воскрес. лѣтописи и у Татищева. Но вообще, мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ скорѣе можно склониться на сторону Ипатской лѣтописи, которая подробнѣе говоритъ о событіяхъ.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 210; Лавр. лѣт. стр. 282.

городскѣверскій удѣлъ Давидовичамъ [1]), а братья его, вѣроятно, получили города въ Черниговскомъ удѣлѣ. Нѣсколько времени продолжалось спокойствіе. Всеволодъ учавствуетъ въ походахъ Мстислава противъ Полоцка [2]) и противъ Литвы. Такъ продолжалось до 1135 года.

Въ это время на кіевскомъ столѣ уже не было Мстислава, а сидѣлъ братъ его, Ярополкъ.

Въ этомъ году Юрій, князь суздальскій, предложилъ Ярополку сдѣлать обмѣнъ волостей: чтобы онъ далъ ему Переяславль, а Юрій уступалъ ему Ростовъ, Суздаль съ ихъ областями, удерживая себѣ только часть своей волости. Предъ этимъ въ Переяславлѣ сидѣли сыновья умершаго Мстислава, которые теперь оставались безъ удѣловъ. Лишившись Переяславля, они обратились къ Всеволоду Ольговичу съ просьбой возстановить ихъ права. Черниговскій князь, ожидавшій только удобнаго случая вмѣшаться въ дѣла Мономаховичей, принялъ предложеніе [3]). Дѣло Мстиславичей являлось здѣсь какъ предлогъ: Ольговичи, кромѣ желанія ослабить Мономаховичей, имѣли цѣлью возвращеніе Курска, который вторично былъ присоединенъ къ Переяславлю съ 1128 года.

Не успѣли Ольговичи заявить протеста, какъ уже Ярополкъ и Юрій явились у Чернигова и захватили окружныя села. Всеволодъ вышелъ имъ на встрѣчу, но не вступалъ въ битву, выжидая Половцевъ. Ярополкъ въ своей стороны не рѣшился начать первый: враги разошлись, не разрѣшивши спорнаго вопроса. Однако Всеволодъ Ольговичъ не оставилъ начатаго дѣла. Дождавшись Половцевъ, онъ съ своими братьями и двумя Мстиславичами двинулся на Переяславскую область, опустошая и сожигая все кругомъ. Подошедши, наконецъ, къ Кіеву, они сожгли Городецъ, перебили много жителей, не успѣвшихъ спастись на другой берегъ Днѣпра вслѣдствіи ледохода, и вернулись въ Черниговъ. Сдѣлавши такое предисловіе, они отправили пословъ къ Ярополку заключать миръ. Между прочимъ они говорили: „мы просимъ того, чѣмъ владѣлъ нашъ отецъ при вашемъ отцѣ; если-же вы не

---

[1]) Татищевъ, т. II, стр. 235.

[2]) Ипат. лѣт стр. 210; Лавр. лѣт. стр. 283.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 212.

[4]) Ипат. лѣт. стр, 213; Лавр. лѣт. стр. 287.

отдадите намъ этого, то послѣ не жалѣйте: вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь [1])".

Ярополкъ рѣшилъ раздѣлить силы враговъ. Онъ удовлетворилъ требованія Мстиславичей и тѣмъ хотѣлъ ослабить Ольговичей. Но послѣдніе не отказались отъ своей цѣли. Въ 1136 году они явились подъ Переяславлемъ. Ярополкъ поспѣшилъ на выручку брата. Тогда Ольговичи отступили къ верховьямъ рѣки Супоя и стали его тутъ ожидать.

8-го августа произошла битва, въ которой Ольговичи остались полными побѣдителями: много пало враговъ, много кіевскихъ бояръ попало въ руки Ольговичей. Ярополкъ бѣжалъ въ Кіевъ. Всеволодъ Ольговичъ быстро двинулся за нимъ, перешелъ Десну и сталъ у Вышгорода. Семь дней шли переговоры. Ярополкъ не уступалъ. Всеволодъ Ольговичъ отправился въ Черниговъ, но 29-го декабря онъ былъ уже вмѣстѣ съ Половцами на другой сторонѣ Днѣпра, грабя и опустошая окрестности на большомъ пространствѣ. Войска Всеволода подходили къ Кіеву и чрезъ Лыбедь перестрѣливались съ кіевлянами. Наконецъ 12 января заключенъ былъ миръ, и Ольговичи получили требуемое [2]).

Между тѣмъ прочный союзъ кіевскаго и суздальскаго князей былъ непріятенъ Новгороду, какъ и Ольговичамъ. Если мы взглянемъ нѣсколько впередъ, то замѣтимъ, что прежде всего Новгороду пришлось вести борьбу за свою самостоятельность съ суздальскими князьями, а начало ея относится къ описываемому нами времени. Поэтому, когда началась борьба у Ольговичей съ Мономаховичами, новгородцы стали требовать у своего князя, Всеволода Мстиславича, чтобы онъ двинулся на Суздаль. Напрасно кіевскій митрополитъ послалъ на нихъ отлученіе отъ церкви и, наконецъ, явился самъ въ Новгородъ, новгородцы продолжали приготовляться походу, бранили суздальцевъ и ростовцевъ задержали митрополита, боясь, что онъ увѣдомитъ суздальскаго князя о дѣлахъ въ Новгородѣ. Но въ своихъ сборахъ новгородцы унустили время и только въ 1137 году двинулись на Суздаль. Битва произошла на Ждановой горѣ, и Юрій одержалъ полную побѣду. Первый бѣжалъ Всеволодъ Мстиславичъ, который затѣмъ сталъ уговаривать новгородцевъ отстать отъ союза съ Ольговичами. Это окончательно повредило

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 213; Лавр. лѣт. стр. 287—8.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 214—215; Лавр. лѣт. стр. 288—9.

партіи Мстиславичей. Узнавъ о побѣдѣ Ольговичей надъ Мономаховичами, партія ихъ заставила обвинить Всеволода Мстиславича въ неудачѣ. Онъ ходѣлъ было бѣжать, но новгородцы посадили его подъ стражу со всѣмъ семействомъ.

Вся исторія Новгорода прошла въ междоусобной борьбѣ двухъ его половинъ: бояръ и смердовъ или людей богатыхъ и народа. Понятно, когда сидѣлъ князь боярской партіи, то смердамъ приходилось очень плохо, но за то соблюдались выгоды богатыхъ людей. Какая-же изъ этихъ двухъ партій была на сторонѣ Ольговичей? Вотъ въ чемъ Новгородцы обвиняли своего князя: 1) „почто не блюде черныхъ людей, 2) почто восхотѣ сѣсти въ Переяславли, 3) почто захотѣ ити на Суждальцы и Ростовцы, и, пошедъ, почто не крѣпко бися и почто напередъ всѣхъ побѣжалъ, 4) почто возлюби играти и утѣшатися, а людей не управляти, 5) почто ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше и не управляше и 6) почто повелѣ намъ ко Всеволоду Ольговичу преступити, и паки отступить отъ него велитъ [1])“.

Таково было обвиненіе противъ Всеволода Мстиславича. Изъ этого акта можно видѣть распредѣленіе новгородскихъ партій между княжескими родами.

Новгородцы тотчасъ-же послали за Святославомъ Ольговичемъ въ Черниговъ. Но боярская партія рѣшилась силой противодѣйствовать его приходу. Когда онъ явился въ Новгородъ приверженцы враждебной партіи стрѣляли въ него, но безуспѣшно. Тогда народъ сбросилъ съ моста Юрія Жирославича, сторонника Мстиславичей [2]), затѣмъ убилъ своего посадника, Якуна Миколковича, и избралъ на его мѣсто сторонника Ольговичей, Иванку Павловича [3]).

Понятно, что теперь боярская партія должна была ожидать для себя всего худаго и потому старалась избавиться поскорѣй отъ Святослава. Въ этомъ сй помогло одно сильное обстоятельство. У Новгорода, не смотря на его богатство и торговлю, была одна очень слабая сторона, о чемъ мы уже говорили въ нашемъ очеркѣ торговли, это—недостатокъ своего хлѣба, ставившій новгородцевъ въ зависимость

---

[1]) Никон. лѣт., стр. 69 и далѣе.

[2]) Соловьевъ, II т, стр. 107 и д.

[3]) Никон. лѣт. стр. 68—70.

отъ дѣлъ юга. Вотъ почему они въ 1135 году прислали въ Кіевъ мирить Мономаховичей и Ольговичей, но не имѣли успѣха [1]). У князей Мономахова дома, а слѣдовательно и у боярской партіи, это обстоятельство служило сильнымъ орудіемъ противъ Новгорода: лишь только въ немъ начиналось движеніе, опасное для ихъ интересовъ, они запрещали вести хлѣбъ изъ ихъ областей и задерживали идущій изъ Сѣверской земли. Такъ случилось и теперь. Торговля съ Кіевомъ, Суздалемъ, Смоленскомъ и Полоцкомъ прекратилась [2]).

Если перерывъ торговли вредно отзывался на интересахъ зажиточныхъ людей, то тѣмъ бо́льшей тягостью ложился недостатокъ хлѣба на бѣдняковъ. Какъ ни сильна была народная партія, но она невольно, силой обстоятельствъ, принуждалась уступать и давала надъ собою власть боярамъ.

Святославъ, какъ видно, энергически принялся за послѣднихъ, потому что сторонники этой партіи, Константинъ Иванковъ и Дашко Якшицъ бѣжали къ Всеволоду Мстиславичу и звали его отъ имени всего Новгорода. Тогда Святославъ Ольговичъ многихъ арестовалъ и казнилъ. Между тѣмъ Псковъ, младшій братъ Новгорода, принялъ къ себѣ Всеволода. Это побудило Святослава покончить съ нимъ. Онъ собралъ силы всей Новгородской волости, призвалъ брата, Глѣба, изъ Курска съ ополченіемъ, нанялъ Половцевъ и осадилъ Псковъ. Но Псковичи крѣпко защищались, и Святославъ безъ успѣха вернулся въ Новгородъ [3]). Эта неудача повредила ему. Новгородцы въ принятіи Псковомъ Всеволода видѣли стремленіе своего младшаго брата къ самостоятельности, и потому въ неудачѣ Святослава они увидѣли неумѣнье защитить интересы Новгорода. Къ этому присоединилось прекращеніе подвоза хлѣба, и народная партія должна была уступить боярской, которая, выгнавши Святослава, призвала къ себѣ Ростислава Юрьевича [4]).

Выгнанный Святославъ отправился домой, но на пути былъ принятъ Смольнянами [5]). Всё это дѣло Святославъ Ольговичъ велъ силами

---

[1]) Соловьевъ, т. II, стр. 107 и д.

[2]) Ibid., стр. 110

[3]) Никон. лѣт. т. II, стр. 72—3.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 216; Лавр. лѣт. стр. 290.

[5]) Ibidem.

своего удѣла, безъ всякой помощи со стороны черниговскаго князя. Очевидно, послѣ недавней борьбы изъ-за Курска Черпигову надо было воспользоваться миромъ, чтобы собраться съ силами. Вотъ почему, когда Всеволодъ Ольговичъ въ 1138 году, узнавъ о новгородскихъ дѣлахъ, двинулся было на Переяславское княжество, а Ярополкъ осадилъ Черниговъ, черниговцы прямо сказали своему князю: „ты надѣешься на Половцевъ, а волость свою губишь. Куда это ты дѣло ведешь? Брось свои хитрости и проси мира“! Миръ былъ заключенъ [1]). Ольговичи на время отказались отъ Новгорода; къ этому-же времени относится и смерть Глѣба Ольговича, ходившаго къ Святославу на помощь въ Новгородъ [2]). Теперь, когда была собрана вся Сѣверская земля подъ властью своихъ князей, должны были повидимому прекратиться всѣ неурядицы между Ольговичами и Мономаховичами. Въ словахъ черниговцевъ видно желаніе отказаться отъ прежней политики, отъ борьбы съ Кіевомъ, обратить вниманіе на устройство своей области, на ея безопасность. Но въ это время на черниговскомъ столѣ былъ князь, мало думавшій объ интересахъ своей области и болѣе преслѣдовавшій свои личныя цѣли. Онъ задумалъ громадный планъ—сдѣлаться великимъ княземъ и заставить Мономаховичей помѣняться ролями съ Ольговичами. Обстоятельства сами благопріятствовали ему.

Въ 1138 году умеръ кіевскій князь, Ярополкъ. Всеволодъ Ольговичъ собравши небольшую дружину, съ братомъ, Святославомъ, и Владиміромъ Давидовичемъ, быстро двинулся къ Вышгороду. Вячеславъ, сидѣвшій въ Кіевѣ послѣ своего брата, Ярополка, добровольно уступилъ Всеволоду и отправился въ Переяславль. 5-го марта Всеволодъ Ольговичъ съ честію и славою великою, по выраженію лѣтописи, вступилъ въ Кіевъ [3]). Желая привлечь на свою сторону кіевлянъ, онъ устроилъ пиръ для князей, бояръ и народа, поставивъ по улицамъ столы съ виномъ, медомъ и съѣстными припасами [4]).

Такъ началось дѣло, имѣвшее самые плачевные результаты. Еще

---

[1]) Ibidem.

[2]) Татищевъ II т. стр. 259.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 217.

[4]) Никон. лѣт. стр. 78. Слава и честь, которой удостоился Всеволодъ, конечно, была ему оказана не со стороны всѣхъ кіевлянъ, а по своей вѣроятности, тутъ опять была интрига черниговской партіи.

раньше, чѣмъ начать осуществленіе своего плана, Всеволодъ долженъ былъ склонить на свою сторону князей новгородсѣверскихъ, безъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ бороться противъ соединенныхъ силъ Мономаховичей. Для этого онъ обѣщаетъ отдать Черниговъ Игорю Ольговичу [1]), но такое-же обѣщаніе даетъ и Давидовичамъ. Святославу Ольговичу Всеволодъ оставлялъ Курскъ [2]). Но мало этого. Онъ обѣщаетъ Игорю еще и Переяславль [3]), который служилъ кандидатурой на кіевскій столъ. Такимъ образомъ менѣе истощенныя борьбою области—Новгородъ-Сѣверская и Вятическая оставались за нимъ.

Сдѣлавшись кіевскій княземъ, Всеволодъ позаботился утвердиться на кіевскомъ столѣ. Опасаясь своихъ энергическихъ братьевъ болѣе даже, чѣмъ Мстиславичей, онъ перессорилъ ихъ съ Давидовичами, отдавъ послѣднимъ Черниговъ [4]). Какъ въ противовѣсъ имъ онъ еще раньше снесся съ Изяславомъ Мстиславичемъ и обѣщаніемъ ему покровительства противъ его дядей привлекъ на свою сторону [5]). Завязавши такимъ образомъ интригу, онъ принялся за выполненіе своей цѣли. Но оказалось, что на первыхъ-же порахъ онъ ошибся: Мстиславичи отказались ему повиноваться и приготовлялись выгнать изъ Кіева [6]). Ни Андрей ни Вячеславъ Владиміровичи, сидѣвшіе, одинъ въ Переяславлѣ, другой въ Туровѣ, не думали уступать своихъ волостей Всеволоду [7]). Тогда онъ рѣшился начать борьбу со всѣми Мономаховичами за одинъ разъ. Онъ вошелъ въ союзъ съ галицкими князьями, Иваномъ Васильковичемъ и Владиміркомъ Володаревичемъ, и двинулъ Половцевъ [8]). Въ размѣщеніи союзническихъ силъ, собранныхъ Всеволодомъ Ольговичемъ, видно съ его стороны пониманіе интересовъ каждаго изъ союзниковъ: сосредоточеніе Владиміро-Волынской области въ однихъ рукахъ и союзъ сосѣднихъ съ Галичемъ Мономаховичей былъ опасенъ для галицкихъ князей поэтому Всеволодъ могъ поручить имъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 217.
[2]) Татищевъ т. II, стр. 259.
[3]) Ibidem.
[4]) Ипат. лѣт. стр. 217.
[5]) Татищевъ II т. стр. 259.
[6]) Ипат. лѣт. стр. 218
[7]) Ипат. лѣт. стр. 217—18
[8]) Ibidem стр. 218.

заняться Владиміромъ-Волынскимъ и Туровомъ, а Ольговичей онъ повелъ на Переяславль, потому что они были заинтересованы въ его взятіи.

Не смотря на большія силы, двинутыя Всеволодомъ, Андрей отказался перемѣнить Переяславль на Курскъ, говоря, что отецъ его сидѣлъ не въ Курскѣ, а Переяславлѣ, что только съ его смертью Всеволодъ достигнетъ своей цѣли. Походъ этотъ кончился неудачей [1]), и Мономаховичи остались при своихъ областяхъ. Пришлось уступить тѣмъ болѣе, что Всеволоду было необходимо привлечь на свою сторону Мстиславичей, такъ какъ, говоритъ лѣтопись, ему безъ нихъ нельзя было обойтись. Дѣйствительно, когда предложеніемъ Андрею отправиться въ Курскъ выяснился планъ Всеволода, его братья совершенно стали противъ него, что̀ выразилось требованіемъ отъ Всеволода тѣхъ Сѣверскихъ областей, которыя онъ еще удерживалъ за собою.

Обстоятельства запутались еще болѣе, когда новгородцы выгнали отъ себя Ростислава Юрьевича и снова призвали Святослава Ольговича [2]). Повидимому, это было къ лучшему для Всеволода, такъ какъ онъ избавлялся отъ притязаній одного изъ братьевъ, но спокойствіе въ Новгородѣ продолжалось недолго: вскорѣ новгородцы стали волноваться противъ Святослава за суровое обращеніе [3]). Вѣроятно, онъ ужь черезчуръ энергически сталъ расправляться съ враждебной партіей. Утомившись въ борьбѣ, Святославъ отправилъ къ брату сказать: „тягота, братецъ, быть у этихъ людей. Не хочу я у нихъ оставаться; пошли, кого хочешь“! Тогда Всеволодъ потребовалъ у новгородскаго вѣча людей для переговоровъ. Между тѣмъ новгородцы принялись на вѣчѣ избивать сторонниковъ Святослава. Къ нему явился тысяцкій, его кумъ, и предупредилъ, что его хотятъ схватить. Услышавъ это, Святославъ не сталъ дожидаться отвѣта отъ брата и бѣжалъ изъ Новгорода [4]) въ Курскъ [5]). Между тѣмъ Всеволодъ, не смотря на просьбы

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 218—219.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 220; Лавр. лѣт. стр. 292.

[3]) Ibidem.

[4]) Ididem.

[5]) Ипат. Лѣт. стр. 221. Лѣтопись говоритъ, что Святославъ Ольговичъ сидѣлъ и въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Этого извѣстія нѣтъ ни въ Лавр. лѣтописи, ни въ Воскресенской. Едва-ли это было въ дѣйствительности такъ,

новгородцевъ, не отпускалъ къ нимъ ни сына, ни присланныхъ людей. Тогда Новгородъ прислалъ новыхъ пословъ и даже епископа съ требованіемъ пустить къ нимъ Святослава Всеволодовича. Всеволодъ согласился. Но лишь только послы съ своимъ новымъ княземъ достигли Чернигова, какъ изъ Новгорода пришло новое рѣшеніе: „не хотимъ мы ни сына твоего, ни брата, не хотимъ никого изъ вашего рода, хотимъ изъ племени Владиміра". Всеволодъ воротилъ посольство изъ Чернигова и на просьбу новгородцевъ—дать имъ Святополка Мстиславича—отвѣчалъ тѣмъ, что засадилъ ихъ пословъ въ тюрьму [1]). Далѣе. Онъ призвалъ къ себѣ Мстиславичей, отдалъ имъ Берестье и запретилъ имѣть виды на Новгородъ: „пусть они сидятъ себѣ сами, пусть сами гдѣ—нибудь князя отыщутъ"! говорилъ онъ [2]).

Не трудно понять такія быстрыя перемѣны въ требованіяхъ новгородцевъ. Главныхъ партій въ немъ было, какъ мы видѣли, двѣ, но обѣ онѣ сходились въ одномъ—въ стремленіи къ независимости Новгорода. Призывали-ли новгородцы Ольговича, или Юрьевича, независимость Новгорода оставалась не тронутой, хотя-бы одна изъ партій брала верхъ, потому что областные князья, посылая имъ своихъ сыновей или братьевъ, сами не могли изъявлять притязаній на зависимость отъ нихъ Новгорода. Другое дѣло, если они брали себѣ сына кіевскаго князя. Кіевъ, имѣвшій право требовать себѣ подчиненія, какъ главный городъ Руси, тѣмъ болѣе могъ проводить эту идею, когда въ Новгородѣ сидѣлъ сынъ великаго князя. Только при большомъ довѣріи къ личности, сидѣвшей въ Кіевѣ, или, когда князь обставлялъ дѣло искусной комбинаціей интересовъ, новгородцы рѣшались брать себѣ его сыновей. Вотъ почему Новгородъ только въ первую минуту, во время борьбы двухъ партій, обратился къ Всеволоду, но лишь только волненіе нѣсколько улеглось, новгородцы повернули дѣло назадъ и рѣшили взять себѣ слабыхъ въ данное время Мстиславичей. Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ поставить теперь Новгородъ въ необходимость просить себѣ князя у того, кто былъ въ Кіевѣ, и его планъ,

---

потому что нѣсколько времени спустя Ольговичи требуютъ себѣ у Всеволода областей Вятической и Новгородской. Понятно, что подъ послѣдней нельзя разумѣть области В. Новгорода.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 220; Воскрес. лѣт. ч. I, стр. 33.

[2]) Ibidem.

можетъ быть, удался-бы, если-бы у новгородцевъ не было сосѣда, Юрія Долгорукаго, который былъ очень опасенъ для нихъ по силѣ своего удѣла. Видно, что и въ данномъ случаѣ не обошлось безъ его вліянія, такъ какъ повредить политикѣ Всеволода заставлялъ его прямой интересъ. Дѣйствительно, въ 1141 году Новгородцы взяли къ себѣ Ростислава Юрьевича.

Когда вѣсть объ этомъ дошла до Всеволода, онъ тотчасъ занялъ Остёръ [1]), а Игорь Ольговичъ взялъ нѣсколько другихъ Юрьевыхъ городовъ, при чемъ ему досталось много скота и имущества [2]). Однако всё это не повело ни къ чему, и Юрій Долгорукій всё таки держалъ Новгородъ. Тогда Всеволодъ повелъ дѣло другимъ путемъ. Онъ снесся съ новгородцами, обѣщая послать къ нимъ Святополка Мстиславича, того самаго, котораго они недавно такъ добивались; но только дѣло теперь имѣло совершенно другой видъ. Теперь не новгородцы требовали себѣ князя, а Всеволодъ давалъ имъ его, теперь сами Мстиславичи просили объ этомъ Всеволода чрезъ свою сестру [3]). Такимъ образомъ авторитетъ Всеволода вполнѣ соблюдался, и, кромѣ того, онъ привязывалъ къ себѣ Мстиславичей и удерживалъ Новгородъ.

Повидимому Всеволодъ, благодаря своей искусной политикѣ, прочно утвердился на кіевскомъ столѣ. Въ 1142 году онъ даже отдаетъ Туровъ своему сыну, Святославу [4]). Если мы обратимъ вниманіе на перемѣщенія князей изъ одного города въ другой за это время, то замѣтимъ, что главную роль по отношенію къ кіевскому столу играли Переяславль, Туровъ и Владиміръ-Волынскій: обыкновенно изъ этихъ трехъ городовъ князья получали и кіевскій столъ. Разъ давши Святославу Туровъ, Всеволодъ путемъ различныхъ новыхъ перемѣщеній могъ довести его до Кіева, передать ему его послѣ своей смерти.

Братья Всеволода должно быть поняли стремленія своего брата и, вслѣдъ за помѣщеніемъ Святослава въ Туровѣ, стали требовать отъ кіевскаго князя тѣхъ областей, которыми онъ еще владѣлъ въ Сѣверской землѣ. Еще раньше, когда прогнанный изъ Новгорода Святославъ бѣжалъ въ Курскъ и былъ въ Стародубѣ, Всеволодъ думалъ воспользо-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 221.

[2]) Никон. лѣт. ч. I стр. 83.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 221—2.

[4]) Ibidem.

ваться случаемъ и звалъ его себѣ въ Кіевъ для переговоровъ о волостяхъ, но Святославъ не поѣхалъ. Всеволодъ давалъ ему Бѣлгородъ, желая отдѣлить отъ брата, но Святославъ не согласился и на это [1]). Теперь Всеволодъ позвалъ ихъ къ себѣ. Святославъ Ольговичъ, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи стали въ селѣ Ольжичахъ, а Игорь Ольговичъ сталъ у Городца. Начались переговоры. Всеволодъ давалъ каждому изъ нихъ по городу: Берестье, Дорогочинъ, Черторыйскъ и Клецкъ, но Вятичей не уступалъ. Ольговичи и Давидовичи заключили союзъ и цѣловали крестъ, что имъ не оставлять своихъ требованій и не отступать другъ отъ друга [2]). Давая братьямъ города въ Кіевской области, далеко находившіеся отъ ихъ областей, Всеволодъ не давалъ имъ усилиться и всегда могъ держать въ своей власти. Съ другой стороны Ольговичи хорошо знали „divide et impera“ своего братца и поэтому потребовали отъ Давидовичей клятвы не покидать другъ-друга,

Среди переговоровъ Всеволодъ звалъ ихъ обѣдать, но братья почему-то не поѣхали, а прямо сказали, что они Кіевской волости не хотятъ, а требуетъ Черниговской и Новгородской. Всеволодъ опять предлагалъ имъ тѣ-же четыре города. Тогда Ольговичи объявили, что сами поищутъ себѣ своихъ волостей и напали на Переяславскую область. Кіевскій князь отправилъ на помощь Вячеславу съ Печенѣгами и ополченіемъ одного изъ своихъ бояръ; Изяславъ Мстиславичъ въ свою очередь явился на защиту Переяславля, и общими силами имъ удалось прогнать Давидовичей и Ольговичей. Въ то-же время Ростиславъ изъ Смоленска напалъ на Гомель и его область, а Изяславъ Мстиславичъ, узнавъ о движеніи своего брата, вошелъ въ Сѣверскую землю со стороны Переяславля и разорилъ села по Деснѣ и окрестности Чернигова [3]). Но Ольговичи рѣшили не оставлять дѣла и снова явились подъ Переяславлемъ. Тогда Всеволодъ послалъ къ нимъ брата, Святошу [4]), прося не продолжать борьбы, а взять то, что онъ имъ давалъ. Давидовичи и Ольговичи принуждены были согласиться и, по приглашенію Всеволода, явились въ Кіевъ [5]). Но и тутъ Всеволодъ Ольговичъ не довѣрился

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 221.

[2]) Ibidem, стр. 222.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 222—3.

[4]) Это сынъ Давида, постригшійся въ Кіево-печерской Лаврѣ въ 1106 году. (Ипат. лѣт. стр. 186).

[5]) Ibidem, стр. 223.

братьямъ: ему очень неправилось единодушіе Ольговичей съ Давидовичами; и вотъ онъ посылаетъ къ послѣднимъ съ предложеніемъ: „отступитесь вы отъ моихъ братьевъ, а я васъ надѣлю“! Давидовичи согласились и измѣнили своему крестному цѣлованію. Теперь Всеволоду уже легко было отдѣлаться отъ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ: Давидовичамъ онъ даетъ Дрогочинъ и Берестье въ Кіевской области и Ормину съ Вщижемъ на границѣ области Вятичей [1]); Святославу далъ Клеческъ и Черторыйскъ, а Игорю—Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ [2]). Мы видимъ, что Ольговичи не получили отъ Всеволода ни одного города въ Сѣверской землѣ, за исключеніемъ Рогачева и такимъ образомъ не получали никакой силы, никакого вліянія, которое могло-бы быть опасно для Всеволода. Вщижъ и Ормина, отданные Давидовичамъ какъ-бы заслоняли область Вятичей отъ случайныхъ притязаній Игоря и Святослава.

Покончивши дѣла съ братьями, Всеволодъ обратился къ своимъ планамъ въ Кіевской области. Онъ съ согласія Вячеслава, сидѣвшаго въ Переяславлѣ, отдаетъ этотъ городъ Изяславу Мстиславичу, Вячеславъ идетъ въ Туровъ, а сынъ Всеволода, Святославъ, получаетъ Владиміръ-Волынскій [3]).

Когда это извѣстіе дошло до Ольговичей, они опять заволновались и стали подбивать Всеволода противъ Мстиславичей, но онъ находилъ болѣе выгоднымъ для себя постоянно поддерживать вражду между тѣми и другими, обезоруживая такимъ образомъ всѣхъ и сохраняя въ то-же время хорошія отношенія съ ними. Поэтому на всѣ просьбы своихъ братьевъ онъ отвѣчалъ отказомъ.

Между тѣмъ онъ постарался связать свои личные интересы съ интересами сосѣднихъ нейтральныхъ областей и браками своихъ дѣтей съ членами княжескаго рода Полоцка и Польши нашелъ себѣ новую точку опоры [4]).

Весь 1143 годъ и часть 1144 года прошли спокойно, но вскорѣ интересы великаго князя столкнулись съ интересами Владиміра, сидѣвшаго въ Галичѣ. Дѣло началъ послѣдній: онъ не могъ смотрѣть

---

[1]) См. очеркъ колонизаціи.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 223; Лавр. лѣт. стр. 294.

[3]) Ibibem, стр. 223—224.

[4]) Ibidem.

равнодушно на соединеніе Владиміра-Волынскаго, гдѣ, какъ мы видѣли, сѣлъ Святославъ Всеволодовичъ, и Кіева въ однихъ рукахъ, потому что соединеніе двухъ сильныхъ областей могло невыгодно отозваться на самостоятельности Галицкаго княжества. Лѣтопись прямо говоритъ, что Воеволодъ и Владимірко поссорились за то, что сынъ Всеволода сидѣлъ во Владимірѣ-Волынскомъ [1]). Мстиславичи и ихъ дядья, Мономаховичи, легко могли пристать къ Владимірку, потому что, вѣроятно, и имъ не нравилось устроенное Всеволодомъ перемѣщеніе, но послѣдній съумѣлъ дать дѣлу другой оборотъ. Не за долго предъ этимъ, именно въ 1141 году, въ Галичѣ умеръ Иванъ Васильковичъ, двоюродный братъ Владимірка, и послѣдній захватилъ всю Галицкую область въ одни руки, хотя сыновья умершаго князя еще владѣли удѣлами [2]). Но въ 1143 году Владимірко выгналъ всѣхъ своихъ племянниковъ и одинъ захватилъ власть [3]). Этимъ и воспользовался Всеволодъ. Онъ теперь потребовалъ Владимірка на судъ за примѣненіе изгойства къ сыновьямъ умершаго князя [4]). Выставивъ такой предлогъ, Всеволодъ привлекъ къ себѣ всѣхъ князей тѣмъ болѣе, что уничтоженіе удѣловъ въ Галицкой землѣ вело къ ея усиленію и потому могло быть опаснымъ для сосѣднихъ мелкихъ княжествъ. Вотъ чѣмъ объясняется то единодушіе, съ какимъ всѣ князья поднялись на Владимірка. Всеволодъ Ольговичъ двинулъ соединенныя силы своихъ братьевъ, Игоря и Святослава, Владиміра Давидовича, трехъ своихъ сыновей, князей Городенскихъ, Бориса и Глѣба, Ростислава Глѣбовича полоцкаго и сверхъ того пригласилъ своего зятя, Владислава польскаго. Всѣ эти силы явились у Галича и осадили его, такъ какъ галицкая рать отказалась драться въ открытомъ полѣ. Не смотря на вспомогательныя венгерскія войска, Владимірко видѣлъ, что ему не разбить громадныхъ силъ союзниковъ, и потому началъ переговоры. Но онъ обратился не прямо къ Всеволоду, а къ его брату, Игорю, обѣщая ему помогать послѣ смерти Всеволода въ полученіи Кіева. Это понравилось Игорю, и онъ сталъ убѣждать брата помириться съ Владимірком, указывая прямо, что безъ сильнаго союзника ему не усидѣть на кіевскомъ столѣ среди

---

[1]) Ibidem, стр. 225 и 295 и д.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 221.

[3]) Татищевъ. II т. стр. 274.

[4]) Ibidem.

враждебныхъ Мономаховичей. Всеволодъ согласился, и Владимірко, заплативъ 1400 гривенъ серебра контрибуціи, получилъ назадъ захваченные великимъ княземъ города его области съ внутреніемъ: „се цѣлъ еси, к тому не съгрѣшай“! Но не желая обнаруживать предъ своими союзниками того факта, что онъ заключилъ миръ изъ личныхъ интересовъ, Всеволодъ полученную контрибуцію раздѣлилъ между всѣми князьями [1]). Такъ кончилось первое столкновеніе Ольговичей съ галицкимъ княземъ, первое вмѣтательство ихъ въ дѣла этого княжества.

Въ 1145 году Всеволодъ Ольговичъ созвалъ въ Кіевъ всѣхъ своихъ братьевъ, и Ольговичей и Давидовичей. Былъ также здѣсь и Изяславъ Мстиславичъ. Кіевскій князь рѣшился объявить пріемникомъ своей власти своего брата, Игоря. Зная, что Мстиславичи не уступятъ охотно кіевскаго стола Ольговичу, Всеволодъ санкціонируетъ свое рѣшеніе тѣмъ, что какъ Мономахъ имѣлъ право передать власть своему сыну, Мстиславу, а послѣдній своему брату, Ярополку, такъ и онъ, старый великій кіевскій князь можетъ по своему усмотрѣнію оставить свой столъ или сыну, или брату [2]).

Мы видимъ, что здѣсь Всеволодъ избѣгаетъ наслѣдственности и поэтому не отдаетъ стола сыну, а только старшему въ родѣ Ольговичей, брату, Игорю. Этимъ родъ Ольговичей сравнивался съ родомъ Мономаховичей въ правѣ на велико—княжескій столъ, въ этомъ исконномъ правѣ всѣхъ князей, которое такъ хотѣлось уничтожить Мономаховичамъ. Но уже при жизни Всеволода стала обнаруживаться шаткость этого справедливаго принципа, который могъ держаться только хитростью и изворотливостью Всеволода. Уже въ 1146 году Владимірко снова поднялся противъ кіевскаго князя, и на этотъ разъ послѣдній долженъ былъ потерпѣть полную неудачу при осадѣ Звенигорода [3]). Клятвы, данныя Давидовичами и Мстиславичами, были вынуждены только тѣмъ положеніемъ, въ которое Всеволодъ поставилъ ихъ и могли быть сильны только при его жизни.

Послѣднимъ успѣшнымъ предпріятіемъ кіевскаго князя была помощь, оказанная имъ своему зятю, Владиславу польскому, противъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 225—6; Лавр. лѣт. стр. 295—6.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 227.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 228; Лавр. лѣт. стр. 297.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 227.

его братьевъ, при чемъ Святославъ Ольговичъ получилъ отъ Болеславичей городъ Визну [1]). Въ томъ же году, 1-го августа Всеволодъ Ольговичъ умеръ. Предъ смертью онъ собралъ кіевлянъ и заставилъ ихъ присягнуть своему брату и напомнилъ Мстиславичамъ о ихъ присягѣ. Они подтвердили её [2]).

Любопытную характеристику этого князя сохранилъ намъ Татищевъ. Мы приводимъ её цѣликомъ: „этотъ князь ростомъ былъ мужъ великъ и весьма толстъ, власовъ мало на главѣ имѣлъ; брада широкая, очи немалыя, носъ долгій; мудръ былъ въ совѣтехъ и судѣхъ, для того, кого хотѣлъ, того могъ оправдать и обвинить. Много наложницъ имѣлъ и болѣе въ веселіяхъ, нежели въ расправахъ упражнялся. Чрезъ сего кіевлянамъ отъ него тягость была великая, а какъ умеръ, то едва кто по немъ, кромѣ бабъ любимыхъ, заплакалъ, а болѣе были рады [3])".

Мы привели эту характеристику потому, что её можно разсматривать какъ взглядъ кіевлянъ на Всеволода Ольговича. Дѣйствительно если мы припомнимъ факты его княженія, то замѣтимъ, что личность кіевскаго князя является намъ въ нихъ весьма подходящею къ портрету, начертанному въ приведенныхъ нами словахъ. Всё его княженіе есть рядъ хитростей и надувательствъ. Наслѣдуя отъ своего отца, Олега, упорство и стойкость, онъ отъ своего дѣда, Святослава получилъ уменье запутывать интересы тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ умѣлъ прикрыться и обще-русскими интересами, и въ этомъ случаѣ, возможна паралель между нимъ и Владиміромъ Мономахомъ.....

VIII.

Давидовичи и Ольговичи.

1146—1165 года.

Всеволодъ Ольговичъ, добившись кіевскаго стола, держался на немъ, благодаря только своему умѣнью хитрить и вывертываться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а также спираясь на черниговскую

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 227.

[2]) Ibidem, стр. 229,

[3]) Татищевъ. II т. стр. 281.

партію. Поэтому онъ предоставилъ ей управленіе въ Кіевской области, назначалъ изъ ея сторонниковъ тысяцкихъ, тіуновъ и позволялъ имъ грабить и разорять народъ. Нѣкоторыя личности и изъ партіи Мономаховичей пристали къ нему чисто изъ матерьяльныхъ выгодъ и нисколько не были ему преданы. Такимъ образомъ достигая одного, т. е., точки опоры въ извѣстной партіи людей, Всеволодъ въ то-же время неизбѣжно создавалъ себѣ новыхъ враговъ, раздражая кіевлянъ поточкой, противъ воли, безобразіямъ своихъ сторонниковъ. Если-бы Всеволодъ Ольговичъ прожилъ больше, то катастрофа разрѣшилась-бы только его изгнаніемъ изъ Кіева, но его быстрая смерть сразу порвала всё, чѣмъ сдерживалось недовольство кіевлянъ. Объявленіе принципа о равенствѣ родовъ Ольговичей и Мономаховичей, а слѣдовательно какъ-бы равенства Чернигова и Кіева, вмѣстѣ съ раздраженіемъ противъ грабительства черниговской партіи, еще не выраженный ясно, но уже создавшійся принципъ, что Кіевъ есть вотчина только Мономаховичей—всё это должно было вызвать ожесточенную борьбу съ обѣихъ сторонъ. Чувствовали это кіевляне и Мстиславичи, чувствовали и Ольговичи съ Черниговцами.

Вотъ почему кіевляне прежде всего рѣшились раздѣлаться съ черниговской партіей. Они собираютъ вѣче и требуютъ къ себѣ Игоря и Святослава на переговоры. Когда князья явились, вѣче заявило желаніе, чтобы смѣнены были тіуны, чтобы прекращены были грабительство и разореніе народа. Не смотря на присягу, данную князьями, что требованія вѣча будутъ исполнены, народъ отправился ко двору Ратши, бывшаго тысяцкимъ въ Кіевѣ, и разграбилъ его; затѣмъ напалъ на княжескихъ мечниковъ. Только появленіе Святослава Ольговича съ дружиной спасло ихъ сторонниковъ[1]), но должно было еще болѣе раздражить кіевлянъ. Вслѣдъ за этимъ они посылаютъ къ Изяславу Мстиславичу приглашеніе явиться въ Кіевъ; всё военное поселеніе Поросья, черные Клобуки, бѣлгородцы, василевцы, обѣщаютъ поддерживать его.

Въ это-же самое время въ Черниговѣ, когда явились послы отъ Ольговичей къ Давидовичамъ съ требованіемъ помощи, черниговскій епископъ, Онуфрій, въ соборѣ Св. Спаса провозглашаетъ проклятіе

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 229—30.

всѣми двѣнадцатью праздниками па того, кто изъ черниго сѣверскихъ князей нарушитъ союзъ, заключенный между ними [1]).

Между тѣмъ заговоръ въ Кіевѣ усиливался. Случайные приверженцы Ольговичей, Улѣбъ, Иванъ Войтишичъ, Лазарь Соковскій, Василь Полочанинъ и Мирославъ Хиличь, изъ которыхъ первые два были оставлены Игоремъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя они занимали при Всеволодѣ, видя, что при новыхъ обстоятельствахъ продолжать грабежи нельзя, а потому и нѣтъ выгоды держаться черниговской партіи, передались Мстиславичамъ и послали тайно сказать Изяславу, что они его поддержатъ при нападеніи на Кіевъ.

Когда Изяславъ явился у Кіева, кіевляне прямо перешли къ нему, а Улѣбъ и Иванъ Войтишичь при началѣ битвы побросали знамена и бросились бѣжать. Это произвело смятеніе въ войскахъ Ольговичей, и, стѣсненные затѣмъ въ неудобной мѣстности, они были разбиты на голову. Братья, Игорь и Святославъ, бѣжали, при чемъ первый попалъ въ Дорогожицкое болото, гдѣ и завязъ; второй бросился къ устью Десны и переправился на черниговскую сторону. Сынъ Всеволода, Святославъ, прибѣжалъ съ поля битвы въ Кіевъ и бросился въ монастырь св. Ирины, гдѣ и былъ взятъ войсками Изяслава Мстиславича [2]). Послѣдній въѣхалъ въ Кіевъ, а чрезъ четыре дня къ нему привсли захваченнаго въ болотѣ Игоря Святославича. Изяславъ приказалъ заковать его и отправилъ въ Переяславль, гдѣ его посадили въ тюрьму, въ монастырѣ св. Іоанна. Всё имущество Ольговичей было разграблено [3]).

Это было только начало борьбы, и неизвѣстно еще, кто одержалъ бы въ ней верхъ при прочномъ союзѣ князей всей Сѣверской земли Но одно обстоятельство, вытекавшее послѣдовательно изъ предыдущихъ событій, хотя преждевременно явившееся, придало совершенно другой оборотъ дѣлу и измѣнило, можетъ быть, весь ходъ послѣдующихъ фактовъ. Если мы обратимся ко времени княженія Всеволода, то ясно видно, что главную слабость его и необходимость повести дѣло такимъ путемъ, который въ описываемый нами періодъ повелъ къ трагической развязкѣ, проистекала именно оттого, что интересы его не согласо-

---

[1]) Ibidem, стр. 231.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 231—2.

[3]) Ibidem, стр. 233.

вались съ цѣлями его братьевъ, Игоря и Святослава, которые были для него постоянной помѣхой. Между тѣмъ Всеволодъ съ своей стороны не могъ заставить ихъ признать его желанія, потому что они были самостоятельные князья и при томъ его братья. Говоря другими словами, слабость черниговскихъ князей въ борьбѣ ихъ съ Мономаховичами и Кіевомъ заключалась въ раздѣленіи Сѣверской земли на два самостоятельныхъ, взаимно-независимыхъ княжества Дѣло не измѣнялось, а усложнялось, если въ нихъ сидѣли двоюродные братья. Въ то время какъ Мономаховичи всѣ энергически защищали общее родовое дѣло, опираясь при этомъ на общность своихъ интересовъ съ Кіевомъ, сѣверскіе князья дѣлились на два семейства, которыя по отношенію къ Кіеву не сходились въ воззрѣніяхъ. Да и вполнѣ естественно, что князья, сидѣвшіе въ Черниговѣ и сидѣвшіе въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, должны были смотрѣть на это дѣло съ различныхъ точекъ зрѣнія: у Чернигова были старые счеты съ Кіевомъ, а Новгородъ-Сѣверскъ, пожалуй, какъ городъ Сѣверской земли и могъ имѣть въ нихъ свою долю, но самостоятельно никакихъ столкновеній съ Кіевомъ не имѣлъ послѣ того, какъ сдѣлался центромъ отдѣльнаго княжества. Вотъ почему у новгородсѣверскихъ князей является нежеланіе путаться въ дѣла Кіевской области; вотъ почему они упорно отказываются отъ удѣловъ, которые имъ давалъ Всеволодъ на той сторонѣ Днѣпра. Этому нисколько не противорѣчитъ фактъ, что теперь Игорь Ольговичъ остался кіевскимъ княземъ: коль скоро принципъ равноправности обоихъ родовъ былъ выдвинутъ, то необходимо было его защищать. Тотъ фактъ, что черниговское духовенство, стоявшее въ зависимости отъ кіевской митрополіи, стало на сторонѣ Ольговичей, объясняется сочувственнымъ движеніемъ самаго Чернигова. Но дѣло въ томъ, что, съ достижеціемъ цѣли Ольговичами, семейство Давидовичей оставалось въ тѣни и должно было играть второстепенную роль.

Не смотря на то, что, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, Игорь по ихъ желанію отдалъ имъ многіе города своей области [1]), Давидовичи не довѣряли Ольговичамъ. Къ этому времени, какъ видно, у нихъ явилась мысль отдѣлаться отъ Ольговичей и собрать всю сѣверянскую территорію въ руки одного своего семейства. Они приняли выжида-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 231.

тельное положеніе и, не смотря на данную присягу, не учавствовали въ битвѣ у Кіева. Когда Ольговичи были разбиты, Игорь попалъ въ плѣнъ, они и тутъ не съ разу обнаружили себя. Святославъ Ольговичъ, прибѣжавши съ небольшой дружинной въ Черниговъ, послалъ къ нимъ спросить, держатся-ли они данной клятвы. Давидовичи подтвердили её. Тогда Святославъ Ольговичъ оставилъ въ Черниговѣ своего боярина, Костяжка, для сообщеній съ ними, а самъ быстро явился въ Курскѣ, затѣмъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, собирая ополченія [1]).

Теперь черниговскіе князья рѣшили дѣйствовать для существленія централизаціи. Время было самое удобное: Игорь былъ въ тюрьмѣ, Святослава Ольговича можно было схватить... Но послѣднее не удалось. Сторонники Святослава Ольговича предупредили Костяжка объ угрожающей опасности, и тотъ послалъ сказать Святославу: „князь! хотятъ тебя схватить; если братья и будутъ тебя звать, не ѣзди къ нимъ [2])". Оставалось еще средство — объявить его изгоемъ и тогда захватить его область. Тутъ Давидовичи превзошли всякую мѣру эгоизма, пренебрегли всѣми чувствами любви къ своей области, къ своему брату; у нихъ не явилось даже сожаленіе къ несчастному заключенному Игорю: они послали сказать Изяславу: Игорь—врагъ, какъ тебѣ, такъ и намъ, держи его покрѣпче [3])"! Стремленіе къ централизаціи задавило всякое другое чувство! Въ то-же время они послали приказаніе Святославу, чтобы онъ отправлялся въ Путивль, оставивъ Новгородъ-Сѣверскій, а когда онъ, отказываясь отъ всего, сталъ требовать только возвращенія брата, Давидовичи обѣщали отдать ему всю прежнюю волость только съ тѣмъ, чтобы онъ присягнулъ имъ и отказался отъ участія въ судьбѣ брата [4]).

Находясь въ безвыходномъ положеніи, Святославъ Ольговичъ рѣшился привлечь къ своему дѣлу Юрія Долгорукаго. Онъ отправилъ къ нему посольство съ просьбой занять Кіевъ, освободить Игоря, обѣщаясь быть ему помощникомъ. Такимъ образомъ онъ сразу отказывался отъ только что возстановленныхъ правъ своего рода на Кіевъ и звалъ туда одного изъ Мономаховичей.

---

[1]) Ibidem, стр. 233.
[2]) Ibidem, стр. 234.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.

Пока Юрій собирался, Святославу приходилось отбиваться одному. Къ нему тотчасъ-же явился одинъ изъ рязанскихъ князей, Владиміръ Святославичъ, затѣмъ пришелъ Иванъ Ростиславичъ Берладникъ. Въ то-же время Святославъ Ольговичъ послалъ къ своимъ половецкимъ дядьямъ, и они явились къ нему съ ополченіемъ въ 300 человѣкъ [1]).

Съ своей стороны Давидовичи послали къ Изяславу Мстиславичу звать его къ себѣ на помощь противъ Ольговича. Изяславъ Мстиславичъ послалъ имъ своего сына, Мстислава, и обѣщалъ помогать самъ въ случаѣ надобности [2]).

Такимъ образомъ и Давидовичи, и Мстиславичи, преслѣдуя ближайшія цѣли, упускали изъ вида послѣдствія. Первые въ видахъ своей централизаціонной политики призывая Мстиславичей, давали имъ возможность вмѣшиваться въ дѣла своей земли и возвышали на послѣдующее время авторитетъ кіевскаго князя; вторые, помогая Давидовичамъ противъ общаго врага Ольговича, не разгадывая цѣли Давидовичей, способствовали сами осуществленію ихъ предпріятія и создавали себѣ въ будущемъ страшнаго врага въ сплоченной Сѣверской землѣ. Если ни того, ни другого не послѣдовало, то причиной этому было то энергическое сопротивленіе отдѣльныхъ городовъ и волостей Сѣверской земли противъ централизаціи, которое и заставило Давидовичей отказаться отъ своего намѣренія. Можно даже смѣло сказать, что Черниговъ, которому централизація должна была-бы льстить, какъ главному городу земли, не сочувствовалъ ей вовсе. Это выразилось стремленіемъ черниговцевъ въ 1164 г. оставить у себя Олега Святославича, чѣмъ высказалось расположеніе къ его отцу, а слѣдовательно и къ его исторической дѣятельности.

Давидовичи съ Мстиславомъ, съ переяславцами и Берендѣями, двинулись къ Новгороду-Сѣверскому. Горожане рѣшились защищать своего князя. Не смотря на численный перевѣсъ непріятеля, они отразили нападеніе на черниговскія и курскія ворота и сами сдѣлали вылазку за городъ. Но враги сильно стѣснили ихъ и вогнали въ ворота острога. Много пало съ обѣихъ сторонъ, но горожане всё таки отбили приступъ. Враги отступили и послали захватить стада, при-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 234.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 235.

надлежащія Игорю и Святославу, и въ сосѣднія села, гдѣ пожгли жита и дворы [1]).

Цѣлымъ рядомъ грабежей и опустошеній союзники думали устрашить населеніе и заставить его отступить отъ Святослава Ольговича. Виновниками всѣхъ этихъ бѣдствій являются главнымъ образомъ Давидовичи. Не смотря однако-же на это, города не хотѣли признавать ихъ власти. Путивльцы, осажденные соединенными силами союзниковъ, на предложеніе Давидовичей сдаться отвѣчали отказомъ и стойко защищали свой городъ. Когда-же силы ихъ окончательно истощились, путивльцы расчитали, что выгоднѣе признать власть князя, находящагося далеко, чѣмъ подчиниться централизаціи, при чемъ они ставили преграду планамъ Давидовичей: они сдались кіевскому князю Изяславу. То-же самое сдѣлалъ Новгородъ-Сѣверскъ, когда Святославъ Ольговичъ, по совѣту своей дружины, оставилъ его и удалился въ область Вятичей для болѣе удобнаго сообщенія съ Юріемъ [2]).

Между тѣмъ еще нѣсколько ранѣе Святославъ Ольговичъ рѣшился послать къ Давидовичамъ, указывалъ на разоренія, нанесенныя ими его удѣлу, обѣщалъ даже простить ихъ и примириться, напоминая въ концѣ клятву выручить Игоря [3]). Но Давидовичи оставили этотъ призывъ безъ отвѣта. Тогда Святославъ Ольговичъ рѣшился снова обратиться къ Юрію. На этотъ разъ онъ двинулся [4]), такъ какъ въ этомъ были его личныя выгоды. Дѣйствительно, если-бы Давидовичи успѣли захватить всю Сѣверянскую область, то это повело-бы къ ихъ усиленію, чего Юрію, какъ сосѣду, нельзя было желать; при томъ, тѣсный союзъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 235. Лѣтопись говоритъ, что лошадей было захвачено до 4000 головъ.

[2]) Взглядъ г. Соловьева, что путивльцы сдались Изяславу Мстиславичу потому, что въ Черниговскихъ областяхъ было довѣріе къ Мономахову роду, можетъ быть, по моему крайнему разумѣнію, замѣненъ выше приведеннымъ толкованіемъ факта. Что путивльцы презирали Давидовичей, видно изъ того отвѣта, который они дали Давидовичамъ: они говорятъ, что не желаютъ нарушать клятвы, данной совему князю, Святославу; называютъ Давидовичей измѣнниками. (Татищевъ. II стр. 293—4). Далѣе путивльцы не сдаются Изяславу на слово, какъ увѣряетъ Татищевъ (Ibidem), а требуютъ присяги (Ипат. лѣт. стр. 237), что уже на довѣріе не указываетъ.

[3]) Татищевъ. II, стр. 293.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 236.

Давидовичей, при ихъ усиленіи, съ Изяславомъ Мстиславичемъ дѣлался невыгоднымъ и опаснымъ для плановъ Юрія на югѣ.

Но и Мстиславичи нашли себѣ новаго союзника. Какъ для суздальскаго князя былъ непріятенъ союзъ Давидовичей и Мстиславичей, также точно, если не болѣе, опасно было соединеніе Юрія съ Святославомъ для рязанскаго князя. Кіевъ былъ очень далеко отъ Рязани и общихъ интересовъ между этими областями не было, чтобы рязанскимъ князьямъ можно было опасаться Мстиславичей, и наоборотъ усиленіе Суздаля уже и тогда отзывалось невыгодно на территоріи и самостоятельности Рязани. При побѣдѣ Мстиславичей рязанскіе князья могли надѣяться на увеличеніе своей области на счётъ Суздальскаго княжества. Вотъ почему Ростиславъ Ярославичъ рязанскій заключилъ союзъ съ Мстиславичами и двинулся къ границамъ Суздаля, лишь только Юрій отправился въ Сѣверскую землю. Эта диверсія была очень полезна Мстиславичамъ, потому что Юрій, узнавъ о движеніи Ростислава, долженъ былъ вернуться назадъ изъ Козельска, оставивъ Святославу Ольговичу только своего сына Ивана. Послѣдній явился въ Новгородъ-Сѣверскій еще до оставленія его Святославомъ, но по незначительности приведенныхъ силъ не могъ измѣнить его дѣла [1]).

Лишь только Святославъ Ольговичъ двинулся въ Карачевъ, Изяславъ Давидовичъ, взявши дружину своего брата и кіевскаго князя, быстро погнался за нимъ черезъ Сѣвскъ и Болдыжъ. Когда онъ сталъ приближаться къ Карачеву, Святославу Ольговичу дали знать объ его приходѣ. Онъ послалъ половецкіе разъѣзды, которые и привели ему нѣсколько человѣкъ Берендѣевъ. Отъ нихъ было узнано, что Изяславъ Давидовичъ явился противъ него налегкѣ, даже безъ обоза, съ 3000 человѣкъ. Тогда Святославъ рѣшилъ дать ему битву для спасенія своего семейства и дружины. 16 января онъ напалъ на Изяслава и разбилъ его. Весь отрядъ Изяслава бѣжалъ назадъ. Бѣглецы встрѣчались съ войскомъ остальныхъ князей и примыкали къ нему. Въ это время кіевскій князь расположился станомъ за Болдыжемъ, но, узнавши о неудачѣ Изяслава, быстро двинулся въ область Вятичей. Разбитый Изяславъ Давидовичъ явился къ своимъ союзникамъ, съ которыми участвовалъ въ разграбленіи окрестностей Карачева. Узнавъ чрезъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 237.

своихъ сторонниковъ о приближеніи враговъ, Святославъ Ольговичъ бѣжалъ въ область Вятичей. Здѣсь онъ сталъ въ Козельскѣ[1]).

Между тѣмъ кіевскій князь, отвлекаемый дѣлами своей области, оставилъ дѣло Давидовичей, заключивъ съ ними договоръ, по которому всѣ волости, принадлежащія Святославу Ольговичу, уступались Давидовичамъ, всё имущество Игоря должно было перейти къ кіевскому князю, а имѣнія Святослава должны быть раздѣлены по поламъ[2]).

Но договоръ не имѣлъ никакой силы, пока Святославъ имѣлъ возможность бороться. Всю Курскую область съ Посемьемъ онъ уступилъ Юрію Долгорукому[3]) и такимъ образомъ выставлялъ его интересы противъ цѣлей Давидовичей. Надежда послѣднихъ теперь основывалась на поддержкѣ Вятичей, которыхъ область всегда тянула къ Черниговскому удѣлу. Но и здѣсь, не смотря на то, что по городамъ были ихъ посадники, ни одинъ городъ не оказалъ сопротивленія Святославу Ольговичу. Тогда Давидовичи рѣшились обратиться съ воззваніемъ къ Вятичамъ: они собрали вѣче въ Дѣдославлѣ и убѣждали ихъ захватить Святослава и его дружину, убить его, а всё его имущество взять себѣ: „онъ врагъ и вамъ и намъ“, говорили они Вятичамъ. Интереснѣ отвѣтъ Вятичей, приводимый Татищевымъ. Хотя въ такомъ видѣ, какъ онъ передалъ его въ своей исторіи, придавать ему значенія тождественности и нельзя, но смыслъ его всё таки остаётся. Вятичи отвѣчали, что для нихъ всё равно, будутъ ли ими владѣть Давидовичи, или Ольговичи: и тѣ и другіе ихъ князья[4]). Но затѣмъ, когда въ слѣдующемъ (1147) году Святославъ Ольговичъ явился въ Дѣдославлѣ, то изъ остальныхъ городовъ Вятичей посадники Давидовичей принуждены были бѣжать[5]). Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ получалъ постоянно вѣрныя свѣдѣнія о своихъ врагахъ. Его племянникъ, Святославъ Всеволодовичъ, находившійся на сторонѣ Давидовичей, былъ посланъ ими въ Карачевъ для наблюденія за своимъ дядей и въ то-же время велъ сношенія съ послѣднимъ, предупреждая его о движеніяхъ враговъ. Узнавъ такимъ образомъ о намѣреніи Давидовичей

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 239.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, стр. 236.
[4]) Татищевъ II. Стр. 298.
[5]) Ипат. лѣт. стр. 242.

съ Ростиславомъ смоленскимъ напасть на него, Святославъ отступилъ къ границамъ Суздальской земли и думалъ съ помощью Юрія двинуться отсюда на Давидовичей, но былъ остановленъ болѣзнью и смертью своего союзника Ивана Юрьевича[1]).

Пока кіевскій князь былъ занятъ дѣлами на югѣ, а братъ его Ростиславъ дѣйствовалъ нерѣшительно, Святославъ Ольговичъ постарался закрѣпить свой союзъ съ Юріемъ. Князья нѣсколько разъ видѣлись между собою, дарили другъ—друга, вмѣстѣ пировали. Въ то-же время Ростиславъ и Андрей Юрьевичи двинулись къ Рязани и заставили ея князя бѣжать совсѣмъ изъ своей области къ Половцамъ; Юрій напалъ на Новгородскую землю, взялъ Торжокъ и области по рѣкѣ Мстѣ, а Святославъ Ольговичъ разорялъ Смоленскій удѣлъ[2]). Такимъ образомъ съ начала 1147 года дѣла принимаютъ совершенно другой оборотъ. Не смотря на то, что Мстиславичамъ удалось еще въ прошломъ году переманить къ себѣ Берладника съ дружиной въ самую критическую минуту для Святослава, дѣло отъ этого не измѣнилось. Еще на границѣ Суздальской земли къ нему явились послы отъ его половецкихъ дядей съ вопросомъ: „спрашиваемъ о твоемъ здоровьѣ; а когда ты намъ велишь съ силою къ тебѣ прійти“? Города Вятичей сдавались ему одинъ за другимъ. Сторонники давали вѣрныя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ Сѣверской землѣ. Лишь только онъ занялъ Подесенье, Мценскъ и Домагощь, города уже Черниговской власти, къ нему явились бродники и его дядья съ Половцами. Наконецъ, и Глѣбъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ Олегомъ Святославичемъ двинулся въ Сѣверскую землю[3]).

Тогда Давидовичи рѣшились оставить свой прежній планъ, но задумали новое предпріятіе—примириться съ Святославомъ Ольговичемъ, завлечь кіевскаго князя въ Черниговскую область, если можно, убить его и затѣмъ съ помочью Ольговича вести борьбу съ Юріемъ Суздальскимъ за кіевскій столъ. И вотъ они въ одно время посылаютъ къ Святославу Ольговичу и къ Изяславу Мстиславичу. Не объявляя первому своей цѣли, они просятъ его забыть всё происшедшее, „стать за одинъ мужъ“, и возвращаютъ ему волости и имущество[4]). А въ

---

[1]) Ibidem. Стр. 240.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 240—241.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 242.

[4]) Ibidem.

Кіевъ они посылаютъ сказать: „братъ! вотъ Ольговичъ занялъ нашу волость, Вятичей. Пойдемъ на него! Если его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія: или миръ съ нимъ заключимъ, или будемъ драться [1])".

Въ то-же время Святославъ Всеволодовичъ, находившійся въ Кіевѣ, выпросился въ Черниговъ. Вѣроятно послы, явившіеся къ Изяславу Мстиславичу, сообщили ему о заключеніи мира между Сѣверскими князьями и о планѣ Давидовичей. Лишь только Святославъ Всеволодовичъ возвратился въ Черниговъ, Давидовичи снова посылаютъ въ Кіевъ и торопятъ Изяслава пойти на Ольговича.

Когда Изяславъ Мстиславичъ сталъ просить у кіевлянъ ополченій, то вѣче отвѣчало ему, что противъ Юрія, какъ Мономахова сына, драться не станетъ, и совѣтовало ему не довѣрять Ольговичамъ [2]). Хотя въ Черниговѣ въ то время сидѣли Давидовичи, но „у Кіевлянъ въ глазахъ постоянно стояла фигура Олега Гориславича, почему они всѣхъ Святославичей называли Ольговичами [3])". На Ольговичей они обѣщали идти хоть съ дѣтьми [4]). Но кіевскій князь, увлекшись, не послушалъ вѣча и приказалъ ему, если кто хочетъ, слѣдовать за нимъ въ Сѣверскую землю.

Ставши недалеко отъ Чернигова, онъ послалъ своего боярина Глѣба къ Давидовичамъ. Тутъ открылся весь замыселъ черниговскихъ князей. Давидовичи думали сначала выпутаться изъ непріятнаго положенія разными уловками, но, наконецъ, выставили Изяславу, какъ причину мира съ Святославомъ Ольговичемъ, свое желаніе освободить Игоря. Кіевскій князь отвѣчалъ на это возвращеніемъ договорныхъ грамотъ.

Лишь только въ Кіевъ пришло извѣстіе о дѣлахъ въ Черниговѣ, кіевляне поднялись всѣ. Изяславъ, отлично понимая ихъ взгляды на черниговцевъ, еще болѣе расшевелилъ ихъ увѣреніемъ, что черниговскіе князья не только хотѣли его убить, но и уничтожить ихъ всѣхъ. Лучшаго толчка для возбужденія было не нужно, и первой жертвой его сдѣлался Игорь Ольговичъ. Не смотря на то, что онъ еще раньше принялъ монашество и такимъ образомъ вовсе не былъ опасенъ, кіев-

---

[1]) Ibidem. Стр. 243

[2]) Ibidem.

[3]) Соловьевъ. II т. стр. 246.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 243.

ляне, указывая на опасность со стороны черниговской партіи, схватили его во время самой обѣдни и послѣ различныхъ истязаній убили. Такъ скончался, говоритъ лѣтопись, Игорь, князь, сынъ Олега, потому что онъ былъ вѣрный поборникъ интересовъ своего отечества. Конечно, вполнѣ правы были кіевляне, обвиняя въ его смерти черниговскихъ князей [1]), но послѣдніе несутъ еще болѣе отвѣтственности за тѣ бѣдствія, которымъ подверглась вслѣдъ за тѣмъ Сѣверская земля. Послѣ смерти Игоря ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ еще болѣе усилилось и выразилось цѣлымъ рядомъ опустошеній съ обѣихъ сторонъ [2]).

Дѣло началось съ Курска. Жители его объявили сидѣвшему у нихъ Мстиславу, что противъ Юрія они драться не будутъ, и вслѣдъ за тѣмъ взяли къ себѣ посадника отъ Глѣба Юрьевича, которому еще раньше Святославъ Ольговичъ уступилъ Курскъ съ Посемьемъ [3]). Не такъ дешево отдѣлались другіе города. Любечъ былъ сожженъ Ростиславомъ, а окрестности его опустошены. Изяславъ Давидовичъ въ свою очередь напалъ на Переяславское княжество и взялъ городъ Попашъ, не успѣвъ захватить Выря и Вьяхани. Но дѣло разгорѣлось еще сильнѣе, Когда Изяславъ кіевскій и Ростиславъ смоленскій соединились у урочища, Черной могилы. Черниговскіе князья уклонялись отъ битвы. Тогда началось бѣгство цѣлыхъ городовъ, менѣе укрѣпленныхъ въ болѣе защищенные. Такъ во Всеволожѣ собралось населеніе трехъ городовъ. Непріятели взяли его штурмомъ. Узнавъ объ этомъ, населеніе городовъ, Уненѣжа, Бѣлой-Вежы, Бахмача, просилось къ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 245—250.

[2]) На сколько сильно населеніе принимало участіе въ этой борьбѣ, видно изъ того факта, что отъ этого времени въ Никоновской лѣтописи сохранилось народное преданіе о Переяславскомъ богатырѣ, Демьянѣ Кудеяевичѣ, обращавшемъ въ бѣгство цѣлыя полчища Половцевъ. (Никон. лѣт. ч. II стр. 104—106).

[3]) Ипат. лѣт. стр. 250.

Татищевъ, по моему мнѣнію, приводитъ вѣрное объясненіе этому факту. Онъ говоритъ, что Курскъ, не желая подчиниться кіевскому князю, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣя силъ защищаться, принялъ посадника Глѣба въ надеждѣ, что, если-бы счастье не благопріятствовало Святославу, то его при всеобщемъ грабежѣ пощадятъ, какъ городъ, принадлежащій уже Мономаховичамъ (Юрію), а не Ольговичамъ. (Татищевъ II т. стр. 344).

Чернигову, но на дорогѣ было застигнуто врагами и взято въ плѣнъ. Самые города были сожжены. Только глѣбльцы рѣшились защищаться и стойко отбили всѣ приступы многочисленныхъ непріятелей. Эта защита Глѣбля остановила движеніе кіевскаго князя: онъ отступилъ въ Кіевъ. Черниговскіе князья вслѣдъ за тѣмъ напали на Брагинъ [1]).

На сколько силы Сѣверской земли были уже истощены, видно изъ того, что, когда Глѣбъ Юрьевичъ былъ осажденъ Изяславомъ Мстиславичемъ въ Острѣ, то черниговскіе князья не могли подать помощи, и онъ принужденъ былъ сдаться [2]). Хотя въ слѣдующемъ (1148) году на помощь явились рязанскіе князья, но всѣ таки до открытой битвы не дошло, и Изяславъ Мстиславичъ, опустошивъ окрестности Чернигова, отошелъ къ Любечу, откуда, боясь вскрытія рѣкъ отступилъ къ Кіеву [3]).

Вслѣдствіи совершеннаго истощенія силъ своей области, черниговскіе князья послали къ Юрію Долгорукому, требовали помощи, указывая на разореніе своихъ удѣловъ, и угрожали заключить отдѣльный миръ съ кіевскимъ княземъ. На этотъ разъ мнѣніе старѣйшихъ дружинниковъ остановило суздальскаго князя, и вмѣстѣ съ тѣмъ черниго-сѣверскіе князья заключили миръ съ Кіевомъ [4]).

Такимъ образомъ попытка Давидовичей кончилась полной неудачей. Ея результатомъ, кромѣ сильнаго опустошенія Сѣверской земли, было отнятіе Курской области въ пользу суздальскаго князя и постоянная необходимость лавировать между двумя сильными соперниками на кіевскій столъ—княземъ суздальскимъ и Мстиславичами. Будучи поставлены между сильными центрами, Кіевомъ и Суздалемъ, черниго-сѣверскіе князья должны были постоянно принимать участіе въ борьбѣ этихъ двухъ земель. Приставая къ той или другой сторонѣ, они иногда давали перевѣсъ, иногда уравнивали силы. Эта историческая необхо-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 253.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, стр. 256.

[4]) Интересно здѣсь мнѣніе одного старика—дружинника Юрія, сохраненное у Татищева Въ этомъ мнѣніи высказывалось, что стремленіе въ Кіевъ не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ онъ потерялъ теперь всякое значеніе и главнымъ городомъ не можетъ быть названъ. (Татищевъ. II т. стр. 325—7).

димость ослабляла силы Сѣверской земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ при искусной политики могла служить и къ ея усиленію. На первое время и Святославъ Ольговичъ и Давидовичи дѣйствовали одинаково, направляя свои усилія только къ тому, чтобы оберегать свой удѣлъ отъ разоренія. Это направленіе ихъ политики сказалось уже въ 1148 году, когда снова началась борьба между Юріемъ и Изяславомъ Мстиславичемъ. Они ограничиваются только тѣмъ, что, собравъ войска, заняли область Вятичей [1]) и такимъ образомъ соблюдали договоръ съ кіевскимъ княземъ, не раздражая однакожь и Юрія. Но скоро Давидовичи отдѣляются отъ Святослава Ольговича. Старое стремленіе къ Кіеву никакъ не покидало черниговскихъ князей. Они теперь не упускаютъ ни одного благопріятнаго случая вмѣшаться въ кіевскія дѣла и захватить кіевскій столъ, что̀ какъ мы увидимъ, имъ и удается. Но если на ходъ дѣлъ Сѣверской земли имѣло вліяніе это стремленіе, то не меньшую роль играло здѣсь и географическое положеніе Черниговскаго удѣла. Когда приходилось сталкиваться двумъ вѣтвямъ Мономахова рода, то дорога кіевскаго князя противъ Юрія проходила прежде всего по Черниговскому удѣлу, чрезъ Полесенье и область Вятичей, поэтому черниговскому князю представлялся неотлагательный и быстрый выборъ, на чью сторону пристать. Оставалось хитрить и лавировать, что̀ и исполнялъ въ совершенствѣ Святославъ Ольговичъ, а Давидовичи, только стремясь въ Кіевъ, не соблюдали осторожной политики своего двоюроднаго брата.

Когда въ 1149 году опять началась борьба между Мономаховичами, Святославъ Ольговичъ, сообразивъ, что Юрій по дорогѣ легко можетъ явиться въ его удѣлѣ и опустошить его, присталъ къ нему, выговоривши неприкосновенность своего владѣнія [2]). Но на такой шагъ Святославъ рѣшился не вдругъ: задержавши присланныхъ Давидовичами пословъ, онъ снесся съ Юріемъ, чтобы узнать, дѣйствительно-ли онъ думаетъ идти къ Кіеву, заключилъ съ нимъ договоръ и затѣмъ объявилъ посламъ, что онъ тогда только сохранитъ союзъ съ Изяславомъ, если онъ возвратитъ ему награбленное имущество Игоря. Этимъ Святославъ Ольговичъ заставилъ Юрія минуть его удѣлъ, догнавъ его

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 260.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 262—3.

уже на дорогѣ къ Переяславскому княжеству [1]). Когда послѣ всякихъ взаимныхъ опустошеній Юрій овладѣлъ Кіевомъ, то Святославъ Ольговичъ получилъ обратно Курскъ съ Посемьемъ, сверхъ того, Изяславъ Давидовичъ долженъ былъ ему уступить Сновскую тысячу, а Юрій далъ еще города, Клецкъ, Слуцкъ и область Дреговичей [2]). Между тѣмъ Черниговскій удѣлъ поплатился за политику своихъ князей. Это обстоятельство, какъ видно, повело за собою раздѣленіе въ самомъ семействѣ Давидовичей, хотя нѣкоторое время всѣ чернигово-сѣверскіе князья дѣйствовали единодушно. Они помогаютъ Юрію, когда его изъ Кіева изгналъ Изяславъ Мстиславичъ [3]); Святославъ Всеволодовичъ учавствуетъ въ походѣ на Половцевъ [4]); но уже въ 1151 году мы видимъ Изяслава Давидовича на сторонѣ Мстиславичей въ то время, какъ братъ его, Владиміръ, съ Святославомъ Ольговичемъ помогаютъ Юрію [5]). Въ этомъ нельзя не видѣть чисто эгоистическихъ цѣлей старшаго Давидовича въ ущербъ цѣлой области и своему роду, потому что стремленія Мстиславичей клонились далеко не въ пользу сѣверскихъ князей. Взглядъ ихъ на значеніе рода Мономаховичей и на его отношеніе ко всей Русской землѣ шелъ совершенно въ разрѣзъ съ правами и обычаями княжескихъ родовъ, установившимися на Руси. Когда послѣ битвы у Днѣпра и переправы на кіевскую сторону союзниковъ Юрія, послѣдній вступилъ въ переговоры съ своимъ старшимъ братомъ, Вячеславомъ, сидѣвшимъ въ Кіевѣ, то этотъ Мономаховичъ преспокойно указываетъ на то, что Юрій можетъ отправить Ольговичей во свояси, взять себѣ Курскую область и присоединить ее къ Переяславскому княжеству, хотя она искони была волостью Святославичей [6]). Въ этомъ случаѣ, какъ нельзя лучше сказались убѣжденія Мономаховичей, что они имѣютъ право распоряжаться Русской землей, игнорируя остальные княжескіе роды. Ольговичи, конечно, возстали противъ заключенія мира, и лѣтописецъ объясняетъ это тѣмъ, что они „скоры на кровопролитье“, но мы теперь взглянемъ на этотъ фактъ иначе.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 268.
[2]) Ibidem.
[3]) Ипат. лѣт. стр. 280.
[4]) Ibidem. Стр. 281.
[5]) Ibidem. Стр. 293.
[6]) Ипат. лѣт. стр. 298.

Въ послѣдовавшей затѣмъ битвѣ у Рута союзники Юрія были разбиты на голову, и Владиміръ Давидовичъ былъ убитъ. Изяславъ Давидовичъ сейчасъ-же послѣ битвы занялъ Черниговъ, куда спѣшилъ и Святославъ Ольговичъ, но „бѣ тяжекъ тѣломъ и трудилъся бѣ бѣжа“, такъ что, достигши Острa, „не може ѣхати“, а послалъ въ Черниговъ Святослава Всеволодовича. Когда послѣдній явился къ перевозу на Деснѣ, то узналъ, что Черниговъ уже занятъ Изяславомъ Давидовичемъ. Онъ извѣстилъ объ этомъ своего дядю, и они оба бѣжали въ Новгородъ-Сѣверскій [1]).

Повидимому Святославу Ольговичу опять грозило изгойство, такъ какъ Изяславъ Мстиславичъ, при заключеніи мира съ Юріемъ, потребовалъ отъ него исключенія изъ договора условія о положеніи Ольговича [2]). Юрій долженъ былъ пожертвовать своимъ союзникомъ. Давидовичъ, сидѣвшій теперь въ Черниговѣ, вѣроятно не упустилъ-бы случая сосредоточить власть въ своихъ рукахъ, но, къ счастію для Святослава Ольговича, Юрій не хотѣлъ удаляться въ Суздальскій удѣлъ и заперся въ Острѣ. Въ это время Ольговичъ и Всеволодовичъ заключили союзъ и послали къ Давидовичу въ Черниговъ просить о возвращеніи имъ Новгородсѣверскаго удѣла съ принадлежащими къ нему областями. Въ виду невыяснившагося положенія Юрія, Давидовичъ не рѣшился затѣвать внутренней борьбы, и договоръ былъ заключенъ [3]). Въ силу его Святославъ Ольговичъ послалъ даже вспомогательный отрядъ къ союзникамъ, осаждавшимъ Юрія. Но лишь только послѣдній оставилъ Остеръ и отправился въ Суздаль, онъ принялъ его съ большимъ почетомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и снабдилъ необходимымъ на дорогу [4]): простое гостепріимство не могло быть поставлено ему въ вину и сохраняло для него хорошія отношенія и съ Юріемъ. Хотя онъ въ критическихъ обстоятельствахъ покинулъ своего союзника, но всетаки при новомъ столкновеніи въ родѣ Мономаховичей для Святослава не представлялось выбора: всѣ выгоды для его волости заключались въ союзѣ съ Юріемъ. Соединись онъ съ Мстиславичами и Давидовичами, силы Юрія были-бы подавлены, а затѣмъ Святославу

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 304.
[2]) Ипат. лѣт. стр. 306.
[3]) Ibidem. Стр. 307.
[4]) Ibidem.

пришлось-бы одному имѣть дѣло съ властолюбіемъ Давидовичей. Вотъ почему въ 1152 году мы снова видимъ его на сторонѣ суздальскаго князя. Дѣло началось съ того, что кіевскій князь и Давидовичи сожгли Остеръ, который принадлежалъ, какъ мы знаемъ, Юрію и служилъ ему наблюдательнымъ пунктомъ надъ дѣлами въ южной Руси. Этимъ ослаблялось вліяніе суздальскаго князя на Кіевъ, вслѣдствіи чего и послѣдовалъ рядъ новыхъ усобицъ. Но на этотъ разъ новгородсѣверскій князь попалъ еще въ худшее положеніе, чѣмъ прежде. Потерпѣвъ неудачу подъ Черниговомъ, Юрій теперь направился въ обратный путь чрезъ волость Святослава. Напрасно послѣдній просилъ не оставлять его въ такомъ затруднительномъ положеніи, указывая на убытки, понесенныя его удѣловъ, Юрій ограничился только тѣмъ, что оставилъ ему своего сына, Василька, съ 50 человѣками дружины. Надо было ждать вторженія Давидовичей съ кіевскимъ княземъ въ Новгородсѣверскій удѣлъ. Въ то-же время Половцы, возвращаясь изъ-подъ Чернигова, разграбили окрестности Путивля. Осенняя распутица отдалила бѣду, но лишь только рѣки стали, кіевскій князь со всѣми союзниками явился подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Не смотря на сильное сопротивленіе жителей, непріятели взяли острогъ. Разлитіе-ли рѣкъ (?), какъ говоритъ Ипатьевская лѣтопись, или невозможность взять крѣпкій городъ, какъ говоритъ Никоновская, заставила кіевскаго князя согласиться на миръ [1]). Союзники отправились праздновать свои побѣды къ Изяславу Давидовичу въ Черниговъ.

Вслѣдъ за этимъ въ политикѣ Изяслава Давидовича является неожиданный поворотъ: онъ и Святославъ Ольговичъ съѣзжаются въ Хоробрѣ и уговариваются снова быть имъ „за одинъ мужь [2])“. Трудно объяснить этотъ фактъ. Какъ предположеніе можно сказать, что Изя-

---

[1]) Интересенъ здѣсь отрывокъ, находящійся въ Никоновской лѣтописи. Онъ приписываетъ Святославу Ольговичу непобѣдимость, а Новгороду-Сѣверскому—крѣпость и представляетъ дѣло въ обратномъ видѣ, что не Святославъ просилъ мира, а кіевскій князь самъ началъ объ этомъ переговоры. Затѣмъ прибавляетъ, что Изяславъ думалъ взять городъ руками „і сице возненесся, смирися, не успѣ-бо ничтоже. (Никон. Лѣт. т. II, стр. 135). Не занесенъ-ли этотъ отрывокъ сюда изъ недошедшей до насъ черниговской лѣтописи?

[2]) Ипат. лѣт. стр. 320.

славъ Давидовичъ былъ недоволенъ на кіевскаго князя за то, что онъ не оправдалъ его плановъ по отношенію новгородсѣверскаго удѣла. Можетъ быть и истощеніе черниговскаго удѣла способствовало этому. Неизвѣстно, долго ли бы продолжалось это согласіе, если-бы не измѣнились самыя обстоятельства. Давидовичъ по прежнему остается въ хорошихъ отношеніяхъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ и даже учавствуетъ въ его походѣ на галицкаго князя [1]), въ то время какъ Святославъ Ольговичъ держится въ сторонѣ отъ кіевскихъ событій. Черниговскій князь не оставлялъ стремленій къ Кіеву и, лишь только въ 1154 году умеръ Изяславъ Мстиславичъ, онъ сдѣлалъ попытку захватить кіевскій столъ [2]). Думая, что въ Кіевѣ начнутся неурядицы по поводу принятія новаго князя, Изяславъ Давидовичъ вздумалъ ими воспользоваться и попалъ въ довольно комическое положеніе. Онъ быстро отправился къ Кіеву. Лишь только онъ подъѣхалъ къ перевозу на Днѣпрѣ, старый Вячеславъ, дядя умершаго князя, послалъ его спросить: „зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ, кто тебя звалъ? Ступай въ Черниговъ“! Пришлось Давидовичу увѣрять, что онъ только затѣмъ явился, чтобы поплакать надъ гробомъ Изяслава и, не исполнивъ этого благаго желанія, отправиться назадъ, такъ какъ его въ Кіевъ не пустили [3]). Необходимо было поэтому держаться Святослава Ольговича, и они вмѣстѣ увѣдомляютъ Юрія суздальскаго о смерти кіевскаго князя [4]).

Въ Кіевъ явился братъ Изяслава Мстиславича, Ростиславъ, и Чернигову надо было ожидать новаго нападенія изъ Кіева, какъ слѣдствіе благихъ желаній Изяслава Давидовича. Но здѣсь произошелъ не менѣе комическій фактъ. Черниговъ осадили силы Ростислава и его племянника, Мстислава Изяславича, Не смотря на всѣ увѣренія Давидовича, что онъ никакихъ плановъ противъ нихъ не имѣлъ, союзники окружили городъ и требовали присяги, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ дѣла Кіева. Но въ это время явился на выручку Глѣбъ Юрьевичъ съ Половцами и сталъ у Бѣлоуса. Тогда осаждающіе очутились въ неловкомъ положеніи. Ростиславъ началъ просить у Дави-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 321.
[2]) Ibidem, стр. 323.
[3]) Ипат. лѣт. стр. 323.
[4]) Ibidem, стр. 324.

довича мира и въ тайныхъ переговорахъ обѣщалъ ему Кіевъ, даже Переяславль. Это дошло до Мстислава, и эти князья подъ стѣнами Чернигова передрались между собою и разбѣжались. Половцы захватили тогда очень много кіевлянъ, попался къ нимъ и Святославъ Всеволодовичъ. Изяславъ Давидовичъ и его жена выкупили на свой счетъ всѣхъ плѣнныхъ кіевлянъ и своего племянника и приказали не выдавать Половцамъ тѣхъ, которые успѣли спастись въ городъ [1]).

Оказавши такое покровительство плѣннымъ кіевлянамъ, Давидовичъ сейчасъ-же послалъ въ Кіевъ сказать: „хочю к вамъ поѣхати [2])“. Положеніе Кіева было въ это время весьма незавидное. Никоновская лѣтопись такъ намъ рисуетъ состояніе западной стороны Днѣпра: „тогда было очень тяжко христіанамъ, и былъ большой плачь и въ Кіевѣ, и въ Переяславлѣ, и въ прочихъ городахъ, и не осталось тогда ни одного князя въ Кіевѣ и было у нихъ большое „нестроеніе [3])“. Это „веліе нестроеніе“ объясняется начавшеюся борьбой партій, и на этотъ разъ черниговская, опираясь на близость Давидовича, на его услугу въ отношеніи кіевлянъ, одержала верхъ. Кіевляне послали въ критическихъ обстоятельствахъ епископа каневскаго, Демьяна, просить Изяслава занять велико-княжескій столъ. Отправляясь въ Кіевъ, Изяславъ Давидовичъ отдалъ Святославу Черниговъ [4]).

Съ этихъ поръ вся Сѣверская земля соединилась подъ властью дома Ольговичей (за исключеніемъ небольшаго промежутка отъ 1155—1158 годъ), которые по способностямъ стояли выше Давидовичей и отличались гораздо большимъ пониманіемъ фактовъ и пользы своего удѣла. Когда вслѣдъ затѣмъ Юрій явился на югѣ и сталъ требовать себѣ Кіева, какъ своей отчины, Святославъ Ольговичъ сейчасъ-же уступилъ Черниговъ снова Давидовичу, убѣждая его только отказаться отъ борьбы за Кіевъ [5]), потерявшій въ данное время всякое значеніе. По необходимости Давидовичъ долженъ былъ уступить и снова сѣсть въ Черниговѣ. Послѣдствіемъ было внѣшнее спокойствіе и пріобрѣтеніе черниговскимъ княземъ Корческа, новгородсѣверскимъ—Мозыря [6]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 327.
[2]) Ibidem.
[3]) Никон. лѣт. стр. 144, ч. II.
[4]) Ипат. лѣт. стр. 329.
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem стр. 331.

Но внутри Сѣверской области не обошлось безъ волненій. Давидовичу, какъ видно, невозможно было покинуть своихъ старыхъ централизаціонныхъ стремленій, и въ этомъ является самая рельефная черта, отличающая его отъ Ольговича. Послѣдній старается жить въ мирѣ съ своимъ племянникомъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, который владѣетъ у него нѣсколькими городами. Святославъ Ольговичъ не допускаетъ до борьбы внутри своего удѣла и старается помирить Юрія съ своимъ племянникомъ [1]) послѣ того, какъ онъ нѣсколько времени стоялъ на сторонѣ Мстиславичей. Святославъ Ольговичъ не думаетъ примѣнять къ нему права изгойства, и всё наказаніе ограничивается только мѣной городовъ, Карачева, Сновска и Воротынска, на три другіе [2]). Совсѣмъ иныя отношенія мы видимъ у Давидовича съ его племянникомъ, Святославомъ Владиміровичемъ. Изяславъ держитъ его только въ Березномъ и не даетъ ему Стародуба [3]), который принадлежалъ ему на основаніи порядка мѣны областей, что̀ ровносильно изгойству. Это обстоятельство и повело къ внутренней усобицѣ. Владиміровичъ бѣжалъ изъ Березны во Вщижъ, передался подъ покровительство Ростислава смоленскаго и захватилъ всѣ Подесенскіе города у Изяслава Давидовича. Пришлось Сѣверской землѣ снова испытать нашествіе Половцевъ, призванныхъ черниговскимъ княземъ для осады Вщижа [4]). Дѣло, какъ можно предполагать кончилось миромъ потому что далѣе мы встрѣчаемъ Владиміровича на сторонѣ его дяди.

Однако во внѣшней политикѣ Изяславъ Давидовичъ не отдѣлялся нѣкоторое время отъ Ольговича. Впрочемъ, черниговскій князь задумывалъ иногда составить союзъ князей противъ Юрія Долгорукаго, но встрѣчалъ препятствіе со стороны Ольговича и долженъ былъ поэтому оставлять свои замыслы [5]).

Въ 1158 году, въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ хорошей попойки у одного изъ бояръ, Юріи умеръ. 16-го мая его схоронили, а 19-го Изяславъ Давидовичъ былъ уже у Кіевѣ [6]). Сначала онъ не хотѣлъ отдавать

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 328.
[2]) Ibidem, стр. 329.
[3]) Ibidem, стр. 333.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, стр. 336,
[6]) Ibidem.

Чернигова Святославу Ольговичу и оставилъ въ немъ съ дружиной Святослава Владиміровича, но зная, что ему не усидѣть въ Кіевѣ безъ помощи новгородсѣверскаго князя, онъ принужденъ былъ уступить; послѣ похода Ольговичей подъ Черниговъ и съѣзда на рѣкѣ Свини, заключенъ былъ договоръ [1]), по которому какъ видно, Святославъ Ольговичъ получалъ Черниговъ, Святославъ Владиміровичъ—Вщижъ, а Святославъ Всеволодовичъ—Новгородъ-Сѣверскій, но область Вятичей по прежнему оставалась за Изяславомъ.

Овладѣвъ кіевскимъ столомъ, благодаря удачному совпаденію обстоятельствъ, удержаться на немъ Изяславъ не имѣлъ способностей. Далеко уступая въ хитрости Всеволоду Ольговичу, онъ не имѣлъ и ни какихъ воинскихъ дарованій, между тѣмъ какъ всякій изъ нихъ, завладѣвъ Кіевомъ, попадалъ въ одинаковое положеніе. Окруженные своими врагами, Мстиславичами, они должны были неизбѣжно позаботиться о захватѣ окрестныхъ городовъ, и особенно важнаго Турова. Въ то время, какъ Всеволодъ рядомъ удачныхъ политическихъ комбинацій умѣлъ достигать своихъ цѣлей, Изяславъ потерпѣлъ полную неудачу относительно Турова, не съумѣвъ даже обратить въ свою пользу изъявленіе покорности туровскаго князя. Умѣя, иногда, найти главную нить, которая могла-бы привести къ задуманной цѣли, Изяславъ не въ состояніи былъ ею воспользоваться и проигрывалъ дѣло. Это какъ нельзя лучше сказалось въ дѣлѣ съ галицкимъ княземъ. На сколько важно было овладѣть сосѣдними пригородами, столько-же необходимо было ослабить Галичъ, на который могли опираться Мстиславичи. Мы видѣли, что Всеволодъ Ольговичъ воспользовался для этого правомъ великаго князя вступаться за изгоевъ и достигъ возвышенія своего значенія, но не обезопасилъ себя на послѣдующее время отъ новыхъ вмѣшательствъ Галича въ дѣла кіевскаго князя. Планъ, задуманный Изяславомъ Давидовичемъ, при своемъ выполненіи, могъ имѣть громадныя послѣдствія. Какъ видно, Изяславъ начертилъ его себѣ еще раньше и, не оставляя мысли добиться кіевскаго стола, сталъ подготовлять его исполненіе, еще будучи въ Черниговѣ.

Въ это время въ Галичѣ происходила борьба двухъ партій—народной и боярской, овладѣвшей, окончательно, княземъ. Вся сила на-

---

[1]) Ibidem, и стр. 337.

ходилась въ рукахъ послѣдней, и земщина была подавлена. Но она не разъ старалась скинуть съ себя гнетъ аристократіи и призвать къ себѣ Ивана Ростиславича Берладника. Галицкій князь пытался различными способами овладѣть этою энергическою личностью, но неудачно. Въ 1157-мъ году Берладника уже скованнаго привезли изъ Суздаля въ Кіевъ, и Юрій хотѣлъ отдать его своему зятю, галицкому князю, но былъ остановленъ протестомъ всего кіевскаго духовенства. Однакоже онъ не отпустилъ его на волю, а въ оковахъ отправилъ обратно въ Суздаль. Изяславъ Давидовичъ, наблюдавшій изъ Чернигова за Кіевомъ, послалъ своихъ людей; они захватили Берладника на дорогѣ и привезли въ Черниговъ[1]).

Теперь у черниговскаго князя было страшное оружіе противъ Галича. Но Изяславъ не остановился на этомъ: онъ задумалъ стать на сторонѣ народной партіи въ Галичѣ, для чего завелъ съ нею сношенія[2]), посадить тамъ Берладника и такимъ образомъ связать судьбу этого княжества съ домомъ Святославичей. Въ Галичѣ отлично поняли угрожающую опасность галицкій князь умѣлъ соединить почти всѣхъ русскихъ князей около себя, и послы ихъ явились въ Кіевъ съ требованіемъ выдачи Берладника. Не смотря на коалицію, Изяславъ Давидовичъ имѣлъ мужество отказать имъ. Въ слѣдъ за тѣмъ въ Галичѣ началось междоусобіе. Тогда союзники рѣшили силою принудить Изяслава къ выполненію ихъ требованія. Но послѣдній также не выпускалъ ихъ изъ вида. Онъ послалъ къ Святославу Ольговичу въ Черниговъ, обѣщалъ Чичерскъ и Мозырь, требуя помощи на случай нападенія. Всѣ князья дома Святослава съѣхались въ Лутавѣ, три дня пировали и дарили другъ друга. Вслѣдъ за тѣмъ Изяславъ Давидовичъ, какъ-бы ничего незная о замыслахъ галицкаго князя, посылаетъ къ нему извѣщеніе о своихъ хорошихъ отношеніяхъ съ братьями. Эта уловка подѣйствовала: союзники остановились. Удачно избѣжавъ опасности, Изяславъ не съумѣлъ провести дѣло дальше. Не пріобрѣвши еще въ кіевской области ни одного пункта, не постаравшись разстроить союза князей, онъ въ томъ же году начинаетъ войну съ Галичемъ изъза Берладника. Всѣ представленія Святослава Ольговича, что-бы онъ оставилъ свое предпріятіе, кончились тѣмъ, что Изяславъ пригрозилъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 335.

[2]) Ibidem, стр. 342.

прогнать его снова въ Новгородъ-Сѣверскій и двинулся въ походъ безъ него [1]). Этимъ воспользовались Мстиславичи и кіевляне. Первые двинулись на Изяслава, вторые измѣнили ему въ рѣшительную минуту. Онъ принужденъ былъ бѣжать въ область Вятичей [2]).

Святославъ Ольговичъ не пустилъ его въ Черниговъ, и такимъ образомъ къ Изяславу, какъ будто былъ примѣненъ законъ изгойства. Этимъ, какъ можно предполагать, черниговскій князь думалъ оградить Сѣверскую землю отъ новаго вторженія Мстиславичей, что необходимо должно было произойти, если-бы Изяславъ снова сѣлъ въ Черниговѣ. Но, оберегая свой удѣлъ съ этой стороны, Святославъ Ольговичъ поднялъ въ ней внутреннее междоусобіе, которое продолжалось отъ 1159 до 1162-го года. Въ это время и Святославъ и Изяславъ показали огромную энергію. Первый, заключивъ мирный договоръ съ кіевскимъ княземъ въ Моровскѣ, энергически принялся за борьбу противъ Давидовичей. Онъ побилъ Половцевъ у Путивля, нѣсколько разъ оборонялъ Черниговъ противъ Изяслава и заставилъ его племянника признать свою власть, оставивши однако за нимъ его удѣлъ [3]). Послѣ этого Изяславу Давидовичу оставалось только ограничиться областью Вятичей и отказаться отъ Чернигова, но неожиданно дѣла приняли другой оборотъ.

Какъ можно предполагать, черниговцы были недовольны дружественными отношеніями своего князя съ Мстиславичами; плохо приходилось, вѣроятно, и черниговской партіи въ Кіевѣ, и вотъ начинаются сношенія между Кіевомъ, Черниговомъ и Изяславомъ Давидовичемъ. Результатомъ ихъ была цѣлая интрига, искусно выполненная боярами. Въ это время Ростиславъ кіевскій пригласилъ къ себѣ сына Святослава, Олега, для закрѣпленія дружественныхъ отношеній между Черниговомъ и Кіевомъ. Лишь только молодой Святославичъ пріѣхалъ въ Кіевъ, къ нему явился одинъ изъ бояръ, служившихъ у Ростислава, и предупредилъ его подъ тайной, что его хотятъ схватить. Олегъ Святославичъ сейчасъ-же, подъ предлогамъ болѣзни матери, отпросился у Ростислава въ Черниговъ. Не сказавъ ничего своему отцу, Олегъ сталъ проситься у него въ Курскъ. На дорогѣ его уже ждали бояре

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 341—3.

[2]) Ibidem, стр. 344.

[3]) Ibidem стр. 345, 346, 347—8, 349.

Изяслава Давидовича и стали его убѣждать: „а хорошо-ли это князь, что тебя хотѣли схватить въ Кіевѣ, а Черниговъ уже отдаютъ подъ твоимъ отцомъ другому; и ты, и отецъ твой поэтому свободны отъ заключеннаго договора“. Вслѣдъ за этимъ Олегъ Святославичъ и Святославъ Всеволодовичъ соединились съ Изяславомъ Давидовичемъ. Когда объ этомъ узналъ Святославъ Ольговичъ и сталъ жаловаться своимъ боярамъ, они отвѣчали ему: „удивительное дѣло князь, что ты жалуешься на племянника и Олега, а о своей жизни не заботишься; а это уже тебѣ не ложь, что Романъ Ростиславичъ посылалъ своего попа къ Изяславу, говоря: „даетъ тебѣ отецъ Черниговъ, будь со мною въ ладу“, а самъ (Ростиславъ) еще сына твоего хотѣлъ схватить въ Кіевѣ; а ты, князь, и волость свою разорилъ, держась Ростислава, а онъ тебѣ лѣниво помогаетъ [1])“. Аргументы были очень сильны: изъ нихъ было видно, что черниговцы недовольны за внутренній раздадъ; племянникъ и сынъ были уже на сторонѣ Изяслава; надо было опасаться, чтобы черниговцы не приняли Изяслава сами. Святославъ Ольговичъ заключилъ договоръ съ Изяславомъ и позволилъ курскому и новгородсѣверскому князьямъ помогать ему.

Изяславъ Давидовичъ нанялъ Половцевъ и съ своими союзниками снова овладѣлъ Кіевомъ послѣ жаркой битвы. Ростиславъ бѣжалъ въ Бѣлгородъ, и этому небольшому городку пришлось положить конецъ всѣмъ предпріятіямъ Изяслава.

Для привлеченія къ себѣ кіевлянъ Изяславъ Давидовичъ отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ, и затѣмъ двинулся къ Бѣлгороду, но не имѣлъ никакого усцѣха. Въ это время Святославъ Ольговичъ присылалъ къ нему, убѣждая отступить за Днѣпръ, но Изяславъ отказался, говоря, что ему лучше умереть здѣсь, чѣмъ скитаться безъ мѣста [2]). Между тѣмъ противъ него составился союзъ изъ всѣхъ Мстиславичей и галицкаго князя. Союзники двинулись къ Бѣлгороду. Изяславъ бѣжалъ, но былъ настигнутъ Торками и убитъ 6-го марта. Мстиславъ отправилъ его тѣло въ Черниговъ, гдѣ оно было погребено въ Борисо-Глѣбскомъ соборѣ [3]).

Не долго послѣ прокняжилъ и Святославъ Ольговичъ. Послѣднее

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 351—2.

[2]) Ibidem стр. 354.

[3]) Ibidem стр. 354, 355.

время онъ заключилъ миръ съ Ростиславомъ и посылалъ своихъ младшихъ князей къ нему на помощь. Онъ умеръ 15-го февраля 1164 года[1]).

IX.

Святославъ Всеволодовичъ.

1164—1194 г.

Весь прошедшій періодъ исторіи Сѣверской земли прошелъ, какъ мы видѣли, въ борьбѣ Святославичей за обычное право княжескаго рода, по которому Русь принадлежала не одному какому—нибудь княжескому семейству, но всѣмъ князьямъ этого рода. Представителемъ Руси былъ Кіевъ, а слѣд. и борьба переносилась на завладѣніе этимъ городомъ. До времени Мономаха этотъ принципъ строго соблюдался, но съ того времени, какъ онъ занялъ кіевскій столъ, право владѣть Кіевомъ, а слѣд. гегемонію надъ всѣми другими линіями князей присвоиваетъ себѣ сначала онъ самъ, а потомъ его дѣти. Наконецъ Мстиславичи стараются поставить тотъ принципъ, что Кіевъ есть ихъ вотчина. Другая княжеская семья, Святославичей, понятно, не могла уступить и позволить Мономаховичамъ унизить себя и прямо высказываетъ, что и Святославичи—ни венгры, ни ляхи, а такіе-же русскіе князья, которые имѣютъ одинаковыя права съ Мономаховичами. Въ безплодной борьбѣ за Кіевъ ослабла окончательно Сѣверская земля. И вотъ среди Святославичей являются князья, которые указываютъ на безполезность этой борьбы, на необходимость усиленія своей области внутреннимъ спокойствіемъ, въ то время какъ другая половина ихъ продолжаетъ эту борьбу и оканчиваетъ исчезновеніемъ семейства Давидовичей. Теперь, когда вся Сѣверская земля сгруппировалась въ однихъ рукахъ Ольговичей, можно было ожидать, что они откажутся отъ стремленій въ Кіевъ, но оставить ихъ было уже невозможно. Руси угрожалъ новый принципъ, зародившійся на сѣверѣ, въ области князей суздальскихъ, принципъ, начало котораго мы видимъ въ стремленіяхъ Мономаха, принципъ единовластія, въ силу котораго суздальскіе князья

---

[1]) Ibidem, стр. 356, 357.

стараются забрать въ свои руки власть надъ всей Русью и сдѣлать остальныхъ князей не болѣе какъ подручниками, слугами великаго князя суздальскаго. Съ этимъ направленіемъ и приходится теперь вести борьбу южнымъ князьямъ и, надо сказать, они ведутъ её крайне неискусно, съ совершеннымъ непониманіемъ своихъ интересовъ. Вмѣсто того, чтобы забыть распри за кіевскій столъ, т. е., возстановить старое княжеское право, котораго справедливо добивались Ольговичи, и такимъ образомъ соединиться противъ новаго направленія, Мстиславичи выставляютъ еще сильнѣе принципъ главенства Мстиславовой семьи и тѣмъ отдѣляютъ Ольговичей отъ себя. Отсюда оба семейства, Ольговичей и Мстиславичей, стараются вести борьбу съ новымъ началомъ отдѣльно. Ольговичи, какъ ратовавшіе всё время за неприкосновенность княжескаго права, должны были явиться самыми первыми его защитниками, но они, по необходимости, защищали и другой принципъ, котораго представителями были преимущественно предъ прочими князьями, принципъ стараго, удѣльно-вѣчеваго устройства. Намъ придется теперь нѣсколько остановиться въ изложеніи исторіи Сѣверской земли и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стояли въ ней три начала древне-русской государственной жизни—князь, вѣче и дружина.

Наши источники даютъ намъ возможность только начертить вкратцѣ картину этихъ отношеній, но ни какъ не полный очеркъ. Лѣтописи крайне несостоятельны съ этой стороны, а грамотъ или другихъ какихъ—нибудь документовъ до насъ не дошло. Поэтому только необходимость разъяснить себѣ послѣдующій ходъ фактовъ заставляетъ насъ остановиться на положеніи князя, вѣча и дружины въ Сѣверской землѣ.

Съ княжеской властью здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, неразлучны были прерогативы—суда, начальствованія надъ войскомъ и сбора дани въ различныхъ ея видахъ. Въ началѣ, когда Сѣверская земля была подчинена кіевскимъ князьямъ, эти права князя соблюдались во всей ихъ полнотѣ; но послѣ ея обособленія съ перваго-же времени князья начинаютъ нуждаться въ опорѣ земства, такъ какъ вести борьбу съ своими врагами, кіевскими князьями, собственными своими силами они не могли. Поэтому князья должны были дѣлать уступки земству и сообразовать свои планы съ его желаніемъ. Собственныхъ средствъ князья не имѣли, потому—что не владѣли земельною собствен-

ностію, хотя движимое имущество должно было быть уже въ силу того, что могло скопляться благодаря дани. Тѣ села, которыми владѣли князья, вовсе не указываютъ на земельное владѣніе. Эти села, поля и пастбища давались князьямъ на кормленіе, точно такъ-же, какъ въ Новгородѣ. Съ этою же цѣлью давались цѣлые города. Такъ городомъ княгини черниговской былъ Обловь [1]), причемъ жена князя, сидѣвшаго въ Черниговѣ, получила съ него дань. Когда Игорь сидѣлъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ онъ пользовался доходами съ извѣстныхъ сёлъ; затѣмъ ими пользовался братъ его Святославъ, но переходѣ котораго на черниговскій столъ владѣніе ими перешло къ Святославу Всеволодовичу.

Доходами съ этихъ имѣній и дани князья содержали дружину. Люди, служившіе въ ней, употреблялись, какъ посланники, при другихъ князьяхъ, какъ посадники князей по городамъ. Такъ мы видимъ Костяжка, боярина Святослава Ольговича, посломъ у Изяславичей въ Черниговѣ. Унего-же въ дружинѣ находимъ 90-лѣтняго старика, Петра Ильича [2]), который служилъ еще его отцу, и потому, по опытности, былъ близкимъ его совѣтникомъ. Дружина составляла ближайшій совѣтъ князя. Такъ Святославъ Ольговичъ обращается за совѣтомъ къ своимъ мужамъ въ критическихъ обстоятельствахъ, во время осады Новгорода-Сѣверскаго. Основываясь на ихъ мнѣніи, онъ посылаетъ къ Давидовичамъ посла и отступаетъ въ область Вятичей [3]). Тотъ же фактъ можно видѣть въ намекѣ лѣтописи, упрекающей Олега Святославича за то, что онъ не поѣхалъ на судъ въ Кіевъ [4]). Во время войны дружина составляла ядро, около котораго групировались земскія ополченія.

---

[1]) Когда въ 1159 году Изяславъ Давидовичъ бѣжалъ изъ Кіева въ область Вятичей, то по дорогѣ напалъ на Обловь и разграбилъ его. Лѣтопись называетъ этотъ городъ княгининымъ. Обловь, какъ мы знаемъ, принадлежалъ къ Черниговской волости и потому спеціально принадлежать женѣ Святослава не могъ. Очевидно, онъ былъ данъ женѣ Святослава, когда она стала черниговской княгиней. По аналогіи можно тоже самое заключить и о селахъ. Лѣтописныя извѣстія совсѣмъ не говорятъ ни за, ни противъ этого заключенія.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 241.

[3]) Ibidem, стр. 237.

[4]) Ibidem, стр. 160.

Сила вѣча въ Сѣверской землѣ была велика. Мы видѣли, что города защищаютъ своихъ князей: стародубцы защищаютъ Олега Святославича, новгородсѣверцы его сына, путивльцы, куряне, борятся за его интересы. Но при этомъ нужно замѣтить, что въ данное время интересы вѣча совпадали съ княжескими: они боролись противъ централизаціи Давидовичей. Вѣче всё-таки впереди ставило пользу свою, своего города, что̀ видно изъ политики этихъ-же городовъ. Когда князь предпринималъ что-нибудь въ ущербъ родной области, вѣче отказывало ему въ поддержкѣ и не давало ополченій. Такъ черниговцы приказали Всеволоду Ольговичу мириться съ кіевскимъ княземъ. Что̀ сборъ ополченій зависѣлъ отъ вѣча, видно еще и изъ того, что Давидовичи, не имѣя силъ сладить съ Ольговичемъ своими дружинами и желая усилить себя, собираютъ вѣче въ Дѣдославлѣ и просятъ его поднять Вятичей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе права вѣча должны были расширяться. Постоянная необходимость для князей опираться на его силу заставляла ихъ уступать его требованіямъ. Уже въ самый начальный періодъ нашей исторіи мы видимъ, что тмутараканцы принимаютъ къ себѣ различныхъ князей по своей волѣ и, наконецъ, шлютъ къ Святославу Ярославичу за его сыномъ. Черниговцы принимаютъ Всеволода Ольговича и помогаютъ ему сѣсть у себя. Стародубцы, какъ будетъ видно далѣе, зовутъ къ себѣ Олега Святославича. Муромцы выгоняютъ отъ себя посадниковъ Олега Святославича и принимаютъ княземъ Изяслава Владиміровича. И князья, стараясь противодѣйствовать этому праву, не помышляютъ однако объ его уничтоженіи. По ту сторону Днѣпра развитіе вѣча было тоже не менѣе сильно, но отношеніе князей къ нему было совсѣмъ иное. Тамъ мы видимъ постоянное передвиженіе князей ихъ одной области въ другую, слѣд. интересы, соблюдаемые ими, были только личными интересами. Въ другомъ положеніи были князья Сѣверской земли: какихъ-бы волостей они не искали, они опирались на ополченія своей области; какія-бы пораженія не терпѣли, они бѣжали опять въ свои города, въ свои волости и находили въ нихъ защиту. Вездѣ лѣтописныя извѣстія говорятъ, что князей защищали горожане, а не ихъ дружина. Сѣверская земля неотъемлемо принадлежала только Святославичамъ. Вотъ почему и на сѣверѣ, въ В. Новгородѣ, они являются представителями земства и ведутъ борьбу съ боярской партіей. По Мстиславичамъ сожалѣютъ только бояре, люди богатые, а черниговскіе князья даютъ льготу всѣмъ бѣднымъ людямъ

не платить дани пять лѣтъ [1]). Въ Полоцкѣ они также умѣютъ привлечь на свою сторону вѣче и находятъ потомъ въ этой области себѣ поддержку [2]).

Такимъ образомъ князья Сѣверской земли являлись представителями не только исконнаго княжескаго права, но и вѣчеваго устройства, столь дорогаго для Руси. Если Мстиславичи были защитниками личныхъ правъ князей, то Святославичи должны были бороться за весь удѣльно—вѣчевой строй.

Но этотъ-же, сильно развившійся удѣльно—вѣчевой порядокъ въ Сѣверской землѣ не давалъ возможности бороться противъ новаго начала, зародившагося на сѣверѣ. Для этого надо было болѣе сосредоточенія власти въ рукахъ одного, чего-бы не допустили ни города, ни опирающіеся на нихъ другіе князья. Между тѣмъ на сѣверѣ князь стоялъ съ самаго начала въ другой обстановкѣ. „Тамъ была почва новая, дѣвственная, на которой новый порядокъ вещей могъ приняться легче: здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій объ единствѣ княжескаго рода. Въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ: то былъ Ростовъ..... Скоро начали около него возникать города новые [3])“, которые строились самими князьями, заселялись ими, поэтому становились съ ними въ тѣсную связь, находились въ полной ихъ власти. Опираясь на эти новые города, обязанные ему своимъ существованіемъ, не имѣвшіе старыхъ вѣчевыхъ преданій, князь суздальскій могъ легко уничтожить весь старый порядокъ. „Андрей (Боголюбскій) выгналъ племянниковъ отъ старшаго брата, Ростислава, наконецъ, выгналъ старыхъ отцовскихъ бояръ, мужей отца своего переднихъ. Онъ это сдѣлалъ, говоритъ лѣтопись, желая быть самовластцемъ во всей суздальской землѣ [4])“. Ничего подобнаго не могли сдѣлать князья Сѣверской земли. Мы видѣли уже, чѣмъ кончилась попытка Давидовичей. Да и сами князья сжились вполнѣ съ удѣльно-вѣчевымъ строемъ, а въ періодъ, описываемый нами, когда на сѣверѣ явилось новое направленіе, этотъ старый порядокъ сталъ для нихъ защитникомъ ихъ личныхъ правъ.

---

[1]) Никон. лѣт. стр. 361.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 307—8.

[3]) Соловьевъ. II, стр. 240 и 250.

[4]) Ibidem. Стр. 254.

Но бороться силами одной своей области противъ суздальскихъ князей сѣверскіе князья не могли вслѣдствіе ея раздробленности. Чтобы имѣть одинаковую силу съ Суздалемъ, необходимо было сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе областей на югѣ и стать во главѣ ихъ. Это возможно было только для того, кто владѣлъ Кіевомъ. Отсюда и для Мстиславичей и для Ольговичей является потребность захватить кіевскій столъ. Такимъ-то образомъ стремленія въ Кіевъ стали для Ольговичей историческою необходимостью. Вслѣдствіе личныхъ плановъ Мстиславичей, не хотѣвшихъ признать исконныхъ правъ Ольговичей, борьба съ Суздалемъ осложнилась борьбой за Кіевъ. Но силы, какъ Мстиславичей, такъ и Ольговичей, были почти равны, поэтому и тѣ и другіе стараются присоединить къ себѣ Галичь. И вотъ борьбой противъ новаго направленія, стремленіемъ захватить Галичь и Кіевъ, характеризуется періодъ княженія Святослава Всеволодовича и всей остальной исторіи Сѣверской земли до подчиненія ея Литвѣ.

Но, не смотря теперь на необходимость завладѣть Кіевомъ, черниговцы тотчасъ послѣ смерти Святослава Ольговича выказываютъ желаніе не вмѣшиваться въ дѣла другой стороны Днѣпра. Это выразилось тѣмъ, что они стараются посадить у себя Олега, сына умершаго князя, котораго политика состояла въ охраненіи только своей области, хотя черниговскій столъ по праву старшинства принадлежалъ Святославу Всеволодовичу. Бояре умершаго князя, его вдова и епископъ отправили въ Курскъ къ Олегу предлагая ему скорѣе пріѣхать въ Черниговъ, указывая на то, что Святославъ Всеволодовичъ неладно жилъ съ его отцомъ. Всѣ бояре и епископъ цѣловали крестъ у св. Спаса, что они не извѣстятъ Святослава Всеволодовича. Но, какъ видно, духовенство могло болѣе ожидать для себя отъ послѣдняго, что̀ отчасти и оправдалось впослѣдствіи, чѣмъ отъ Олега Святославича, котораго и отецъ, и дѣдъ относились къ религіи равнодушно. Епископъ, поцѣловалъ крестъ, въ то-же время послалъ къ Святославу Всеволодовичу, извѣщая его о черниговскихъ дѣлахъ и приглашая ѣхать какъ можно скорѣе. Но Олегъ явился въ Черниговъ раньше Святослава. Послѣдній, получивъ епископскую грамоту, быстро послалъ своего сына въ Гомель и посадниковъ по городамъ черниговской волости, двинулся къ Чернигову. Узнавъ, что тамъ Олегъ, Святославъ началъ съ нимъ переговоры, слѣдствіемъ которыхъ была уступка ему Чернигова, а Олегъ взялъ себѣ Новгородъ-Сѣверскій. Но всё—таки безъ внутреннихъ смутъ не обошлось. Въ

договоръ было включено условіе, что Святославъ Всеволодовичъ надѣлитъ также братьевъ Олега, Игоря и Всеволода, но новый черниговскій князь наслѣдовалъ отъ своего отца, Всеволода Ольговича, всю его тактику и потому объ исполненіи договора не позаботился. Вслѣдствіе этого, когда во Вщижѣ умеръ Святославъ Владиміровичъ, послѣдній изъ семейства Давидовичей, Олегъ потребовалъ этотъ городъ себѣ, но черниговскій князь отдалъ его своему сыну, а въ Стародубъ посадилъ своего брата, Ярослава Всеволодовича. Но стародубцы, по примѣру Чернигова, также болѣе желали имѣть княземъ Олега и послали звать его къ себѣ. Тогда Ярославъ Всеволодовичъ быстро занялъ Стародубъ своимъ гарнизономъ и такимъ образомъ уничтожилъ для стародубцевъ возможность передаться Олегу [1]). Началось междоусобіе, благодаря которому Мстиславичи опять имѣли возможность вмѣшаться въ дѣла Сѣверской земли. Ростиславъ, князь кіевскій, приказываетъ Святославу дать волости братьямъ Олега, но черниговскій князь съумѣлъ, какъ видно, не придать значенія этому приказанію и двинулся на Олега къ Новгороду-Сѣверскому. Тогда Ростиславъ принялъ на себя только посредничество. Дѣло уладилось тѣмъ скорѣе, что Олегъ въ это время былъ боленъ и не могъ силой отстаивать своихъ интересовъ: онъ получилъ отъ Святослава четыре города, и противники помирились [2]).

Но не смотря на это, въ періодъ до 1170 года Сѣверская земля наслаждалась спокойствіемъ. Между ея князьями и Кіевомъ былъ миръ. Это объясняется въ началѣ родственными отношеніями Олега Святославича и Ростислава, вслѣдствіе чего черниговскому князю неудобно было дѣйствовать: онъ по уму стоялъ гораздо выше Давидовичей; во вторыхъ тѣмъ, что не было удобнаго случая вмѣшаться въ кіевскія дѣла, такого случая, который-бы заставилъ соединиться всѣхъ Ольговичей. Дѣйствительно, на послѣдующее время мы видимъ у нихъ полное единодушіе и готовность служить планамъ Святослава Всеволодовича. Въ это время сѣверскіе князья сами ведутъ удачно борьбу съ Половцами и учавствуютъ въ походахъ Мстислава [3]).

Но уже съ 1170 г. дѣла принимаютъ другой оборотъ [4]). Суздальскій

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 360—1.

[2]) Ibidem стр. 360.

[3]) Ibidem стр. 368—370.

[4]) По хранологіи Ипатьевской лѣтописи.

князь въ этомъ году дѣлаетъ первую попытку для распространенія своего вліянія на дѣла южной Руси. Онъ посылаетъ своего сына Мстислава взять Кіевъ. Ольговичи, желая съ себя скинуть „хожденіе въ волѣ Мстиславичей“, пристаютъ къ нему. Но замѣчателенъ тотъ фактъ, что Святославъ Всеволодовичъ самъ лично не участвуетъ въ походѣ, не желая быть подъ начальствомъ Андрея и сохраняя тѣмъ достоинство самостоятельнаго князя, а посылаетъ младшихъ князей, Олега и Игоря, давши имъ и черниговское ополченіе [1]).

8-го марта 1170 года Кіевъ былъ взятъ союзниками, а Мстиславъ Изяславичъ бѣжалъ во Владиміръ [2]). Пришлось теперь „матери городовъ русскихъ“ поплатиться за всю свою прежнюю политику: суздальцы, смольняне, черниговцы, новгородсѣверцы, выместили тутъ свою долголѣтнюю, накопившуюся злобу. „Два дня грабили городъ, и Подолъ и гору, и монастыри и св. Софію и Десятинную Богородицу, и не было помилованія никому ни откуда; церкви жгли; однихъ убивали, другихъ вязали; женъ вели въ плѣнъ, силою отлучали отъ мужей; младенцы плакали, глядя на своихъ матерей; всѣ церкви были ограблены; все имущество забрали; ограбили въ церквахъ и книги, и иконы, и ризы и колокола всѣ, и всѣ святыни захватили, и Печерскій монастырь зажгли“. Такую картину рисуетъ намъ лѣтописецъ, наивно прибавляя, что всё это случилось „грѣхъ ради нашихъ [3])“.

Но Андрей, князь суздальскій, не сѣлъ въ Кіевѣ, а оставилъ тамъ своего младшаго брата, Глѣба, и началъ заправлять дѣлами Руси, стараясь подчинить себѣ всѣхъ князей. Ольговичи пока еще ничего не предпринимаютъ противъ Суздаля; напротивъ они поддерживаютъ его для униженія Мстиславичей, и при вторичномъ походѣ къ Кіеву въ 1174 г. Святославъ Всеволодовичъ уже играетъ на югѣ роль старѣйшаго князя, причемъ подъ его властью находится двадцать князей; онъ распоряжается даже суздальскими ополченіями, раздавая приказанія братьямъ Андрея Боголюбскаго [4]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 372.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Этотъ походъ произошелъ по слѣдующему поводу. Братъ Андрея, Глѣбъ, вскорѣ умеръ въ Кіевѣ. Было подозрѣніе, что его отравили. Указывали даже на боярина Хотовича, какъ на виновника этого факта. Андрей

Если, добиваясь первенства на югѣ, черниговскій князь содѣйствовалъ все-же выполненію плановъ Андрея, хотя-бы даже какъ союзникъ, и тѣмъ увеличивалъ его силу, то такая политика была необходима и могла привести все—таки къ цѣли.

Сейчасъ-же послѣ этого похода Святославъ Всеволодовичъ дѣлаетъ попытку овладѣть Кіевомъ. Въ это время тамъ сѣлъ Ярославъ Изяславичъ. Черниговскій князь, на основаніи раньше заключеннаго съ нимъ договора, требуетъ, чтобы ему была дана какая—нибудь волость на правой сторонѣ Днѣпра. Здѣсь окончательно былъ высказанъ принципъ отчинности Кіева въ семействѣ Мстиславичей. „Чему тобѣ наша отчина? тобѣ си сторона не надобѣ“, говорилъ Ярославъ. На это Святославъ Всеволодовичъ отвѣчалъ: „я не Угринъ, ни Ляхъ, но одиного дѣда есмы внуцы, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ“, и двинулся къ Кіеву. Ярославъ бѣжалъ.

Но на этотъ разъ прочно утвердиться на кіевскомъ столѣ черниговскому князю не удалось, потому что внутри Сѣверской земли началось снова междоусобіе, хотя, какъ можно полагать, кіевляне сами содѣйствовали Святославу. Когда Ярославъ явился въ Кіевъ, то прямо обвиняетъ кіевлянъ, что они неожиданно подвели на него черниговскаго князя. Онъ ограбилъ всѣхъ кіевлянъ, игуменовъ, и монаховъ, и купцовъ, чтобы выкупить свою жену и дѣтей, захваченныхъ Святославомъ [1]). Какъ можно предполагать, внутренняя усобица началась опять изъ-за удѣловъ; Олегъ Святославичъ напалъ на Черниговскую волость, но дѣло на этотъ разъ кончилось только опустошеніемъ его собственной области [2]). Какъ видно, въ этихъ событіяхъ не послѣднюю роль играли стародубцы. Въ 1175 году мы снова видимъ Олега нападающимъ на Стародубъ въ союзѣ съ Ярославомъ кіевскимъ и сы-

---

потребовалъ у Романа Ростиславича его выдачи. Послѣдній отказался. Тогда Андрей приказалъ ему совершенно покинуть Русскую землю, а его братьямъ идти въ свои удѣлы. На это они отвѣчали отказомъ и насмѣялись надъ посломъ суздальскаго князя Михномъ. Онъ двинулъ войска на Кіевъ, и Ольговичи пристали къ нему. Но Мстиславъ геройски защищался въ Вышгородѣ, и походъ не удался. (Ипат. лѣт. стр. 386—391).

[1]) Ипат. лѣт. стр. 393.

[2]) Ibidem, и стр. 394.

номъ Ростислава [1]). Однако союзники, сожегши Лутаву и Моровскъ, заключили отдѣльный договоръ съ черниговскимъ княземъ. Тогда Святославъ Всеволодовичъ двинулся къ Новгороду-Сѣверскому и заставилъ Олега просить мира. Какъ видно новгородсѣверцы неохотно помогали своему князю и при первой-же стычкѣ сдались Святославу [2]). Это было послѣднимъ актомъ внутренней борьбы въ Сѣверской землѣ. Затѣмъ мы видимъ общее усиліе Ольговичей бороться за свои интересы.

Уже въ 1176 году, послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, черниговскій князь, не упустилъ удобнаго случая показать свое старѣйшинство въ Русской землѣ. Въ Суздалѣ начались междоусобія. Братья Андрея, Всеволодъ и Михалка, жили въ Черниговѣ. Святославъ Всеволодовичъ беретъ на себя возстановленіе ихъ правъ въ Суздалѣ. Онъ посылаетъ съ ними черниговское ополченіе подъ начальствомъ своего сына Владиміра. Этимъ, кромѣ поднятія своего авторитета, онъ достигалъ еще и ослабленія Рязани, князья которой уже были приглашены суздальцами. А у черниговскихъ князей были счеты съ рязанскими за пограничныя волости. Посадивъ Всеволода и Михалку въ Суздалѣ, Владиміръ возвратился къ отцу, а Олегъ Святославичъ былъ отправленъ проводить въ Москву женъ Всеволода и Михалки. На возвратномъ пути, онъ захватилъ Свирѣльскъ, отнятый рязанскими князьями у Сѣверской земли во время послѣднихъ смутъ. Рязанскій князь, Глѣбъ, послалъ противъ него своего племянника. Олегъ у Свирѣльска разбилъ его и взялъ многихъ въ плѣнъ. Самъ князь едва успѣлъ бѣжать [3]).

Распространивъ свое вліяніе на Суздальскую землю, Святославъ Всеволодовичъ ожидалъ только благопріятнаго случая для вмѣшательства въ кіевскія дѣла. Здѣсь онъ повелъ дѣло, прикрывшись общерусскими интересами. Въ 1177 году Половцы напали на предѣлы Кіевской области и, благодаря оплошности одного изъ князей, Давида, разбили русскія ополченія, ограбили и опустошили пограничныя мѣстности. Всѣ сѣверскіе князья зорко слѣдили за Кіевомъ. Услышавъ объ этомъ пораженіи кіевскихъ князей, „Ольговичи, Всеволодичъ Святославъ, обрадовашася“, говоритъ лѣтописецъ. Черниговскій князь,

---

[1]) Припомнимъ, что Олегъ былъ женатъ на дочери Ростислава; слѣд. сынъ послѣдняго приходился ему шуриномъ.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 403—405.

[3]) Ibidem стр. 407—408.

какъ старѣйшій въ русской землѣ, быстро двинулся къ Кіеву и потребовалъ у сидѣвшаго тамъ Романа суда надъ Давидомъ, виновникомъ несчастія Кіевской области, заявляя при этомъ, что личныхъ цѣлей онъ не имѣетъ, а заботится только объ интересахъ Руси. Романъ отказался исполнить требованіе Святослава. Тогда онъ послалъ за Днѣпръ Олега и Ярослава. Въ то-же время онъ приказалъ своему зятю, князю дорогобужскому, оставить Романа и напасть на Кіевъ. Романъ бѣжалъ. Святославъ сталъ у Вятичева. Къ нему явились кіевляне, извѣщая, что Романъ ушелъ въ Бѣлгородъ. 20-го іюля 1177 года Святославъ Всеволодовичъ вошелъ въ Кіевъ. Хотя Ростиславичамъ и удалось еще разъ изгнать его, но они поняли, что собственными силами имъ съ черниговскимъ княземъ не справиться, и потому добровольно уступили ему Кіевъ. Романъ отправился въ Смоленскъ [1]).

Между тѣмъ въ Суздальской землѣ борьба не прекращалась. Противъ Всеволода ведутъ борьбу его племянники отъ брата Ростислава. Рязанскіе князья становятся на сторонѣ послѣднихъ. Не желая терять вліянія на ходъ сѣверныхъ дѣлъ, Святославъ Всеволодовичъ ведетъ двойную игру. Онъ посылаетъ двухъ своихъ сыновей, Олега и Владиміра, на помощь Всеволоду, но въ то-же время старается и его держать въ рукахъ. Съ этой цѣлью, когда племянники и Глѣбъ рязанскій попались въ плѣнъ Всеволоду, и были заключены въ тюрьму, Святославъ становится на ихъ сторону и посылаетъ епископа черниговскаго, Порфирія, просить у суздальскаго князя освобожденія Глѣба, расчитывая, что онъ будетъ искать убѣжища у него на югѣ и дастъ, такимъ образомъ, грозное оружіе противъ суздальскаго князя. Но Всеволодъ Юрьевичъ, должно быть, понялъ, въ чемъ дѣло и, продержавъ пословъ два года, отпустилъ безъ успѣха [2]). Затѣмъ политика Всеволода пошла по дорогѣ, намѣченной уже Андреемъ Боголюбскимъ, и вскорѣ вліяніе суздальскаго князя еще съ большей силой начинаетъ распространяться на южную Русь. Святославъ начинаетъ энергическую борьбу съ Всеволодомъ, хотя наружно князья сохраняютъ между собою хорошія отношенія, и Всеволодъ выдаетъ даже за Владиміра Святославича свою племянницу, дочь умершаго князя, Михалки [3]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 410.

[2]) Ibidem, стр. 411.

[3]) Ibibem, стр. 414.

Въ 1180 г. Святославъ Всеволодовичъ собралъ всѣхъ князей Сѣверской земли на совѣщаніе. Съѣхались Игорь, Всеволодъ и Ярославъ [1]). Въ это время давленіе суздальскаго князя сталъ испытывать Новгородъ-Великій [2]). Рязани грозила потеря самостоятельности. Мы не ошибемся поэтому, если предположимъ, что предметомъ совѣщанія были сѣверныя дѣла. Слѣдствіемъ его было сношеніе съ рязанскимъ княземъ, Романомъ, которому Святославъ Всеволодовичъ приходился тестемъ. Черниговскій князь совѣтуетъ ему для усиленія своей земли сосредоточить власть въ своихъ рукахъ, обѣщая помогать. Совѣтъ былъ выполненъ, и выгнанные князья вмѣшиваютъ въ это дѣло Всеволода, признавая надъ собой его власть, называя его своимъ господиномъ. Всеволодъ двинулся на Романа. Святославъ послалъ въ Рязань своего сына, Глѣба. При первой-же стычкѣ Рязанцы были побиты, а Глѣбъ Святославичъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Коломнѣ. Всеволодъ заковалъ его и отправилъ во Владиміръ [3]). Такое нарушеніе княжескихъ правъ вызвало сильное негодованіе въ Сѣверской землѣ.

Между тѣмъ, еще до этого похода, въ началѣ 1180 года, тѣснимые Суздалемъ новгородцы послали въ Черниговъ просить сына Святослава къ себѣ на княженіе [4]). Такимъ образомъ, черниговскій князь могъ теперь дѣйствовать на Суздаль съ двухъ сторонъ. Лишь только онъ узналъ о плѣнѣ сына, то сейчасъ-же хотѣлъ двинуться на Всеволода и поставить его между двухъ огней, но, вспомнивъ о Ростиславичахъ, остановился „Мстилъ-бы я Всеволоду, вскричалъ онъ, да нельзя: Ростиславичи! Они мнѣ во всемъ вредятъ въ Русской землѣ [5])“. Надо было обезопасить себя съ этой стороны. Святославъ рѣшилъ захватить смоленскаго князя, Давида Ростиславича, выгнать изъ Русской земли Рюрика и сосредоточить всѣ ихъ области въ своихъ рукахъ. Обстоятельства, повидимому, ему благопріятствовали. Въ это время онъ былъ на охотѣ, на черниговской сторонѣ Днѣпра, а Давидъ ѣздилъ по рѣкѣ. Не посовѣтовавшись съ своими боярами, а сказавъ только

---

[1]) Олегъ Новгородсѣверскій умеръ въ 1179 г. Тамъ сѣлъ братъ его, Игорь. Ярославъ взялъ Черниговъ.

[2]) Воскрес. лѣт. стр. 95.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 416.

[4]) Никон. лѣт. стр. 239.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 416.

женѣ и Кочкарю, своему любимцу, онъ напалъ на Давида. Предпріятіе не удалось. Давидъ успѣлъ бѣжать. Послѣ этого оставаться въ Кіевѣ было уже невозможно. Святославъ отправился въ Черниговъ и собралъ сѣверскихъ князей на совѣщаніе, куда сдѣлать нападеніе: на Смоленскъ, или на Кіевъ? Со стороны князей высказалась полная готовность помогать планамъ Святослава; она выразилась въ простодушныхъ словахъ Игоря: „батюшка, хороша была тишина, но если она теперь не годится, то дай Богъ намъ только, чтобы ты былъ здоровъ [1])".

Между тѣмъ въ Кіевѣ составился цѣлый союзъ противъ Ольговичей. Кромѣ Ростиславичей въ немъ принялъ участіе и галицкій князь, Ярославъ. Интересы его неразрывно были связаны съ ослабленіемъ сѣверскихъ князей. Мы уже видѣли, что они два раза вмѣшивались въ дѣла Галича и при томъ становились всегда на сторонѣ Берладника, котораго призывала народная партія. Поэтому князь Галича всегда долженъ былъ опасаться ихъ силы тѣмъ болѣе, что сынъ Берладника [2]) былъ живъ, и земство еще не совсѣмъ было подавлено въ Галичѣ. Но на этотъ разъ союзъ не принесъ пользы. Святославъ рѣшился прежде всего остановить развивавшееся самовластіе суздальскаго князя и освободить сына. Собравъ князей Сѣверской земли онъ говорилъ: „я старѣе Ярослава [3]), а ты, Игорь, старѣе Всеволода [4])! А теперь я остался вамъ вмѣсто отца. Велю тебѣ, Игорь, съ Ярославомъ [5]) остаться здѣсь и охранять Черниговъ и всю волость, а я пойду на Всеволода къ Суздалю и возьму сына своего. Какъ насъ Богъ съ Всеволодомъ разсудитъ [6])"! Часть ополченій осталась въ Сѣверской землѣ, а съ другой половиной князь черниговскій двинулся въ Суздальскую область. На дорогѣ къ нему присоединился съ новгородскимъ ополченіемъ сынъ его, Владиміръ. Всеволодъ вышелъ противъ него съ силами Суздальской и Рязанской земель. Противники встрѣтились на берегахъ рѣчки, Влены. Суздальцы окопались, закрылись засѣками. Всеволодъ, этотъ прототипъ московскихъ князей, не рѣшался нападать,

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 416—417.

[2]) Берладникъ былъ отравленъ въ Греціи.

[3]) Галицкаго князя.

[4]) Суздальскаго князя.

[5]) Черниговскій князь.

[6]) Ипат. лѣт. стр. 418—419.

а ждалъ и сберегалъ свои силы. Менѣе жалѣя рязанскія дружины, онъ имъ приказалъ напасть на обозъ Святослава. Сначала дѣло шло успѣшно для рязанцевъ: они ворвались въ обозъ и смяли охранявшія его дружины, но быстро явился знаменитый буй-туръ Всеволодъ съ своими курянами и сильно побилъ рязанцевъ. Послѣ этого Святославъ Всеволодовичъ послалъ къ суздальскому князю своего священника съ другими послами. Онъ указывалъ на всё то, что было имъ сдѣлано хорошаго для Всеволода, и просилъ въ концѣ отступить нѣсколько отъ берега, чтобы можно было перейти его войскамъ, или, предлагалъ, что онъ самъ отодвинется, и пусть Всеволодъ перейдетъ на его сторону, чтобы рѣшить споръ оружіемъ. Но и это рыцарское предложеніе осталось безъ отвѣта, а послы не рыцарски были схвачены и отправлены, какъ плѣнники, во Владиміръ. Долго еще стояли враги. Наступила оттепель. Поэтому Святославъ Всеволодовичъ быстро двинулся назадъ. Тогда суздальскій князь приказалъ его преслѣдовать.

Отпустивъ Олега и Всеволода въ Сѣверскую землю, Святославъ съ Владиміромъ отправился въ Новгородъ. Новгородцы приняли его съ большимъ почетомъ и одарили [1]).

Между тѣмъ началась борьба съ Ростиславичами. Сѣверскіе князья находятъ себѣ поддержку въ Полоцкой землѣ, сопредѣльной съ Смоленскимъ удѣломъ. Мы видѣли еще раньше, что Всеволодъ Ольговичъ породнился съ полоцкимъ княземъ, Глѣбомъ Всеславичемъ. Теперь его внуки становятся на сторону Ольговичей. Кромѣ того, другая линія полоцкихъ князей была въ родственныхъ связяхъ съ Ростиславичами рязанскими [2]), а слѣд. во враждебныхъ отношеніяхъ ко всему роду Мономаховичей. Такимъ образомъ на сторону сѣверскихъ князей стали Глѣбовичи и Васильковичи. Но постоянный врагъ ихъ, сынъ Рогволода, князь друцкій, присоединился къ смоленскимъ князьямъ [3]). Надо было уничтожить этого внутренняго врага. Поэтому союзники двинулись сначала къ городу Друцку, но онъ уже былъ занятъ Давидомъ смоленскимъ. Лишь только явился Святославъ Всеволодовичъ, онъ бѣжалъ въ Смоленскъ. Сожегши городскія укрѣпленія, черниговскій князь отпу-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 435; Никон. лѣт. стр. 239.

[2]) Соловьевъ. II стр. 348.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 419.

стилъ новгородцевъ и чрезъ Рогачевъ пріѣхалъ въ Кіевъ [1]). Но Ростиславичи не успокоились и напали на Игоря, расположившагося съ половцами около Кіева, разбили ихъ и заставили Игоря бѣжать въ Черниговъ [2]). Затѣмъ неминуемо должно-бы послѣдовать новое изгнаніе Святослава изъ Кіева, но энергія его внушила и Ростиславичамъ убѣжденіе въ старѣйшинствѣ его въ Русской землѣ, и они уступили ему Кіевъ добровольно [3]). Слѣдствіемъ этого было неожиданное проявленіе уступчивости и со стороны суздальскаго князя: онъ прислалъ Святославу Всеволодовичу его сына и постарался войти съ нимъ въ самыя тѣсныя отношенія [4]). Между тѣмъ на сѣверѣ, въ В. Новгородѣ борьба противъ Суздаля продолжалась и, конечно, не безъ вѣдома Святослава. Владиміръ Святославичъ предложилъ новгородцамъ принять въ Торжокъ одного изъ выгнанныхъ суздальскимъ княземъ племянниковъ, именно Ярополка Ростиславича. Близость этой личности была очень опасна для Всеволода, но нерѣшительность Владиміра Святославича испортила всё дѣло. Лишь только Ярополкъ сѣлъ въ Торжкѣ, какъ сталъ нападать на сосѣднія области суздальскаго князя. Послѣдній быстро двинулся къ Торжку и осадилъ его. Новоторжцы защищались геройски, подъ конецъ ѣли конину, но, не получая помощи изъ Новгорода, сдались. Всѣ жители были уведены въ плѣнъ, городъ былъ разоренъ, а Ярополкъ бѣжалъ. Вслѣдъ затѣмъ новгородцы прогнали отъ себя Владиміра Святославича за неумѣнье защищать интересы ихъ области. Страшась дальнѣйшаго похода Всеволода, они взяли его свояка себѣ княземъ [5]). Такимъ образомъ цѣлый годъ былъ пропущенъ Святославомъ Всеволодовичемъ, и Новгородъ былъ для Ольговичей потерянъ.

Съ этого времени вліяніе суздальскаго князя снова растетъ и вскорѣ, благодаря удачному совпаденію историческихъ обстоятельствъ, распространяется на самые отдаленные концы южной Руси.

Въ 1182 г. Святославъ Всеволодовичъ, по просьбѣ суздальскаго князя, посылаетъ ему сына, Владиміра на помощь противъ волжскихъ

---

[1]) Ibidem стр. 421—2.

[2]) Ibidem, стр. 422—3.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

[5]) Никон. лѣт. подъ 1181 г.; Воскрес. лѣт. ч. I, стр. 96.

болгаръ[1]). Ничто въ то время не давало столь большой популярности, какъ борьба съ „невѣрными“. Это стремленіе къ борьбѣ съ врагами христіанства было распространено и по всей западной Европѣ[2]). Поэтому отказаться отъ участія въ походѣ противъ невѣрныхъ считалось дѣломъ позорнымъ и навлекало нерасположеніе всего современнаго общества. Видя движеніе Всеволода противъ болгаръ, Святославъ не хотѣлъ уступить ему въ готовности драться во славу христіанства и началъ рядъ своихъ знаменитыхъ походовъ противъ половцевъ. Описывать ихъ мы не будемъ, потому что они, по большей части, извѣстны. Мы не будемъ говорить и о знаменитомъ походѣ Игоря Святославича, послужившемъ сюжетомъ для творца „Слова о Полку Игоревѣ“, походѣ, представляющемъ фактъ княжескаго удальства, но фактъ вполнѣ безполезный. Для насъ важнѣе тѣ послѣдствія, которыя повлекли за собой эти походы.

Грустную картину рисуетъ лѣтописецъ послѣ пораженія сѣверскихъ князей: „возмятошася городи Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новгородѣ Сиверьскомъ, и по всей волости черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; городы возставахуть и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князехъ своихъ[3])“. Святославъ для защиты Посемья отправилъ своихъ сыновей, Владиміра и Олега, послалъ въ Смоленскъ, поручая Давиду защищать Кіевскую область. Ярославъ черниговскій собралъ ополченія и стоялъ на готовѣ[4]). Между тѣмъ половцы напали на Переяславское княжество и Посемье. Ханъ половецкій, Кза, сожегъ наружныя укрѣпленія Путивля. Отовсюду требовали отъ Святослава помощи. Онъ посылалъ къ Давиду, но тотъ не могъ двинуться, потому что смольняне отказались идти[5]). Всѣ дальнѣйшіе походы были неудачны. Все это придавало бодрости половцамъ и вмѣстѣ раздражало ихъ. Благодаря этому ряду походовъ, Сѣверская земля была

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 422.

[2]) Не забудемъ, что въ это время шла въ Палестинѣ отчаянная борьба съ Турками.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 435.

[4]) Ibidem, стр. 435.

[5]) Ibidem. Стр. 438.

сильно ослаблена, въ особенности Новгородсѣверскій удѣлъ. Ослабляя себя безплодной борьбой съ половцами, князья давали возможность сѣверному князю незамѣтно расширять свое вліяніе на южную Русь. Борьбы тутъ не было, да ея и быть не могло между сильнымъ, сплоченнымъ Суздалемъ и разрозненною, ослабленною Сѣверской землей. Уже во время послѣднихъ походовъ начинаетъ чувствоваться вліяніе Всеволода. Рязанскіе князья подъ его покровительствомъ, пользуясь отвлеченіемъ силъ Ольговичей на югъ, захватываютъ области изъ ихъ удѣловъ. Однако-же борьбы мы не видимъ. Смоленская земля была менѣе истощена, но ея князья, Мономаховичи, ни въ какомъ случаѣ не стали-бы на сторонѣ Ольговичей. Продолжавшіеся безпорядки на югѣ дали, наконецъ, возможность обозначиться этому вліянію суздальскаго князя открыто.

Въ 1187 г. умеръ галицкій князь, Ярославъ, и для Ольговичей съ Мономаховичами, въ силу исторической необходимости, открылась арена для борьбы. Сначала борьба началась между владиміро-волынскимъ княземъ, Романомъ и венгерскимъ королемъ. Но въ 1189 г. король отправилъ посольство къ Святославу Всеволодовичу, прося его прислать своего сына, обѣщая сдѣлать всё то, что было раньше условлено [1]). Такимъ образомъ ясно, что еще до смерти галицкаго князя Святославъ Всеволодовичъ заключилъ съ венгерскимъ королемъ договоръ о раздѣлѣ Галича. Но это посольство не скрылось отъ Рюрика Ростиславича. Онъ отправилъ одного изъ своихъ князей къ королю и завелъ переговоры съ Святославомъ, указывая на нарушеніе договора. Святославъ сталъ хитрить: онъ убѣждалъ, что вовсе не ищетъ Галича, что готовъ даже помогать Рюрику, если онъ желаетъ пріобрѣсть это княжество, и старался увѣрить, что послалъ сына, Глѣба, по личнымъ только дѣламъ съ венгерскимъ королемъ. Между тѣмъ захватъ Галича венграми произвелъ нѣкоторое движеніе въ современномъ русскомъ обществѣ. Выразителемъ его чувствъ явилось духовенство: оно указывало князьямъ, что русская область захвачена „иноплеменниками“, что князьямъ, поэтому слѣдовало-бы соединиться и общими силами постоять за Русскую землю. Но и Святославъ и Рюрикъ стараются вести дѣло дипломатически. Прежде чѣмъ начать, по настоянію митрополита, военныя дѣйствія съ Венграми, они попытались рѣшить переговорами

[1]) Ипат. Лѣт. стр. 446.

между собою дѣло о Галичѣ. Святославъ Всеволодовичъ уступалъ Рюрику Галичъ, но себѣ за это требовалъ его удѣлъ, или, требовалъ раздѣла Галича. Рюрикъ не согласился ни на одно изъ этихъ условій, и походъ не состоялся [1]).

Такимъ образомъ, князья стали хладнокровно смотрѣть на трагедію, разыгрывавшуюся предъ ихъ глазами въ Галичѣ. На сценѣ являлись и венгры, и поляки, и, наконецъ, германскій императоръ, принявшій подъ свое покровительство Владиміра, сына умершаго князя. Галичане приняли его къ себѣ, но, не будучи въ состояніи самъ защищать свои интересы, Владиміръ обращается за покровительствомъ не къ сосѣднимъ князьямъ, не къ Великому князю кіевскому, а въ далекій Суздаль, къ Всеволоду. Онъ называетъ его своимъ господиномъ и просить „удержать“ подъ нимъ Галичь, обѣщая ему постоянное повиновеніе. И достаточно было Всеволоду стать на его сторону, чтобы князья цѣловали къ нему крестъ на неприкосновенность Галича. Цѣловалъ крестъ и *„Великій“* князь кіевскій [2]).

Ростиславичи, видя въ этомъ свою выгоду, стали въ тѣсныя отношенія къ суздальскому князю. Въ это время начался споръ между смоленскими и сѣверскими князьями за пограничныя волости. Не смотря на натянутыя отношенія съ Половцами, Святославъ отправился въ Сѣверскую землю, оставивъ Кіевъ безъ прикрытія, и собралъ своихъ князей. Смоленскіе князья отказались удовлетворить его требованія, ссылаясь на давность владѣнія, по давнимъ договорамъ, и возвращали ему крестные грамоты, что́ значило объявленіе войны. Тутъ уже обозначилось полное безсиліе Святослава: долго онъ спорилъ съ послами, бралъ грамоты и отсылалъ пословъ, наконецъ, воротилъ ихъ и согласился на договоръ [3]). Но полное униженіе пришлось испытать Святославу Всеволодовичу, *„Великому“* князю кіевскому, въ 1194 году по случаю такого-же спора съ рязанскими князьями. Въ это время Рязань уже окончательно признавала надъ собой власть суздальскаго князя. Онъ, какъ господинъ и отецъ рязанскихъ князей, защищаетъ ихъ отъ внѣшнихъ притязаній. Споры за границы, какъ видно, всё запутывались, и въ 1194 г. Святославъ Всеволодовичъ собралъ сѣверскихъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 448.

[2]) Ibidem, стр. 448.

[3]) Ibidem, стр. 451.

князей въ Карачевѣ. Рѣшено было защищать силою свои интересы, но прежде, чѣмъ исполнить это рѣшеніе, „*Великій*“ князь кіевскій отправляетъ пословъ къ Всеволоду просить позволенія напасть на Рязань. И достаточно было суздальскому князю не изъявить на это своей воли, чтобы сѣверскіе князья со стыдомъ отказались отъ своего предпріятія [1]).

Это былъ послѣдній актъ дѣятельности Святослава Всеволодовича. Возвращаясь изъ Карачева, онъ захворалъ, не могъ уже ѣхать верхомъ, а, достигнувъ Десны, плылъ до Кіева, гдѣ и умеръ въ іюлѣ мѣсяцѣ, 1194 г. Лѣтопись оставила намъ небольшую характеристику этого князя, рисующую его, какъ хорошаго христіанина, князя милостиваго и щедраго [2]), а изложенные нами факты представляютъ намъ энергическую личность, всю жизнь проведшую въ постоянной борьбѣ за права своего рода, за старый областной—федеративный порядокъ противъ притязаній Суздаля и вообще всѣхъ Мономаховичей. Изъ его внутренней дѣятельности мы знаемъ только одинъ фактъ, который совершенно согласенъ съ его обыкновенной энергіей и стойкостью и служитъ однимъ изъ примѣровъ властолюбивыхъ стремленій духовенства въ нашей исторіи. Мы знаемъ, что сѣсть въ Черниговѣ Святославу способствовалъ главнымъ образомъ черниговскій епископъ, Антоній. Какъ оказывается въ этомъ была заранѣе обдуманная цѣль. Антоній, вѣроятно, зналъ религіозныя наклонности Святослава Всеволодовича и предполагалъ поэтому возможность опутать его своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Но планъ хитраго грека не удался. Святославъ, хотя и совершалъ благочестивыя дѣла [3]), но сейчасъ-же началъ борьбу съ притязаніями епископа. Дѣло состояло въ томъ, что въ 1168 году митрополитъ кіевскій и Антоній черниговскій стали запрещать ѣсть скоромное въ праздничные дни. Святославъ сначала не обращалъ никакого вниманія на эти запрещенія, но когда епископъ открыто сталъ нападать на него, онъ пригрозилъ лишить его епископства, а затѣмъ выгналъ не только изъ Чернигова, но и изъ всей Сѣверской земли. Антоній бѣжалъ въ Кіевъ, а на мѣсто него былъ избранъ Порфирій. Очевидно, Святославъ Всеволодовичъ не могъ довѣрять

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 457.

[2]) Ibidem.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 336.

Антонію: духовенство очень часто служило орудіемъ для князей, и нерѣдко кіевскій князь старался сдѣлать митрополитомъ своего сторонника.

X.

Ярославъ Всеволодовичъ и Всеволодъ Чермный Святославичъ.

1195—1224 г.

Послѣ смерти Святослава Всеволодовича вліяніе суздальскаго князя растётъ всё болѣе и болѣе. Мономаховичи Мстиславовой линіи признаютъ главенство Суздаля, изъ-за личныхъ выгодъ подчиняя себя власти Всеволода и принимая на себя роль подручныхъ князей. Съ его помощью они стараются окончательно отдѣлить родъ Ольговичей отъ права владѣть великокняжескимъ столомъ, между тѣмъ требуя отъ нихъ повиновенія князю, сидящему въ Кіевѣ, т. е., всякому князю изъ своего рода и унижая тѣмъ самымъ достоинство Ольговичей. Со смертью энергическаго Святослава они не надѣялись встрѣтить сопротивленія со стороны сѣверскихъ князей, но жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ: на столѣ черниговскомъ являются одна за другой смѣлыя, неуступчивыя личности, по энергіи, стоящія нисколько не ниже Святослава Всеволодовича; черниговскими князьями дѣлаются: Ярославъ, братъ Святослава, и Всеволодъ, его сынъ, боровшіеся неуклонно за одну и ту-же идею. Сильную поддержку черниговскіе князья находятъ въ новгородсѣверскихъ, которые какъ-бы принимаютъ на себя обѣтъ добиться Галича и, достигнувъ своей цѣли, поднимаютъ значеніе своего племени, становятъ его на первую ступень во всей Руси, заставивъ Мономаховичей отказаться отъ своего принципа, посылая кіевскаго князя на столъ въ Черниговъ, удерживая за собой Кіевъ до самаго нашествія татаръ.

Теперь въ Черниговѣ сидѣлъ Ярославъ Всеволодовичъ. Сначала было полное спокойствіе. Рюрикъ сидѣлъ въ Кіевѣ и хладнокровно смотрѣлъ на то, что Всеволодъ суздальскій послалъ своего боярина для возобновленія Остра [1]), этого наблюдательнаго пункта, съ котораго

---

[1]) Лавр. лѣт. стр. 391.

ему удобно было слѣдить за дѣлами южной Руси. Ольговичи выжидали удобнаго случая, но сами подавать повода къ борьбѣ не хотѣли. Этотъ случай не замедлилъ представиться. Между самими Мономаховичами началось междоусобіе изъ-за волостей. Причиной его былъ Всеволодъ суздальскій, для котораго спокойствіе въ Руси было невыгодно. Онъ съумѣлъ поссорить Рюрика кіевскаго съ Романомъ Мстиславичемъ владиміро-волынскимъ. Ольговичи стали на сторонѣ послѣдняго, потому что за перваго стоялъ Всеволодъ. Въ 1195 г. Рюрикъ съ суздальскимъ княземъ отправили пословъ къ Ярославу съ требованіемъ, чтобы Ольговичи навсегда отказались отъ Кіева, основывая это на томъ, будто Ярославъ I раздѣлилъ всю Русь на двѣ части Днѣпромъ и правую сторону отдалъ Мономаховичамъ. Не говоря уже объ искаженіи факта раздѣла, такъ какъ Ярославъ дѣлилъ Русь не на двѣ, а на три части, между тремя сыновями, Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, съ строгимъ соблюденіемъ старшинства относительно Кіева, но кромѣ того, Мономаховичи, раздѣляя Русь Днѣпромъ, говорили сами противъ себя, потому что Переяславское княжество было на сѣверской сторонѣ Днѣпра, не говоря уже о Курскѣ, изъ за котораго было потрачено много сѣверянской крови прежде, чѣмъ Мономаховичи отказались отъ притязаній на него. Поэтому они благоразумно умалчиваютъ о Переяславлѣ, когда дѣло идетъ о Кіевѣ.

Получивъ такое требованіе, всѣ Ольговичи единодушно отвѣчали, что они готовы не добиваться велико-княжескаго стола, пока живы Всеволодъ и Рюрикъ, которымъ они уступаютъ по ихъ старшинству, но совершенно отказаться отъ Кіева не могутъ, потому что они потомки одного и того-же Ярослава I, а не Венгры и не Ляхи [1]). Всеволодъ отвѣчалъ на это сборомъ войска, приказавъ и новгородцамъ двинуться къ нему съ ихъ княземъ [2]). Но дѣло на этотъ разъ еще не дошло до междоусобія: Ольговичи, видя, что ихъ союзникъ, Романъ, еще раньше заключилъ съ Рюрикомъ отдѣльный миръ [3]), рѣшились на время уступить. Они заключили миръ съ Всеволодомъ и послали отдѣльно пословъ къ Рюрику. Постановлено было, что Рюрикъ обязывается не начинать войны съ черниговскимъ княземъ, пока онъ не покончитъ переговоры

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 462—3.

[2]) Никон. лѣт. стр. 261.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 462.

съ Всеволодомъ суздальскимъ. Сверхъ того Рюрикъ далъ черниговскому князю Витебскъ—условіе мало для насъ понятное. Ольговичи съ своей стороны обѣщали не предпринимать ничего до тѣхъ поръ, пока Рюрикъ не увѣдомитъ своего брата, Давида, о передачѣ имъ Витебска [1]). Но, какъ видно, Ольговичи опасались, чтобы Мономаховичи, сославшись между собою, не измѣнили договору. Поэтому зимой того-же года Ярославъ Всеволодовичъ рѣшилъ отправить Олега Святославича въ Витебскъ. Какъ-бы ни было, пріобрѣтеніе Ольговичами пункта въ Полоцкой землѣ, было непріятно смоленскимъ Мономаховичамъ. Поэтому Давидъ приказываетъ своимъ племянникамъ и зятю, рязанскому князю, Глѣбу, напасть на явившагося съ ополченіями Олега Святославича. Но полоцкіе князья успѣли уже соединиться съ сѣверскимъ княземъ, и Мономаховичи были разбиты, при чемъ одинъ изъ нихъ, Мстиславъ, попалъ въ плѣнъ. Изъ распросовъ плѣнныхъ смольнянъ оказывалось, что въ Смоленскѣ между вѣчемъ и княземъ Давидомъ идетъ разладъ. Это было кстати. Олегъ немедленно послалъ въ Черниговъ извѣстіе о побѣдѣ и звалъ Ярослава на помощь. „Собери, писалъ онъ къ нему, всѣхъ нашихъ братьевъ и поѣзжай скорѣй: теперь самое удобное время; возмемъ честь свою“. Ярославъ быстро собрался, но Рюрикъ выслалъ ему на дорогу пословъ, которые отдали ему договорныя грамоты, указывая на нарушеніе мира съ его стороны [2]). Объявленіе войны заставило Ярослава Всеволодовича вернуться въ Черниговъ.

Противъ него въ 1197 году составился союзъ изъ кіевскаго, смоленскаго и суздальскаго князей. Черниговскій князь сначала попытался разстроить его переговорами. Онъ послалъ къ Рюрику сказать „зачѣмъ ты, братъ, началъ волость мою разорять и поганымъ руки наполнять? у меня съ тобою нѣтъ никакихъ счетовъ, и я не добиваюсь подъ тобой Кіева. Хотя Давидъ и послалъ Мстислава на моихъ племянниковъ, но я, по любви къ тебѣ, отдаю Мстислава безъ выкупа. Цѣлуй мнѣ крестъ и помири съ Давидомъ. Что касается Всеволода, то тебѣ съ Давидомъ нѣтъ дѣла до него [3])“. Изъ этого письма видно, какъ Ярославъ смотрѣлъ на суздальскаго князя; онъ не желаетъ ссо-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 463.

[2]) Ibidem, стр. 465.

[3]) Ibidem. Стр. 467.

риться съ Рюрикомъ и Давидомъ, ищетъ у нихъ примиренія, но считаетъ, что ихъ дѣло не можетъ быть общимъ съ дѣломъ Всеволода, съ которымъ посчитаться онъ проситъ ему не мѣшать. Рюрикъ въ отвѣтъ на посольство потребовалъ, какъ условіе мира, чтобы Ярославъ пропустилъословъ его къ Всеволоду и Давиду для совѣщанія. Но черниговскій князь не довѣряетъ ему. Онъ велѣлъ своимъ князьямъ занять всѣ дороги и не пропускать никого [1]). Въ это время владимірскій князь, Романъ, поднялся на помощь сѣверскимъ князьямъ, чѣмъ и объясняется нерѣшительность дѣйствій кіевскаго князя, которому угрожали съ тылу. Ольговичи въ свою очередь, ожидая съ сѣвера нападеніе суздальскаго князя, должны были вести оборонительную войну [2]). Нападеніе Романа на Рюрика было сдѣлано кстати: оно дало возможность сѣверскимъ князьямъ обратить всѣ силы противъ Всеволода. Въ это время послѣдній уже вошелъ въ область Вятичей и опустошалъ её. Ярославъ собралъ Ольговичей на совѣтъ. Рѣшили двинуться на встрѣчу враговъ. Въ Черниговѣ оставили двухъ Святославичей, Олега и Глѣба, заперли остальные города со стороны Кіева, и всѣ стали на границѣ Сѣверской земли. Ярославъ расположилъ войска въ лѣсахъ, отдѣлявшихъ его область отъ Вятичей, приказалъ подѣлать засѣки, разломать на рѣкахъ мосты. Эти сильныя приготовленія и собраніе ополченій всей Сѣверской земли заставили Всеволода остановиться. Ярославъ воспользовался этимъ и послалъ къ нему словъ съ предложеніемъ мира, но не отказывался рѣшить дѣло и оружіемъ. Суздальскій князь, не смотря на несогласіе Давида смоленскаго представлявшаго, что такой отдѣльный миръ не выгоденъ для Рюрика, поторопился принять предложеніе. Сначала онъ потребовалъ освободить Мстислава, изгнать изъ Сѣверской земли Ярополка Ростиславича [3]) и отступить отъ союза съ Романомъ. Но Ярославъ, соглашаясь на первыя

---

[1]) Ibidem. Въ этъ время Сѣверская земля понесла большую утрату во Всеволодѣ, Буй-Туръ, Святославичѣ, князѣ курскомъ. Онъ умеръ въ маѣ мѣсяцѣ и былъ похороненъ въ Черниговѣ. „Небыло, говоритъ лѣтопись, между Ольговичами никого удалѣе его и возрастомъ и храбростью, и любовь имѣлъ ко всѣмъ“. Всѣ Ольговичи проводили его съ большою честью, съ большимъ плачемъ и рыданіемъ. (Ипат. лѣт. стр. 467).

[2]) Ibidem.

[3]) Этотъ тотъ самый, который былъ принятъ въ Торжкѣ.

два условія, совершенно отказался нарушить договоръ съ Романомъ, и Всеволодъ принужденъ былъ согласиться. Черниговскій князь и суздальскій, какъ равные, независимые князья, исполнили церемоніи заключенія мира[1]). Эта борьба съ Суздалемъ, въ которой перевѣсъ остался явно на сторонѣ Ольговичей, высоко поднялъ ихъ значеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ Ярославъ Всеволодовичъ послалъ въ Новгородъ своего сына Ярополка, котораго новгородцы просили еще до 1197 года[2]). Но этотъ успѣхъ былъ не продолжителенъ. Сидѣвшій до тѣхъ поръ у новгородцевъ „Ярославъ Владиміровичъ ушелъ въ Новый-Торгъ и утвердился тамъ. Всеволодъ принялъ его сторону. Ново-торжцы стали за него также. Онъ овладѣлъ волостью Новаго-Торга, собиралъ дань по Мстѣ, а Всеволодъ приказалъ ловить новгородцевъ, разъѣзжавшихъ по его волости. Это опять дало силу суздальской партіи въ Новгородѣ, потому что въ ней состояли богатые торговцы, которые разорялись при враждѣ съ Суздальской землей. Новый-Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ для ихъ выгодъ. Надо было избавиться отъ такихъ неудобствъ. Опять призвали съ честью Ярослава[3])". Ярополкъ долженъ былъ отправиться обратно въ Черниговъ.

Въ 1198 году умеръ Ярославъ Всеволодовичъ. Черниговскій столъ занялъ Игорь Святославичъ новгородъ-сѣверскій[4]). Прокняжилъ онъ недолго и умеръ въ 1202 году[5]). Какъ видно, его мѣсто занялъ по старшинству Олегъ Святославичъ[6]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 474.

[2]) Ипатс. лѣт стр. 471. Воскр. лѣт. ч. I стр. 106.

[3]) Костомаровъ. Сѣверно-Русс. Народо-правства. Ч. I стр. 78.

[4]) Всѣ лѣтописи, именно: Лаврентьевская, Воскресенская и Никоновская, относятъ его смерть къ 1200 году и затѣмъ упоминаютъ подъ 1201 годомъ о смерти Владиміра Святославича, какъ великаго князя черниговскаго. Но это невѣрно. Владиміръ былъ племянникъ Игоря и, потому, по праву старшинства, не могъ занять Чернигова. Хотя въ Любецкомъ синодикѣ черниговскихъ князей поминается „Владиміръ Святославичъ и жена его Елена" (см. Милорадовичъ. Любечь. Стр. 33-я); Погодинъ въ IV т. своихъ „Изслѣдованій" предполагаетъ, что онъ былъ удѣльнымъ княземъ, а не черниговскимъ. Подробныя извѣстія Ипатьевской лѣтописи заставляютъ насъ болѣе склониться въ пользу ея достовѣрности.

[5]) Никон. лѣт. подъ 1202 годомъ; Лавр. лѣт. стр. 396; Воскрес. лѣт. стр. 107, часть I-я.

[6]) Съ 1201 года Ипатьевская лѣтопись въ хронологическомъ отношеніи

Въ это время Рюрикъ кіевскій снова поднялъ борьбу съ Романомъ. Причиной ея было сосредоточеніе въ однихъ рукахъ Владиміро-Волынской области и Галича, такъ какъ Роману удалось овладѣть этимъ княжествомъ. Ольговичи заключили договоръ съ Рюрикомъ и двинулись противъ своего стараго союзника. Есть намекъ въ Ипат. лѣт., что въ это время въ Галичѣ была уже сильная партія сѣверскихъ князей, Игоревичей, на сторонѣ которыхъ стояли даже княжескіе чиновники. Роману уже приходилось вести съ ней борьбу [1]). Видя опасность и извнѣ и внутри, онъ посылаетъ къ Всеволоду въ Суздаль, прося защиты. Между тѣмъ на его сторону стали всѣ области праваго берега Днѣпра, а кіевляне отворили ему Кіевъ [2]). Дѣло кончилось миромъ, по которому Рюрикъ лишался Кіева, а Ольговичи не выигрывали ничего, но имѣли за это время возможность стать ближе къ галицкимъ дѣламъ. Романъ, не смотря на сочувствіе къ себѣ всей правой стороны Днѣпра, позволилъ Всеволоду самовластно распорядиться кіевскимъ столомъ, который былъ отданъ самому незначительному князю [3]). Этимъ онъ повредилъ себѣ. Такое своеволіе суздальскаго князя вызвало новый союзъ Рюрика съ Олегомъ Святославичемъ. Въ 1202 (1203) году союзники взяли Кіевъ и напомнили его жителямъ время Андрея Боголюбскаго [4]). Но Рюрикъ не утвердился въ Кіевѣ, а возвратился въ Овручь. Романъ заставилъ его отказаться отъ союза съ

не можетъ служить источникомъ, хотя сообщаетъ интересныя подробности, которыхъ нѣтъ въ остальныхъ спискахъ. Хронологическая путаница произошла по слѣдующему случаю. Въ ней съ этого года оканчивается Кіевская лѣтопись и начинается Галицко-Волынская, начало которой потеряно. Осталось только заглавіе: „Начало княженіе великаго князя Романа“...., но самаго разсказа объ этомъ княженіи нѣтъ, а излагаются событія послѣ его смерти. Между тѣмъ перечисленіе годовъ слѣдуетъ по порядку, хотя пропущенъ періодъ въ 6 лѣтъ. Поэтому событія, поставленныя въ Ипат. лѣт. въ 1201 году, должны быть отнесены къ 1207 году, что и есть во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ.

[1]) „Малу-же времени минувшю, и приведоша (Галичане) кормиличича, иже бѣ загналъ великій князь Романъ, невѣры ради: славяху-бо Игоревича“. (Ипат. лѣт. стр. 481).

[2]) Лавр. лѣт. стр. 396—397; Никон. лѣт. стр. 273—274.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 397; Воскр. лѣт. стр. 107.

[4]) Ibidem.

Ольговичами и обратился къ Всеволоду за позволеніемъ сѣсть Рюрику въ Кіевѣ. Суздальскій князь, милосердный и боголюбивый, по выраженію сѣверной лѣтописи, „не помяну зла Рюрикови“ и *далъ* ему Кіевъ.

Романъ, можетъ быть, и самъ тяготился необходимостью признавать главенство Всеволода, но ему важно было поддерживать въ русскомъ обществѣ убѣжденіе, что распорядителемъ дѣлъ Руси является старшій изъ Мономаховичей, а не Ольговичи. Съ этою же цѣлью онъ, безъ всякого заявленія желанія со стороны Ольговичей, посылаетъ къ Всеволоду просить о дарованіи имъ мира. Но сѣверскіе князья, въ то время какъ Романъ и Рюрикъ ставятъ себя въ повиновеніе суздальскому князю,—они держатъ себя, какъ независимые князья. Это выразилось въ томъ, что, когда Всеволодъ прислалъ къ нимъ своего боярина для заключенія мирнаго договора и приведенія Ольговичей къ присягѣ,—они посылаютъ точно также въ Суздаль своихъ бояръ, и тѣ беруть присягу съ Всеволода [1]),—обыкновенный обычай между самостоятельными, независимыми князьями.

Послѣднимъ актомъ непродолжительнаго княженія Олега Святославича былъ походъ Ольговичей, въ 1203 г., на Литву, игравшую впослѣдствіи важную роль въ исторіи Сѣверщины. Онъ умеръ въ 1204 г. [2]), и на его мѣсто въ Черниговѣ сѣлъ Всеволодъ Чермный.

Съ этого времени сѣверскіе князья начинаютъ открытую борьбу съ Мономаховичами. Сами обстоятельства имъ благопріятствуютъ. Въ 1205 г. Романъ галицкій былъ убитъ въ войнѣ съ Поляками. Лишь только вѣсть объ этомъ дошла до Рюрика, котораго Романъ предъ своей смертью постригъ въ монахи, онъ сбросилъ съ себя монашескую рясу и явился въ Кіевѣ. Всеволодъ Чермный со всѣми князьями сѣверской земли двинулся къ Днѣпру. Рюрикъ вошолъ съ ними въ договоръ, и всѣ они отправились къ Галичу, гдѣ оставались малолѣтнія дѣти Романа, Даніилъ и Василько. Бояре, которымъ выгодно было имѣть малолѣтнихъ князей, защищали упорно городъ, такъ что Ольговичи принуждены были отступить [3]). За поддержку, оказанную Рюрику, они получили отъ него Бѣлгородъ, этотъ фатальный городокъ для чер-

---

[1]) Воскрес. лѣт. стр. 108; Лавр. лѣт. стр. 399.

[2]) Воскр. лѣт. стр. 108; Никон. лѣт. стр. 277.

[3]) Воскрес. лѣт. стр. 112; Никон. лѣт. стр. 292; Лавр. лѣт. стр, 405.

ниговскихъ князей, и посадили тамъ брата Чермнаго, Глѣба Святославича [1]).

Но первая неудача не остановила Всеволода Чермнаго. Въ 1206 году онъ собралъ въ Черниговѣ на совѣщаніе всѣхъ князей черниговской области, призвалъ Владиміра Игоревича новгородсѣверскаго, который привелъ съ собой всѣхъ князей своего удѣла, и, наконецъ, пригласилъ Мстислава смоленскаго. Послѣ совѣщанія всѣ двинулись къ Галичу. Въ Кіевѣ къ нимъ присоединился Рюрикъ съ своими сыновьями; двинулись на помощь поляки. Узнавъ объ этомъ, галицкіе бояре послали просить защиты у венгерскаго короля [2]). Успѣхъ русскихъ князей былъ опасенъ для Венгріи. Поэтому король не замедлилъ двинуться чрезъ Карпатскія горы. Но въ это время въ Галичѣ началась сильная борьба партій [3]). Какъ видно партія Игоревичей боролась съ боярской, стоявшей за малолѣтнихъ Романовичей. При такомъ положеніи дѣлъ оставаться въ Галичѣ было опасно, и Романовичи съ матерью бѣжали въ свою отчину, Владиміръ-Волынскій [4]). Король явился, но не рѣшился занять города въ виду многочисленныхъ союзниковъ и затѣмъ согласился отказаться отъ вмѣшательства въ галицкія дѣла. Однако предъ своимъ уходомъ въ Венгрію, онъ посовѣтывалъ галичанамъ призвать къ себѣ сына суздальскаго князя, Ярослава, сидѣвшаго въ Переяславлѣ. Хотя за нимъ и послали [5]), но въ то-же время въ Галичѣ началось сильное волненіе. Партія, враждебная Игоревичамъ, боялась за свою судьбу, если союзники возьмутъ городъ [6]). Тогда привели опальныхъ при Романѣ бояръ, приверженцевъ Игоревичей, и рѣшили призвать Владиміра новгородсѣверскаго на галицкій столъ [7]). Они послали въ лагерь союзниковъ, и Владиміръ Игоревичъ ночью прискакалъ въ Галичь. Утромъ союзники узнали о случившемся и разъѣхались. Галичане посадили Владиміра Игоревича въ Галичѣ, а его брата, Романа, въ Звенигородѣ [8]).

---

[1]) Воскрес. лѣт. стр. 112.

[2]) Лавр. лѣт. стр. 405; Воскр. лѣт. стр. 113.

[3]) Ibidem.

[4]) Лавр. лѣт. стр. 405.

[5]) Никон. лѣт. стр. 293 и далѣе.

[6]) Ibidem.

[7]) Ипат. лѣт. стр. 281.

[8]) Ibidem.

Лишь только Ольговичамъ удалось соединить въ своихъ рукахъ двѣ обширныя области—Сѣверскую землю и Галичь, они начинаютъ еще рѣшительнѣй дѣйствовать противъ Мономаховичей. Возвратившись изъ похода Всеволодъ Чермный занимаетъ Кіевъ и заставляетъ Рюрика удалиться въ его удѣльный городъ, Овручь. Вслѣдъ затѣмъ онъ обращается противъ Суздаля и начинаетъ съ того, что посылаетъ въ Переяславль, къ сыну суздальскаго князя, Ярославу, сказать: „ступай изъ Переяславля къ отцу своему въ Суздаль, а Галича не добивайся! А если добромъ не пойдешь, такъ я иду на тебя“! Ярославъ просилъ у него свободнаго пропуска и, получивъ его, уѣхалъ въ Суздаль. Всеволодъ Чермный посадилъ въ Переяславлѣ своего сына, Михаила Св.[1]). Такимъ образомъ эта область, не имѣвшая сѣверскихъ князей со времени раздѣленія Руси Ярославомъ I на удѣлы, подчинилась ихъ власти. Бѣлгородъ былъ отданъ Чермнымъ его союзнику, Мстиславу Романовичу.

Въ то-же время Владиміръ Игоревичъ ведетъ борьбу съ Мономаховичами съ другой стороны. Мы видѣли, что жена Романа бѣжала съ своими дѣтьми во Владиміръ-Волынскій. Владиміръ, посовѣтовавшись съ галицкими боярами, посылаетъ туда посломъ священника съ требованіемъ, чтобы владимірцы приняли къ себѣ княземъ его брата, Святослава, угрожая въ противномъ случаѣ разорить городъ. Какъ видно, и во Владимірѣ была партія сторонниковъ Игоревичей. Когда владимірцы хотѣли убить священника за это предложеніе, сторонники ихъ начинаютъ хитрить, и трое изъ нихъ, Местьбогъ, Мончукъ и Никифоръ, говорятъ, что пословъ бить нельзя. Спасши посла, они думали передать городъ Владиміру. Узнавъ объ этомъ княгиня утромъ бѣжала изъ него съ дѣтьми, и Святославъ Игоревичъ былъ принятъ владимірцами[2]).

Пока Владиміръ былъ занятъ дѣлами въ новоприобрѣтенной области, Рюрикъ неожиданно успѣлъ захватить Кіевъ, выгналъ Чермнаго и успѣшно защищался противъ соединенныхъ силъ черниговскихъ князей[3]). Но въ 1207 году на Мономаховичей двинулись уже князья черниговскій и галицкій и общими усиліями заставили Рюрика бѣжать

---

[1]) Лавр. лѣт. стр. 406; Воскр. лѣт. стр. 113.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 481.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 407; Воскр. лѣт. стр. 113.

изъ Кіева. Мстиславъ заперся было въ Бѣлгородѣ, но Ольговичи осадили его тамъ и принудили удалиться въ Смоленскъ. Затѣмъ они напали на Рюрика, укрѣпившагося въ Торческѣ, и онъ долженъ былъ цѣловать крестъ Всеволоду Чермному „на всей его волѣ“. Тогда черниговскій князь занялъ Кіевъ и разсадилъ своихъ посадниковъ по городамъ его области [1]).

Такое усиленіе Ольговичей было опасно для плановъ суздальскаго князя. Нужно было возстановить свое прежнее вліяніе на дѣла южной Руси. Въ томъ-же 1207 г. онъ сталъ собирать силы Суздаля и Рязани, призвалъ сына своего, Константина, съ ополченіями Новгорода и Пскова. Какъ видно въ Суздалѣ зорко слѣдили за дѣлами Ольговичей, и Всеволодъ выбралъ самое удачное время. Теперь Чермный въ борьбѣ съ силами сѣвера и Мономаховичей могъ располагать средствами только своего удѣла, такъ какъ галицкій князь не могъ оказать ему поддержки по случаю внутренней неурядицы съ своей области. Отъ одного врага Чермный избавился очень удачно. Когда суздальскій князь дошелъ до рѣки Оки, то неожиданно обнаружилось, что часть рязанскихъ князей была въ союзѣ съ Ольговичами [2]). Онъ принужденъ былъ остановиться и рѣшилъ на этотъ разъ покончить съ Рязанью. Вообще это дѣло крайнѣ темное. Былъ-ли въ дѣйствительности тайный договоръ между Ольговичами и Рязанью, сказать трудно. Можетъ быть суздальскій князь искалъ только предлога, чтобы расправиться съ самостоятельностью Рязани и перебить при благовидной причинѣ болѣе выдающихся князей, какъ онъ это и сдѣлалъ. Извѣстно только, что сынъ одного изъ убитыхъ князей, Киръ—Михаилъ, искалъ убѣжища у черниговскаго князя, который приходился ему родственникомъ [3]), и что затѣмъ Чермный хлопоталъ за Рязань у суздальскаго князя [4]). Во всякомъ случаѣ это событіе остановило суздальскаго князя. Но съ другимъ врагомъ, Рюрикомъ, Всеволодъ Чермный борется неудачно: онъ долженъ былъ уйти въ Черниговъ и при новомъ походѣ на Рюрика не могъ выгнать его изъ Кіева [5]).

---

[1]) Лавр. лѣт. стр. 408; Никон. лѣт. стр. 296—7.

[2]) Воскр. лѣт. стр. 114—115; Никон. лѣт. стр. 297—8,

[3]) Лавр. лѣт. стр. 410.

[4]) Никон. лѣт. стр. 308—9.

[5]) Воскр. лѣт. стр. 116; Лавр.—412; Никонов.—305.

Въ это время на Игоревичей двинулись съ двухъ сторонъ поляки и венгры, принявшіе на себя защиту правъ Романовичей. Сначала Владиміру Игоревичу удалось дарами склонить на свою сторону венгерскаго короля и польскаго князя, Лешка. Но вслѣдъ затѣмъ между самими братьями Владиміромъ и Романомъ начинается междоусобіе. Какъ видно боярская партія думала добиться болѣе вольностей отъ младшаго брата. Въ 1208 году Романъ бѣжалъ къ венграмъ и съ помощью ихъ разбилъ брата у Галича. Владиміръ бѣжалъ въ Путивль, а галичане посадили у себя Романа [1]). Вслѣдъ затѣмъ Поляки двинулись къ Владиміру Волынскому и захватили въ плѣнъ Святослава Игоревича [2]).

Между тѣмъ началась въ самомъ Галичѣ борьба партій, не смотря на присутствіе Романа. Венгерскій король не желая упустить удобнаго случая для подчиненія себѣ этой области, послалъ туда армію подъ начальствомъ Бенедикта. Венгры схватили Романа Игоревича моющимся въ банѣ и отослали въ Венгрію. Этотъ фактъ указываетъ, что бояре были противъ своего князя, потому что нельзя допустить, чтобы походъ венгровъ къ Галичу остался совершенно незамѣтенъ. Бенедиктъ, захвативъ Галицкую область, сталъ въ ней такъ самовольно расправляться, производить такія насилія, что лѣтописецъ называетъ его антихристомъ, относя къ нему апокалипсическое ученіе. Это заставило галичанъ искать себѣ защиты у другихъ князей. Сначала они привели къ себѣ Мстислава Нѣмаго Пересопницкаго, но дѣло его кончилось только униженіемъ. Зная положеніе дѣлъ въ Галичѣ, Романъ бѣжалъ сюда изъ Венгріи, и Галичане его же послали къ Владиміру Игоревичу въ Путивль, говоря: „согрѣшили мы передъ вами; избавь насъ отъ этого томителя Бенедикта“! Въ 1200 году сѣверскіе князья двинулись къ Галичу, выгнали венгровъ и заняли вновь это княжество. Владиміръ сѣлъ въ Галичѣ. Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ, сынъ Владиміра, Изяславъ, въ Теребовлѣ, а Всеволодъ Владиміровичъ былъ отправленъ въ Венгрію съ подарками къ королю [3]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 428; Воскр.—416.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипатс. лѣт. стр. 483, 484. Воскресенская и Никон. лѣт. говорятъ, что послѣ изгнанія Романа изъ Галича туда былъ принятъ Ростиславъ, сынъ Рюрика кіевскаго, между тѣмъ Ипатс. лѣт. передаетъ разсказъ такъ,

Чермный, узнавъ о томъ, что Игоревичи вновь утвердились въ Галичѣ, послалъ къ суздальскому князю пословъ съ предложеніемъ мира, зная, что туда не могли не прійти слухи о благопріятномъ оборотѣ дѣла для Ольговичей. Однако-же предложеніе мира было выражено очень мягко, съ обѣщаніемъ, по словамъ сѣверной лѣтописи, повиновенія. Порученіе это возложено было на кіевскаго митрополита, Матѳея. Всеволодъ, который еще не успѣлъ раздѣлаться совершенно съ Рязанью, согласился на предложеніе. Но Чермный вслѣдъ затѣмъ обнаружилъ свою цѣль: онъ быстро напалъ на Кіевъ и заставилъ Рюрика сѣсть въ Черниговѣ, такимъ образомъ окончательно уровнявъ права Ольговичей и Мономаховичей. Суздальскій князь поспѣшилъ войти съ нимъ въ родство, женивъ сына своего Юрія на дочери Чермнаго [1]).

Конецъ 1210 и весь 1211 годъ были временемъ высшаго могущества и славы рода Ольговичей: они добились своей цѣли цѣною многихъ усилій, цѣною страшныхъ междоусобій, потрясавшихъ Русь въ продолженіи почти двухъ столѣтій. Читая лѣтописи, невольно придешь къ заключенію, что исторія Сѣверской земли есть исторія удѣльно—вѣчевой эпохи. Но долго-ли они могли теперь удержать за собой то значеніе, котораго добились въ южной Руси. Они соединили теперь въ своихъ рукахъ силы Сѣверской и Галицкой земель и кіевской области и поэтому могли имѣть перевѣсъ надъ своими врагами. Но это-же самое усиленіе ихъ влекло за собой опасенія со стороны Мономаховичей, которымъ приходилось отказаться отъ своего завѣтнаго принципа, со стороны Суздаля, терявшаго свое вліяніе на южную Русь, которая побѣдой Ольговичей выдвинула вновь свой удѣльно—вѣчевой

какъ онъ изложенъ у меня. Фактъ этотъ самъ по себѣ не невѣроятный: очень возможно, что Галичане думали найти поддержку у великаго князя кіевскаго противъ венгровъ; но если мы примемъ во вниманіе, что Ипатс. лѣт. спеціально занимается въ этомъ періодѣ Галицко-Волынскими дѣлами, то ея умолчаніе объ этомъ фактѣ дѣлается страннымъ. Принимая извѣстіе Воскрес. и Никон. лѣтописи (которая даже отмѣчаетъ день принятія Ростислава—4 сентября), нужно допустить, что Ростиславъ выгналъ венгровъ, а между тѣмъ по Ипатс. лѣт., они выгнаны Игоревичами.

[1]) Воскр. лѣт. стр. 117; Никон. лѣт. стр. 308—309.

порядокъ въ противовѣсъ зарождавшемуся на сѣверѣ самовластію, наконецъ, со стороны венгровъ и поляковъ, для которыхъ было непріятно такое соединеніе сильныхъ областей вблизи ихъ государствъ. Всѣ эти враги не рѣшились-бы сдѣлать первые начало борьбы безъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Силами одной Сѣверской земли Чермный не только не могъ-бы бороться противъ всѣхъ этихъ враговъ, но не могъ-бы даже защищать себя противъ Мономаховичей, которые ждали только удобнаго случая для борьбы. Только соединеніе Сѣверской земли съ Галичемъ давало возможность бороться, или лучше сказать, заставляло Мономаховичей признавать явившійся порядокъ вещей. Слѣдовательно, вопросъ теперь состоялъ только въ томъ, будутъ-ли Игоревичи владѣть Галичемъ? Но удержаться здѣсь имъ было невозможно по самому ходу историческихъ событій, и за побѣдой Ольговичей должна была послѣдовать трагическая развязка всего ихъ дѣла.

Мы уже имѣли случай видѣть, что въ Галичѣ происходила борьба земства съ боярской аристократіей. Со времени смерти Ярослава, когда началась борьба за галицкій столъ, послѣдняя окончательно захватываетъ власть въ свои руки и самовластно распоряжается даже семейными дѣлами князя (дѣло съ Настасьей [1]). Послѣ смерти Романа самые сильные изъ бояръ стремятся даже овладѣть правленіемъ всей области (позже Владиславъ) и такимъ образомъ отдалить другихъ своихъ собратьевъ. Эта недовольная партія призываетъ Игоревичей, на что въ критическихъ обстоятельствахъ соглашается вся боярская аристократія. Не смотря, однако, на то, что сѣверскіе князья, такимъ образомъ, являлись какъ-бы креатурами бояръ на галицкомъ столѣ, стать на сторонѣ послѣднихъ они не могли потому, что сжились съ другой обстановкой, съ удѣльно—вѣчевымъ порядкомъ, а поэтому были представителями того начала, которое было задавлено въ Галичѣ. Эта аристократія не была аристократіей земельной, а служилой. Напрасно мы стали-бы искать въ лѣтописяхъ данныхъ для подтвержденія ея земельности: ихъ нѣтъ, и подобное мнѣніе нельзя основать ни на какихъ извѣстіяхъ. Она не могла быть земельной уже потому, что князь не распоряжался землей и не могъ раздавать её боярамъ, какъ мы это видимъ впослѣдствіи. Между тѣмъ ея служилость вытекаетъ изъ самаго

---

[1]) Она была сожжена боярами за любовную связь съ княземъ (Ипат. лѣт. стр. 385).

строя древней Руси. Отчего земство каждаго города желало имѣть у себя отдѣльнаго князя, какъ не по той причинѣ, что при боярскихъ посадникахъ оно не было ничѣмъ ограждено отъ насилій и злоупотребленій съ ихъ стороны. Областному князю также трудно было-бы справляться съ своими боярами, которые могли имѣть свои наемныя дружины. Отсюда интересы земства сливались съ княжескими, и вытекало дробленіе на удѣлы, т. е., раздача городовъ съ ихъ округами сыновьямъ, племянникамъ и т. д.. Имѣя своего князя, земство всякаго города могло вліять на него болѣе, чѣмъ окружающая его дружина, которая всегда стояла въ опозиціи къ князю и вѣчу. Если мы обратимся теперь къ Галичу, то замѣтимъ, что тамъ уже съ Владимірка (1143 г.) является уничтоженіе удѣловъ. Изъ сказаннаго нами можно вывести, что это произошло не безъ вліянія боярской партіи, которая теперь неминуемо должна была захватить управленіе отдѣльными областями Галицкой земли, такъ какъ княжескій родъ ея былъ немногочисленъ. Естественно съ этихъ поръ возникаетъ необходимость для князя совѣтываться при важныхъ дѣлахъ съ боярами, которые знали положеніе управляемыхъ ими областей. Мы видимъ, что въ Сѣверской землѣ при всякомъ важномъ предпріятіи черниговскій князь собираетъ подручныхъ князей на совѣщаніе, а въ Галичѣ эти удѣльные князья замѣнились правителями—боярами. Какъ удѣльные князья могли отказать въ поддержкѣ главному князю, такъ точно правители различныхъ областей Галича могли мѣшать планамъ своего князя. Отсюда уже вытекла необходимость ладить съ боярами, которые мало по малу ограничиваютъ княжескую власть, и во время Владиміра Игоревича князь ничего не можетъ предпринять безъ совѣта боярской партіи. Для нея было уже непріятно и то обстоятельство, что въ Галицкой области сѣло теперь два князя, въ Галичѣ и Звенигородѣ, и такимъ образомъ бояре лишались управленія надъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ этого княжества. И вотъ является междоусобіе между Владиміромъ и Романомъ, въ которомъ видно стремленіе бояръ возстановить прежній порядокъ въ Галицкой области съ однимъ княземъ во главѣ ея. Никоновская лѣтопись прямо говоритъ, что Владиміра выгнали бояре. Принужденные силою обстоятельствъ, они снова призываютъ Игоревичей, и тутъ видно со стороны послѣднихъ приготовленіе къ систематической борьбѣ съ боярствомъ.

Выгнавши венгровъ, Владиміръ роздалъ всѣ важнѣйшіе города

Галицкой земли князьямъ своего семейства, окруженнымъ своею сѣверской дружинной, вслѣдствіи чего мѣстное боярство окончательно отодвигалось на второй планъ и современемъ могло потерять прежнее значеніе. Вслѣдъ за этимъ неминуемо должна была начаться борьба, открытая, рѣшительная. Личными средствами бояре бороться не могли, но у нихъ были сосѣды, венгры и поляки, которые должны были смотрѣть съ опасеніемъ на усиленіе Ольговичей. Ихъ то они постоянно и впутываютъ въ галицкія дѣла. Вести борьбу съ Игоревичами имъ было удобно, прикрываясь правами сыновей Романа, Даніила и Василька, хотя они одинаково относились къ этой династіи, какъ и къ прочимъ: когда послѣ Игоревичей въ Галичѣ стали княжить эти малолѣтніе князья, то бояре самовольно выслали ихъ мать, которая должна была править княжествомъ за малолѣтствомъ своихъ сыновей.

Теперь боярская партія, не имѣя силы открыто вести борьбу съ Игоревичами, сначала думала отдѣлаться отъ нихъ тайно, какъ кажется, ядомъ, но этотъ планъ не удался [1]). Тогда Игоревичи, опираясь на свою сѣверскую дружину, рѣшились сразу отдѣлаться отъ главнѣйшихъ представителей аристократіи и казнили пятьсотъ человѣкъ бояръ, между которыми лѣтопись выдѣляетъ двухъ, какъ видно, стоявшихъ во главѣ этой партіи, Юрія Витановича и Илью Щепановича; часть спаслась бѣгствомъ. Извѣстный Володиславъ бѣжалъ къ венграмъ вмѣстѣ съ двумя другими боярами и обратился къ венгерскому королю за помощью, какъ-бы для возстановленія правъ Даніила Романовича. Венграмъ нельзя было упускать такого благопріятнаго случая и большая армія ихъ неожиданно вступила въ предѣлы Галича. Игоревичи не могли даже соединиться, не имѣли времени послать въ Кіевъ къ Чермному, какъ венгры по-одиночкѣ стали брать города. Прежде всего они осадили Перемышль, въ которомъ сидѣлъ Святославъ Игоревичъ. Володиславъ подъѣхалъ къ городу и сталъ убѣждать горожанъ сдаться. „Братья, говорилъ онъ имъ, чего вы сомнѣваетесь? Не они-ли перебили отцевъ вашихъ и братьевъ, разграбили ваше имущество, выдали дочерей вашихъ за вашихъ рабовъ, а отечествомъ вашимъ владѣли пришельцы: за нихъ-ли хотите душу свою положить“? Жители Перемышля сдались, а Святославъ Игоревичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Но осажден-

[1]) Никон. лѣт. стр. 310.

ные звенигородцы защищались. Узнавъ объ осадѣ Звенигорода, Владиміръ Игоревичъ послалъ сына, Изяслава, за половцами. Между тѣмъ Мономаховичи, княжившіе въ сосѣднихъ областяхъ, частью сами явились на помощь Венграмъ, частью прислали свои дружины съ боярами и сыновьями, наконецъ, двинулись Поляки. Сначала половцы одержали верхъ надъ венграми, но съ прибытіемъ подъ Звенигородъ поляковъ и другихъ мономаховичей перевѣсъ долженъ былъ склониться на сторону враговъ Игоревичей. Тогда Романъ Игоревичъ бросился изъ города искать помощи въ Кіевской области, но тутъ ему приходилось пробираться чрезъ владѣнія своихъ враговъ: онъ былъ схваченъ въ городѣ Шумскѣ, принадлежавшемъ одному изъ Мономаховичей, и приведенъ въ станъ венгровъ. Тогда Звенигородъ сдался. Взявши его, союзники двинулись къ самому Галичу. Владиміръ Игоревичъ, не видя ни откуда помощи, бѣжалъ съ сыномъ, Изяславомъ, который прикрывалъ бѣгство своего отца и на рѣкѣ Нѣздѣ дрался съ преслѣдовавшими ихъ врагами. По всей вѣроятности, здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ третій Игоревичъ, Ростиславъ. Галицкая аристократія торжествовала. Но это торжество ей еще казалось неполнымъ: бояре выпросили у венгровъ взятыхъ Святослава, Романа и Ростислава Игоревичей и, въ 1211 году, въ сентябрѣ, повѣсили ихъ [1])....

Потеря Галича сейчасъ-же повела за собой окончательное пораженіе Ольговичей. Сначала Всеволодъ Чермный думалъ удержаться на кіевскомъ столѣ энергическими мѣрами. Въ 1214 г. онъ выгналъ Мономаховичей, помогавшихъ Венграмъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они были виновниками смерти галицкихъ князей. „Какъ мнѣ съ вами жить, послалъ онъ имъ сказать, потому что вы мою братью перехватали и, горько наругавшись, повѣсили, какъ злодѣевъ, въ Галичѣ; вы наложили позоръ на всѣхъ и совершили окаянное дѣло, поэтому нѣтъ вамъ части въ Русской землѣ“! Въ отвѣтъ на это Мстиславъ Мстиславичъ удалой съ новгородцами двинулся на югъ и, разоривъ приднѣпровскіе города черниговской области, напалъ на Чермнаго. Чермный съ другими князьями бѣжалъ изъ Кіева. Много людей погибло при спѣшной переправѣ чрезъ Днѣпръ. Мономаховичи осадили Черниговъ. Въ это время Всеволодъ умеръ. Тогда на выручку Чернигова явился

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 484—486; Никон.—310; Воскр.—114.

Глѣбъ Святославичъ изъ Переяславля, который остался за черниговскими князьями [1]). Впродолженіи двѣнадцати дней Глѣбъ защищалъ Черниговъ. Союзники сожгли пригородъ, разорили окрестныя села и, наконецъ, помирились [2]).

Послѣ этого десять лѣтъ (1214—1224) Сѣверская земля наслождалась спокойствіемъ, нарушеннымъ только въ 1220 г. неудачнымъ нападеніемъ литовцевъ на ея границы [3]).

Между тѣмъ на юго—востокѣ подготовлялась гроза для всей Руси. Монголы, покоривъ государства средней Азіи, явились чрезъ Кавказъ въ южно-русскія степи. Прежде всего имъ приходилось столкнуться съ половцами и поселеніями бродниковъ. Начавшаяся борьба между монголами и половцами ставила для славянскаго населенія Подонья вопросъ, требовавшій быстраго разрѣшенія: къ кому пристать. Покинутое за послѣднее время усобицъ остальною Русью, оно тѣмъ не менѣе должно было защищаться противъ половцевъ и поэтому стать на ихъ сторону не могло, а наоборотъ должно было ожидать отъ монголовъ своего освобожденія. Расчитывать на русскихъ князей оно не могло тѣмъ болѣе, что стояло въ оппозиціи къ Руси при томъ взглядѣ, который имѣла благочестивая Русь на это населеніе. Мы видимъ къ этому времени у бродниковъ установившуюся общинную организацію съ воеводой во главѣ, которымъ былъ въ 1224 году Плоскиня. Половцы были побиты и обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Для бродниковъ, шедшихъ съ монголами противъ половцевъ, невозможно было остановиться и нейти противъ княжескихъ ополченій. Какъ-бы ни было, но бродники стали на сторону монголовъ и двинулись съ ними противъ русскихъ ополченій. Противъ новаго непріятеля собрались всѣ южные князья, во главѣ которыхъ стояли три Мстислава: кіевскій, черниговскій и галицкій. 1224 года, 30-го мая, враги сошлись на берегу рѣки Калки. И тутъ личная ссора Мстислава удалаго съ черниговскимъ и кіевскимъ погубила князей. Не давъ знать другимъ, Мстиславъ удалой самъ напалъ на Татаръ,

---

[1]) Въ 1215 году сынъ суздальскаго князя женился на дочери Глѣба въ Переяславлѣ (Никон. лѣт. стр. 320). И только по браку онъ перешелъ снова въ руки суздальскихъ князей.

[2]) Никон. лѣт. стр. 316—317; Воскр. лѣт. стр. 118.

[3]) Воскр. лѣт. стр. 128.

а черниговскія и кіевскія ополченія стояли еще станомъ. Не смотря на храбрость Даніила галицкаго и Олега курскаго, князья были разбиты на голову и бѣжали съ поля битвы. Мстиславъ кіевскій укрѣпился на горѣ и упорно защищался, но, наконецъ, принужденъ былъ сдаться бродникамъ, которые выдали его и другихъ князей, бывшихъ съ нимъ, татарамъ. Часть татаръ преслѣдовала бѣгущихъ князей, и тутъ былъ убитъ Мстиславъ Святославичъ черниговскій вмѣстѣ съ своимъ сыномъ [1]).

XI.

Михаилъ Св. Всеволодовичъ.

1224—1245 г.

Неожиданное несчастіе, разразившіеся надъ Русью, не измѣнило хода исторіи Сѣверской земли. Пораженіе, понесенное на р. Калкѣ, не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, и татарскому разоренію подверглись только передовыя поселенія кіевской области: враги быстро исчезли, благодаря неурядицамъ въ самой Азіи, и потому на политическія отношенія княжествъ не оказали никакого вліянія. Лишь только опасность миновала, явилось продолженіе борьбы Сѣверской земли съ Суздалемъ и Мономаховичами, защиту принципа которыхъ принялъ теперь на себя Даніилъ галицкій.

Вліяніе сѣвера въ это время значительно ослабло. Пріемникъ идей Андрея Боголюбскаго, Всеволодъ Юрьевичъ, уже умеръ, а между его сыновьями вначалѣ происходила сильная борьба, закончившаяся Липецкой битвой въ 1216 г. Но лишь только мѣсто Всеволода занялъ его сынъ, Юрій, какъ началъ проводить на сѣверѣ тѣ-же самыя идеи, которыя такъ успѣшно поддерживалъ его отецъ.

Михаилъ Св., явившійся теперь представителемъ Ольговичей, слѣдилъ за дѣлами въ Суздалѣ и поддерживалъ сторонниковъ Чернигова въ Новгородѣ, гдѣ происходила въ это время упорная борьба партій. Въ 1225 г. противники суздаля въ Новгородѣ составили заговоръ противъ сидѣвшаго тамъ сына Юрія, Всеволода. Онъ узнавъ объ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 495—497; Воскр.—129—132; Лавр.—423—425.

опасности, бѣжалъ въ Торжокъ. Суздальскій князь двинулся съ войскомъ въ Новгородскую область. Михаилъ, какъ бы помогая ему, также явился съ черниговскими ополченіями къ Торжку. Суздальскій князь сталъ требовать выдачи нѣкоторыхъ сторонниковъ враждебной ему партіи, грозя осадить Новгородъ, но присутствіе черниговскаго князя связывало ему руки, и когда новгородцы не только отказались выдать своихъ согражданъ, но и стали укрѣплять свой городъ, онъ принужденъ былъ уступить и согласиться на принятіе новгородцами Михаила. Послѣдній явился въ Новгородъ, и „бысть легко и в городехъ и в волостехъ и в селахъ Новгородскихъ", говоритъ лѣтописецъ. Умѣнье черниговскаго князя утишить волненіе въ Новгородѣ привязало къ нему его жителей. Успокоивъ Новгородъ, Михаилъ отправился къ Торжку, гдѣ еще стоялъ Юрій, и потребовалъ возвращенія имущества, захваченнаго у нѣкоторыхъ новгородцевъ. Суздальскій князь согласился и затѣмъ оставилъ Торжокъ. Но удачно начатое дѣло Ольговичей на этотъ разъ не могло имѣть рѣшительнаго успѣха на сѣверѣ: этому помѣшали внутренніе неурядицы въ самой Сѣверской землѣ. Вслѣдствіе этого Михаилъ, не смотря на всѣ просьбы новгородцевъ, вернулся въ Черниговъ, убѣждая ихъ не прерывать съ нимъ связи: „пускайте, говорилъ онъ имъ, всякихъ гостей, и пусть ваши торгуютъ безпрепятственно у меня, а мои у васъ: земля моя пусть будетъ ваша, и ваша—моя [1])„! Новгородцы снова принуждены были послать за Ярославомъ Всеволодовичемъ [2]).

Обстоятельство, заставившее Михаила отказаться отъ пріобрѣтеннаго успѣха надъ Суздалемъ, состояло въ томъ, что въ это время Олегъ Игоревичъ, князь курскій, заявилъ свое старшинство на черниговскій столъ [3]). Суздальскій князь, принужденный уступить Чернигову въ дѣлахъ Новгорода, не упустилъ случая ослабить его своимъ вмѣшательствомъ въ его внутреннія дѣла: онъ съ своими племянниками двинулся въ Сѣверскую землю, какъ-бы для поддержки правъ Михаила, хотя онъ ихъ вовсе не имѣлъ по старшинству. Но ожиданія Суздаля не сбылись. Вмѣшательство Юрія вызвало въ свою очередь участіе въ сѣверскихъ дѣлахъ Владиміра Рюриковича, сидѣвшаго въ Кіевѣ и

---

[1]) Никон. лѣт. стр. 348, 349, 355; Лѣт. по Акодем. списку стр. 483.

[2]) Сѣвер.—Рус. Народоправства, т. I, стр. 104.

[3]) Олегъ былъ дядя Михаила. (См. родосл. таблицы).

приходившагося родственникомъ черниговскому князю. Онъ послалъ въ Черниговъ митрополита, который своимъ вліяніемъ уладилъ дѣло между Олегомъ и Михаиломъ: князь курскій добровольно отказался отъ Чернигова [1]). Такимъ образомъ на черниговскомъ столѣ окончательно утвердился, хотя съ нарушеніемъ княжескихъ правъ старшинства, князь вполнѣ походившій на своихъ предшественниковъ по энергіи и ловкости, качествомъ, которыя были необходимы въ данный періодъ.

Въ это время, взявшій на себя дѣло Мономаховичей, Даніилъ изъ своей отчины, Владиміра-Волынскаго, сталъ усиливаться на счетъ ближнихъ мелкихъ князей Пинскихъ. Это заставило опасаться и кіевскаго князя, отецъ котораго, Рюрикъ, былъ постриженъ въ монахи отцемъ Даніила. Такимъ образомъ вмѣшательство его въ дѣла Сѣверской земли объясняется необходимостью найти себѣ союзника. Князь черниговскій заключилъ съ нимъ союзъ и двинулся на Даніила съ черниговцами, курянами и новгородсѣверцами. Владиміръ Рюриковичъ поднялъ половецкаго князя, Котяна. Но кромѣ того Михаилъ снесся съ галичанами, которые приняли къ себѣ венгерскаго королевича, Андрея, и заключилъ съ ними договоръ о невмѣшательствѣ. Въ такую критическую минуту Даніилъ вывернулся довольно удачно: онъ разстроилъ союзъ Котяна съ Михаиломъ и направилъ его на Галичъ, а самъ отправился въ Польшу за помощью. Союзники сочли за лучшее послать къ нему пословъ съ мирными предложеніями [2]). Такая нерѣшительность Михаила и быстрое заключеніе мира объясняются сѣверными дѣлами, призывавшими снова черниговскаго князя въ Новгородъ.

Въ 1228 г. по поводу распри со Псковомъ возникли несогласія у Новгорода съ княземъ (Ярославомъ Всеволодовичемъ). Ярославъ не могъ уже проявить своего неудовольствія ни чѣмъ, кромѣ того, что ушелъ въ свой Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей. Молодые князья, по случаю междоусобія и убійствъ въ городѣ (1229 г.), убѣжали. Тогда новгородцы собрали вѣче и послали къ Михаилу въ Черниговъ звать его къ себѣ. Но въ Смоленскѣ пословъ задержали: по приказанію Ярослава были заняты всѣ пути изъ Новгорода въ Сѣверскую землю. Михаилъ узналъ объ этомъ и двинулся къ Новгороду чрезъ Торжокъ. Враги, какъ видно, не ожидали, что онъ явится

---

[1]) Никон. лѣт. стр. 356; Воскр.—ч. I, стр. 133 Лавр.—стр. 426.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 503.

такъ быстро, и не загородили ему дороги. Прибывши въ Новгородъ, Михаилъ присягнулъ въ соблюденіи новгородскихъ вольностей по грамотамъ Ярослава I и далъ льготу бѣднымъ людямъ и должникамъ не платить дани пять лѣтъ и тѣмъ, которые убѣжали отъ долговъ, платить по старымъ правиламъ или безъ процентовъ. Вслѣдъ за тѣмъ новгородцы отдали посадничество сторонникy Чернигова, Внѣзду Водовику. Партію Суздаля, хотя и не грабили, по стараму обыкновенію, за то обложили пошлиной на постройку большаго моста чрезъ Волховъ. Но и теперь Михаилъ не могъ долго пробыть въ Новгородѣ. Въ 1230 г. онъ оставилъ въ Новгородѣ своего сына Ростислава, собралъ новгородцевъ на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ: „если Богъ дастъ, возстановятся права Новгорода, тогда мнѣ слѣдуетъ взять своего сына“. Затѣмъ онъ отправился въ Черниговъ и отсюда послалъ къ Ярославу Всеволодовичу съ требованіемъ возвратить Новгороду захваченный имъ Волокъ, но Ярославъ отвѣчалъ отказомъ и не согласился заключить мира. Послы были задержаны всё лѣто. Михаилъ, не имѣя отвѣта отъ Ярослава, не предпринималъ ничего въ интересахъ Новгорода. Вслѣдствіе этого тамъ опять началась борьба. Ростислава Михаиловича обвиняли въ томъ, что его отецъ обѣщалъ двинуться противъ Ярослава съ Воздвиженья, а теперь Николинъ день, ограбили Водовика и тысяцкаго Бориса, и прогнали Ростислава. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ рѣшающихъ обстоятельствъ въ этомъ дѣлѣ былъ страшный голодъ въ Новгородской области, а между тѣмъ, вслѣдствіе разлада съ Суздалемъ, подвозъ хлѣба долженъ былъ прекратиться. Это-то и дало перевѣсъ суздальской партіи: снова былъ призванъ Ярославъ Всеволодовичъ, принятый сначала „на всей волѣ“ Новгорода, но затѣмъ льготы, данныя Михаиломъ св. были уничтожены [1]). Еще послѣ требованій Михаиломъ Волока едва не вспыхнула война между Суздалемъ и Черниговомъ, но митрополитъ и черниговскій епископъ Порфирій уладили дѣло мирнымъ путемъ [2]), теперь, послѣ перехода Новгорода подъ власть Ярослава, послѣдній двинулся на Михаила за то, что онъ даетъ убѣжище новгородскимъ изгнанникамъ враждебной Суздалю

---

[1]) Воскр. лѣт. стр. 134—5; Никон.—стр. 361, 363—366; Лѣт. по Акад. списку, стран. 484; Соловьевъ. Истор. Россіи т. II, стр. 368—9; Костомаровъ. Сѣвер.—Рус. Народоправства, I т. стр. 104.

[2]) Никон. лѣт. стр. 305; Воскр.—стр. 137; Лаврен.—433.

партіи. Походъ этотъ не былъ однако удаченъ: Ярославъ сжегъ Шеренскъ, опустошилъ окрестности, но не могъ взять Мосальска[1]). Съ этого времени черниговскій князь долженъ былъ совершенно отказаться отъ борьбы съ Суздалемъ путемъ поддержки Новгорода. Теперь всё его вниманіе обращается на Галичь и Кіевъ, гдѣ и открывается упорная борьба съ Даніиломъ. Но сторонники черниговской партіи, изгнанные изъ Новгорода, въ числѣ которыхъ былъ сынъ посадника Водовика, сдѣлали еще разъ попытку соединить Новгородъ съ Сѣверской землей и приглашаютъ туда Святослава трубчевскаго. Онъ въ сопровожденіи изгнанниковъ явился въ Новгородъ, но, видя что нельзя имѣть успѣха, возвратился назадъ, а призвавшіе его новгородцы сначала удалились въ Псковъ, а потомъ принуждены были бѣжать къ Нѣмцамъ въ Оденпе[2]).

Въ это время на югѣ шла упорная борьба между Венграми и Даніиломъ за Галичь, гдѣ бояре распадались на три главныя партіи: венгерскую, во главѣ которой стоялъ Судиславъ, владимірскую съ бояриномъ Чермнымъ Семюнкомъ, и черниговскую съ Григоріемъ Васильевичемъ и Молибоговичами[3]). Послѣднія двѣ партія, на сколько можно судить, прикрываясь различными претендентами на галицкій столъ, имѣли главною цѣлью захватить правленіе этой областью въ свои руки и для этого ослаблять Владиміръ-Волынскій. Точно также князья пинскіе стараются препятствовать возрастанію могущества Даніила, но сверхъ того энергическими врагами его являются загадочные князья болоховскіе, которые постоянно становятся на сторону Михаила Св. Но до 1233 г. мы не видимъ вмѣшательства черниговскаго князя въ эти распри. Въ этомъ году Даніилъ, угрожаемый Венграми, самъ

---

[1]) Воскр.—138; Никон. лѣт.—367; Лѣт. по Ак. списку, стр. 485.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, III т. стр. 153—4.

[3]) „Андрѣеви-же прешедшу ко отцю си и брату, и Судиславу глаголющу непрестанью: „изыдѣте на Галичь и т. д.“ (Ипат. лѣт. стр. 507).

„Послаша Галичане по Данила Чермьнаго Семьюнка“ (Ипат. лѣт. стр. 514).

Молибоговичи стараются убить Данила на пиру, но это не удалось. (Ипат. лѣт. стр. 508). Затѣмъ они бѣжали, но были пойманы и прощены (509). Наконецъ, въ 1234 году при нападеніи Изяслава Владиміровича съ Половцами на Даніила, Григорій Васильевичъ и Молибоговичи способствуютъ его побѣдѣ и поимкѣ Мирослава и другихъ бояръ Даніила (515).

обратился за помощью къ Изяславу Владиміровичу новгородсѣверскому, который со времени пораженія его отца въ Галичѣ, кажется, жилъ въ Половецкой землѣ. Изяславъ, явившись на помощь Даніилу, напалъ на его область, взялъ городъ Тихомль и разорилъ окрестности [1]). Дѣло этимъ, можетъ быть, и кончилось-бы, но въ 1234 году въ Галичѣ восторжествовала партія Даніила и призвала его. Такимъ образомъ въ его рукахъ сосредоточились большія силы, угрожавшія планомъ Чернигова. Поэтому Михаилъ явился подъ Кіевомъ, а Изяславъ двинулся съ Половцами съ юга. Владиміръ Рюриковичъ кіевскій обратился за помощью къ Даніилу. Онъ быстро двинулся къ Кіеву и вслѣдъ за Михаиломъ вошелъ въ Сѣверскую землю. Михаилъ заперся въ Черниговѣ. Враги взяли Хороборъ, Сосницу, Сновскъ и осадили самый Черниговъ. Подъ стѣнами его произошелъ сильный бой. Упорная защита ослабила войско Даніила. Между тѣмъ Изяславъ вошелъ въ Кіевскую область и сталъ разорять её. Въ это время Михаилъ завелъ съ Даніиломъ переговоры о мирѣ, который и былъ принятъ осаждавшими. На обратномъ пути союзники на голову были разбиты Изяславомъ у Звенигорода, при чемъ попалъ въ плѣнъ кіевскій князь Владиміръ Рюриковичъ. Эта побѣда Ольговичей снова подняла смуты въ Галичѣ. Бояре ловко заставили брата Даніила, Василька, уйти на

---

[1]) Относительно князя, котораго мы называемъ Изяславомъ Владиміровичемъ, существуетъ разногласіе. Карамзинъ (III, 266) считаетъ его сыномъ Владиміра; Арцыбашевъ тоже (Соловьевъ, III, прим. 264); Татищевъ—сыномъ Ростислава Романовича. Въ Воскресенской лѣтописи (I, 138) согласно съ Татищевымъ; Соловьевъ склоняется къ послѣднему. Въ лѣтописи по Акад. списку онъ названъ тоже „Мстиславичемъ“, но есть поправка во „Владимеричи“. Мнѣ кажется, достаточно будетъ привести одно изъ извѣстій Ипатьевской лѣтописи, ближе стоявшей къ дѣлу. Въ 1235 г. Даніилъ, заключивъ миръ съ Михаиломъ, собралъ на Кондрата Польскаго: „Литву, Миньдога, Изяслава Новгородскаго“. (517). Очевидно, здѣсь разумѣется не Новгородъ В, гдѣ сидѣлъ Ярославъ, тѣмъ болѣе не Новгородокъ литовскій, а Новгородъ-Сѣверскій. Дѣйствительно тамъ не упоминается никакого князя послѣ Владиміра Игоревича. По старшинству тамъ долженъ быть Олегъ, но онъ сидитъ въ Курскѣ. Слѣд. Новгородъ-Сѣверскій является какъ-бы безъ князя. Наконецъ, постоянная связь Изяслава съ Михаиломъ и стремленіе въ Галичъ указываютъ на происхожденіе Изяслава.

защиту Владиміра-Волынскаго, будто-бы угрожаемаго со стороны Ольговичей, и затѣмъ принудили Даніила бѣжать къ Венграмъ [1]).

Въ 1235 году владимірскій князь вернулся изъ Венгріи. Поэтому галицкіе бояре, заключивъ союзъ съ болоховскими князьями, напали на область Даніила. Руководили этимъ дѣломъ, какъ видно, Ольговичи, потому что вслѣдъ затѣмъ они открыто становятся на сторону Галича. Общіе интересы снова соединили князей кіевскаго и владимірскаго, и они заключили союзъ. Недалеко отъ Каменца ополченія галицкихъ бояръ и болоховскихъ князей были наголову разбиты Даніиломъ, при чемъ бо́льшая часть бояръ и всѣ князья попали въ плѣнъ. Теперь въ Галичѣ беретъ перевѣсъ черниговская партія. Послѣ пораженія подъ Каменцемъ сторонники Даніила должны были, конечно, на время стушеваться ради собственной безопасности; другая, венгерская партія, въ данное время не имѣла силы, потому что недавнее пребываніе Даніила въ Венгріи уничтожало возможность расчитывать на королевича; такимъ образомъ естественнымъ путемъ выдвигалась партія Чернигова, и, дѣйствительно уже лѣтомъ того-же года мы видимъ въ Галичѣ Михаила Св. Онъ вмѣстѣ съ Изяславомъ Владиміровичемъ послалъ къ Даніилу съ требованіемъ освободить плѣнныхъ. Въ то-же время ему удалось составить большой союзъ противъ Даніила изъ Поляковъ, Половцевъ, Галичанъ, но онъ быстро разстроился. Даніилъ съумѣлъ предупредить соединеніе союзниковъ и разбилъ Поляковъ. Половцы, подъ вліяніемъ пораженія послѣднихъ, отказались идти на Даніила, а напали на самый Галичъ и затѣмъ отступили въ степи Михаилъ, опасаясь новыхъ смутъ въ Галичѣ, быстро ушелъ туда, а Кондратъ польскій бѣжалъ. Но, не смотря на неудачный исходъ союза, Михаилъ и сынъ его, Ростиславъ, удерживаются въ Галичѣ; походъ на нихъ Даніила кончился безуспѣшной осадой Звенигорода. Между врагами былъ заключенъ миръ, по которому Ольговичи не только удерживали Галичъ, но получали еще Перемышль, бывшій до сихъ поръ въ рукахъ Даніила. Эта уступчивость владимірскаго князя обуславливалась необходимостью заручиться спокойствіемъ со стороны Михаила, потому что въ это время ему снова угрожали Поляки. Онъ двинулъ на нихъ литовскаго князя Мендовга, и, по миру съ Ольгови-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 514—516.

чами, съ нимъ въ союзѣ является также Изяславъ Владиміровичъ новгородсѣверскій.

Какъ видно изъ хода разсказанныхъ событій, Суздаль въ данное время теряетъ всякое вліяніе на южныя дѣла. Это объясняется извѣстіями сѣверныхъ лѣтописей о походѣ суздальскихъ князей на Мордву и о борьбѣ съ нѣмцами за пограничныя области Новгорода. Но послѣ удачнаго исхода этихъ предпріятій въ 1235 г. Ярославъ Всеволодовичъ, вошедши въ сношенія съ Михаиломъ, двинулся къ Кіеву съ новгородцами. Къ нему явился Изяславъ Владиміровичъ съ Половцами и Михаилъ съ черниговцами. Общими силами они прогнали изъ Кіева Владиміра Рюриковича, и тамъ сначала сѣлъ Ярославъ Всеволодовичъ, но удержаться былъ не въ состояніе уже потому, что его отвлекали новгородскія дѣла, и въ 1236 г. онъ принужденъ былъ уступить Кіевъ Михаилу [1]). Въ Галичѣ остался Ростиславъ Михайловичъ. Теперь снова дѣла Мономаховичей пришли въ незавидное положеніе. Ольговичи снова образовали сильную коалицію изъ земель Сѣверской, Галицкой, Кіевской; ихъ сторону должны были принять болоховскіе князья, для которыхъ менѣе было опасности въ союзѣ съ сѣверскими князьями, чѣмъ въ зависимости отъ Владиміра-Волынскаго. Вновь должна была возгорѣться борьба, которая могла окончиться не въ пользу Даніила. Дѣло снова началось съ Галича. Въ то время когда Ольговичи вели борьбу съ Даніиломъ съ переменнымъ успѣхомъ, боярская партія держится стороны первыхъ, такъ какъ не представлялось особенной опасности для ихъ вольностей отъ слабыхъ, нуждающихся въ поддержкѣ Ольговичей, но лишь только они соединили въ своихъ рукахъ значительныя силы, то естественно черниговская партія должна была потерять значеніе, такъ какъ для бояръ непріятно было имѣть у себя сильныхъ князей. Сторонники Даніила берутъ теперь верхъ и во время похода Ростислава Михаиловича на Литву отворяютъ ему ворота. Пришлось сторонникамъ Чернигова выходить на встрѣчу Даніила и самимъ приглашать его въ городъ; „изыдоша слѣзныма очима и ослабленномъ лицемъ и лижуща уста своя“, говоритъ лѣтописецъ. Рости-

[1]) Лѣт. по Акад. списку говоритъ, что въ Кіевѣ сидѣлъ нѣкоторое время Изяславъ Владиміровичъ. Это, вѣроятно, было въ промежутокъ времени между плѣномъ Владиміра Рюриковича и побѣдой Даніила надъ союзниками, послѣ которой Кіевъ снова переходитъ къ Рюриковичу.

славъ бѣжалъ въ Венгрію. Посланная Даніиломъ погоня не успѣла захватить его[1]). Появленіе на сѣверѣ Татаръ остановило продолженіе войны.

Теперь врагъ двигался уже съ громадными силами, съ окончательной цѣлью подчинить себѣ Русь, врагъ, сильный своей сплоченностью, единодушіемъ и пріобрѣтенной увѣренностью въ успѣхѣ, подчинивъ себѣ почти всю Азію. Что могла выставить противъ него ослабѣвшая, расшатанная Русь? Двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ перваго ея столкновенія съ Монголами, и что сдѣлала она для своего усиленія? Она и не думала объ этомъ, да это было и невозможно: броженіе основныхъ элементовъ русской жизни—вѣча, князя и дружины—не могло въ ней прекратиться и должно было идти своимъ историческимъ путемъ, пока не одержалъ-бы окончательно одинъ изъ нихъ, или, что̀ крайнѣ сомнительно, обезсиленные, они слились-бы во что-нибудь гармоническое цѣлое. Я говорю, что этотъ исходъ сомнителенъ, потому, что взаимная ихъ борьба не велась каждымъ началомъ самостоятельно, а, борясь, они должны были опираться другъ на друга, искать поддержки одно у другаго, составлять быстро смѣняющіяся комбинаціи, и тѣмъ поочередно усиливать одно другое. Въ Галичѣ боярство захватываетъ власть,—земство старается выставить противъ него власть князя и въ союзѣ съ нею осилить дружинное начало; съ этою-же цѣлью каждая область, каждый городъ, старается имѣть своего князя,—и вотъ является соединеніе двухъ элементовъ—вѣча и княжеской власти. Но эта комбинація не можетъ удерживаться: желаніе князя усилиться заставляетъ соединиться княжескую власть съ дружиной. Такъ галицкій князь опирается на дружинниковъ для подавленія земства; очевидно, труднѣе было соединеніе земства съ боярствомъ, но несомнѣнно, что бывали случаи подобной комбинаціи для осиленія княжеской власти. Это частное броженіе въ различныхъ областяхъ переходитъ, наконецъ, въ общее, гдѣ дѣйствующими элементами являются уже цѣлыя области, въ которыхъ, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, развилось болѣе то или другое начало. Выразителемъ принципа княжеской власти является Суздаль, боярства—Галичь, общины—Новгородъ и Сѣверская земля. Я не говорю о Кіевѣ потому, что онъ, представляя въ самомъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 516—518; Никон. лѣт. стр. 369; Воскр. лѣт. стр. 138; лѣт. по Акад. списку, стр. 486.

себѣ скорѣе преобладаніе вѣчеваго начала, относительно Руси былъ представителемъ централизаціи, а слѣд. и княжеской власти, и потому, что съ 1169 года онъ теряетъ всякое самостоятельное значеніе и безъ протеста переходитъ въ различныя руки этихъ трехъ борющихся областей. Но эта борьба осложнилась еще желаніемъ Мономаховичей отстоять принципъ, вытекшій изъ первыхъ попытокъ Мономаха къ самовластію, хотя онъ потерялъ всякое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ явился вполнѣ очерченный идеалъ княжеской власти въ Суздалѣ. Если приходилось вести съ нимъ борьбу, то только потому, что онъ (принципъ) становился на дорогѣ для другихъ началъ. Мы видимъ, что суздальскій князь не придаетъ ему важнаго значенія и сажаетъ въ Кіевѣ и Ольговичей. На сторонѣ этого уже анахронистическаго принципа стояли постоянно двѣ области—Владиміро-Волынская и Смоленская. Если мы не можемъ увѣренно сказать, какое начало было преобладающимъ въ первой (хотя едвали не боярское), то можно положительно утверждать, что въ послѣдней былъ сильно развитъ элементъ вѣчевой, какъ это видно изъ намековъ лѣтописи и, главное, изъ оставшихся грамотъ. Стоя за упомянутый принципъ, эти области не могли явиться въ общемъ броженіи представителями какого—нибудь изъ трехъ основныхъ началъ. Въ Полоцкой землѣ внутренняя борьба была столь сильна, что не давала ей возможности принять на себя инициативу защиты какого—нибудь изъ элементовъ, хотя, судя по извѣстіямъ лѣтописи, въ ней сильно было развито вѣчевое начало. Изъ сказаннаго видно, что въ общемъ браженіи Суздаль былъ защитникомъ московскаго идеала князя, Сѣверская земля съ Новгородомъ—отдѣльно вѣчеваго порядка, Галичъ—боярскаго элемента, Владиміръ и Смоленскъ—принципа Мономаховичей, только усложнявшаго дѣла. Бросивъ взглядъ на ходъ этой борьбы, мы и здѣсь видимъ составленіе различныхъ комбинацій, то Галича съ Сѣверской землей, то Суздаля съ ней-же, то Суздаля съ Галичемъ, (въ дѣлѣ Владиміра Ярославича). Мы видѣли, что борьба эта уже въ продолженіи многихъ лѣтъ велась безрезультатно, пока не явился новый элементъ, совершенно внѣшній, соединившійся съ однимъ изъ боровшихся началъ и давшій ему окончательную побѣду. Этотъ элементъ были Монголы, ставшіе на сторону княжеской власти. Таковъ, мнѣ кажется смыслъ, вполнѣ простой и естественный, удѣльно—вѣчевой эпохи.

Но какъ ни безуспѣшна была борьба для всѣхъ сторонъ до по-

явленія новой рѣшающей силы, она имѣла своимъ послѣдствіемъ всеобщее ослабленіе Руси. Изъ областей наиболѣе пострадали Кіевская и Сѣверская, благодаря постояннымъ опустошеніямъ. Но являлось и другое слѣдствіе особенно для Сѣверской земли. Защищая старый удѣльно-вѣчевой порядокъ, требуя постоянной помощи земства для веденія борьбы, Сѣверскіе князья невольно должны были способствовать сильному развитію раздробленности своей земли. Лѣтопись, упоминающая удѣлы только по необходимости при ходѣ разсказа, даетъ однако намъ возможность насчитать большое число ихъ, мало—по малу появившихся въ Сѣверской землѣ. Такъ мы знаемъ удѣлы: Черниговскій, Козельскій, Брянскій, Карачевскій, Стародубскій, Вщижскій, Сновскій, Новгородъ-сѣверскій, Курскій, Путивльскій, Рыльскій, Трубчевскій, Липовецкій, Лопастенскій [1]). Приглядѣвшись внимательнѣе къ борьбѣ, которую ведутъ черниговскіе князья съ своими врагами, мы замѣчаемъ, что связь между удѣлами и зависимость ихъ отъ областныхъ князей всё болѣе слабѣетъ. Мы видимъ, напр., что съ Даніиломъ ведутъ дѣло только князья черниговскій и новгородъ-сѣверскій, въ то время, какъ князья другихъ удѣловъ не учавствуютъ въ немъ. Послѣ Калкской битвы нѣтъ уже указаній, чтобы черниговскій князь созывалъ „свою братью“ на совѣщаніе. Михаилъ Св. садится не по праву въ Черниговѣ, и Олегъ курскій соглашается уступить ему, какъ-бы не придавая

---

[1]) Не говоря объ удѣлахъ, упоминавшихся въ нашемъ изложеніи, я считаю не лишнимъ привести лѣтописныя указанія относительно остальныхъ:

Козельскій удѣлъ: „1224 г. тогда-бо бѣхуть... а Мстиславъ Козельскій въ Черниговѣ.... „(Ипатс. лѣт. стр. 495)“.

Брянскій и Карачевскій: 1310 г. „того-же лѣта князь Василей Брянскій ходи с татары к Карачеву и уби князя Святослава Мстиславича Карачевскаго“. (Никон. лѣт. стр. 107, ч. III).

Рыльскій: 1241 г. „того-же лѣта Батыевы татарове убиша князя Мстислава Рыльскаго“ (Ibidem, стр. 13).

Липовецкій: 1285 г. князь Александръ Липовецкій убилъ Олега курскаго и друхъ его сыновей. (Ibidem стр, 84).

Лопастенскій: 1176 г. „Олегъ-же проводивъ и, възвратися во свою волость к Лопасну“. (Ипат. лѣт. стр. 408).

Сновскій: 1203 г.... „и веде Ростиславъ (Мстислава Владиміровича) ко Сновьску к собѣ“. (Лавр. лѣт. стр. 398).

большаго значенія черниговскому столу. Берутъ верхъ частные интересы, общая цѣль теряется. Каждый удѣлъ заботится только о себѣ; выгоды цѣлой земли отходятъ на второй планъ. Вотъ какую картину представляла Русь предъ появленіемъ Монголовъ.

Еще подъ 1232 годомъ лѣтописи извѣщаютъ о появленіи Монголовъ въ Болгаріи, затѣмъ подъ 1236 о разореніи ея и объ избіеніи ея жителей[1]). Эти упоминанія лѣтописи показываютъ, что эти факты были извѣстны уже тогда русскому обществу. Князья уже могли знать объ угрожающей вновь опасности, но мы видимъ, что они продолжаютъ свою борьбу, что въ 1235—6 годахъ Ярославъ Всеволодовичъ беретъ Кіевъ, что на югѣ дерутся за Галичъ Разрозненные долгой борьбой, князья различныхъ областей не думаютъ о всеобщемъ союзѣ. Мало этого, въ каждой области отдѣльно удѣлы не хотятъ соединяться и защищаются по одиночкѣ. Въ Суздальской землѣ связь между удѣльными князьями была болѣе крѣпка, и всё-таки они борятся въ раздробъ. Если такъ было въ Суздалѣ, то что-же могла сдѣлать Сѣверская земля, которая представляла группу самыхъ мелкихъ княжествъ, между которыми терялась даже федеративная связь. И вотъ удѣлъ за удѣломъ падаютъ подъ силой Монголовъ, представляя только примѣры безполезнаго героизма. А глава всей Сѣверской земли вмѣсто того, чтобы собрать „братью“, явившись въ свой стольный городъ, сначала упускаетъ удобное время, занявшись недавно пріобрѣтеннымъ Кіевомъ, а потомъ боится показаться въ Черниговѣ изъ страха предъ Татарами. Въ 1237 г. разоривъ землю Рязанскую и Суздальскую, Монголы въ 1238 г. явились въ границахъ Сѣверской области. Они двигались чрезъ Шеренскъ, слѣд. прошли всю область Вятичей, гдѣ, по всей вѣроятности, города сдавались имъ добровольно, и, наконецъ, были остановлены Козельскомъ, также однимъ изъ Вятическихъ городовъ. Не смотря на малолѣтство своего князя, Василія[2]), Козляне рѣшились защищаться. Татары пошли на штурмъ, разбили стѣны и взобрались на валъ, но тутъ жители рѣзались съ ними на ножахъ и отбили приступъ. Затѣмъ они рѣшили выйти въ поле, сдѣлали вылазку, напали на татарскія полчища, произвели въ нихъ сильное опустошеніе и всѣ полегли на мѣстѣ. Молодой князь пропалъ безъ вѣсти. Мстя за смерть

---

[1]) Воскр. лѣт. стр. 138. Лаврент. стр. 437.

[2]) Родословную этого князя трудно опредѣлить. Мы видѣли въ Ко-

своихъ трехъ сыновей, татарскій темникъ приказалъ вырѣзать всѣхъ жителей Козельска. Отсюда чрезъ Черниговскій удѣлъ, Монголы двинулись въ землю Половцевъ, но дорогѣ отрядили часть своихъ силъ для взятія Чернигова и въ 1239 году „обступиша градъ въ силѣ тяжцѣ“. Мстиславъ Глѣбовичъ, узнавъ объ осадѣ Черниговѣ, не побоялся явиться ему на выручку. Судя по лѣтописному извѣстію о многочисленности его ополченія, можно сдѣлать предположеніе, что ему удалось соединить въ послѣдній разъ для защиты стольнаго города силы сосѣднихъ удѣловъ. Самъ Мстиславъ долженъ былъ княжить въ одномъ изъ ближнихъ городовъ. Отчаянный бой произошелъ подъ стѣнами Чернигова. Мстиславъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію, а городъ былъ сожженъ татарами. Епископъ Порфирій былъ пощаженъ и отведенъ въ Глуховъ, гдѣ ему дали свободу. Взявъ Черниговъ, ханъ Мангу отправилъ пословъ въ Кіевъ къ Михаилу съ требованіемъ сдачи и покорности. Но Михаилъ разсудилъ за лучшее перебить пословъ и бѣжать въ Венгрію вслѣдъ за своимъ сыномъ, Ростиславомъ [1]).

зельскѣ Мстислава Святославича, слѣд. Василій долженъ былъ быть съ нимъ въ родствѣ. Но родословныя книги такъ выводятъ его происхожденіе:

Михаилъ Св.
|
Мстиславъ Корачевскій
|
Титъ
|
Иванъ
|
Василій (Козельскій)+1238 г.

Нелѣпость этого вывода видна сама собой, потому что невозможно, чтобы Михаилъ въ 1238 г. имѣлъ праправнука, когда у него въ 1230 году сынъ Ростиславъ, былъ юношей. Что у Михаила былъ сынъ, Мстиславъ, это вѣрно: мы встрѣчаемъ въ 1310 году Святослава Мстиславича Карачевскаго. Скорѣе можно предположить, что онъ дѣйствительно сынъ Мстислава Святославича, который былъ убитъ съ однимъ сыномъ на Калкѣ, а Василій могъ быть другимъ. Если онъ родился около времени Калкской битвы, то въ 1238 г. ему должно было быть лѣтъ 13 или 14.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 518—521; Воскр.—143—144; Никон. лѣт. стр. 5, ч. III; Софійскій врем. стр. 247; Лавр. лѣт. стр. 446; Лѣт. по Акад. списку стр. 495.

Пока черниговскій князь то скитался въ Венгріи и Польшѣ, то, униженно выпросивши миръ у Даніила, получилъ позволеніе жить въ его волости, при чемъ владимірскій князь доставлялъ ему съѣстные припасы: пшеницу, медъ, мясо, овецъ „доволѣ“, пока Даніилъ обѣщалъ ему Кіевъ, а Ростислава сажалъ въ Луческѣ, пока черниговскій князь былъ занятъ всѣми этими личными мелочами, Сѣверская земля по частямъ была покорена татарами. Лѣтописныя извѣстія всё болѣе и болѣе рѣдѣютъ, мельчаютъ и не даютъ поэтому намъ возможности составить картину подчиненія этой области. Но во всякомъ случаѣ можно предположить, что нѣкоторые удѣлы сдаются добровольно, и только незначительное меньшинство рискуетъ сопротивляться, слѣдствіемъ чего является разореніе и смерть князя. Такъ подъ 1241 годомъ лѣтописи извѣщаютъ насъ, что татары убили Мстислава Рыльскаго [1]). Послѣ взятія Кіева, Михаилъ Св. бѣжалъ сначала въ Польшу, а затѣмъ въ Германію, гдѣ нѣмцы ограбили его и убили его внука. Тогда онъ принужденъ былъ вновь вернуться въ Польшу, и затѣмъ явился въ Русь, когда Татары опустошили уже не только Кіевскую область, но Галицкую и Владимірскую. Михаилъ Св. не увѣдомилъ Даніила о своемъ возвращеніи и нѣкоторое время жилъ на островѣ Днѣпра, отправивъ Ростислава въ Черниговъ [2]).

Теперь, повидимому, должна была прикратиться долголѣтняя борьба между Ольговичами и Мономаховичами: необходимость требовала обратиться къ устройству своихъ разоренныхъ областей, по возможности облегчить народныя бѣдствія, какъ это и сдѣлали сѣверные князья; да и не было причины для продолженія усобицъ: Суздаль имѣлъ много заботъ на рукахъ у себя дома, Мономаховичи, въ лицѣ Даніила, уступаютъ Кіевъ Михаилу Св., какъ-бы отказываясь отъ защиты своего принципа. Но черниговскій князь съ своимъ сыномъ, Ростиславомъ, не думаютъ ѣхать въ свои удѣлы или явиться къ хану, чтобы облегчить свои волости отъ тяжелаго бѣдствія, а продолжаютъ борьбу, позволяя увлекать себя интригами галицкихъ бояръ. Ростиславъ въ союзѣ болоховскими князьями напалъ на область Даніила, но не имѣлъ успѣха и принужденъ былъ бѣжать за Днѣпръ. Болоховскіе князья поплатились

---

[1]) Никон. лѣт. стр. 13, ч. III; Лавр. лѣт. стр. 447; лѣт. по Акад. списку стр. 495.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 521—522.

разореніемъ своей области, хотя и находились подъ покровительствомъ Татаръ. Вслѣдъ затѣмъ изгнанный Даніиломъ галицкій епископъ, Артемій, давній сторонникъ Чернигова, завелъ снова сношенія съ Ростиславомъ, но Татары разогнали ополченія послѣдняго, а епископъ попалъ въ руки венгерскаго королевича, Андрея. Хотя въ это время Ростиславу удается жениться на дочери венгерскаго короля, а Михаилъ отдалъ свою дочь за его сына, но хорошихъ послѣдствій отъ этого не было ни для князей, ни для Сѣверской земли. Думая найти убѣжище въ Венгріи, Михаилъ былъ неособенно радушно принятъ королемъ и Ростиславомъ и уѣхалъ въ Черниговъ, откуда его потребовали къ Батыю. Тамъ въ 1246 г., не исполнивъ нѣкоторыхъ обычныхъ церемоній Монголовъ при представленіи хану, онъ былъ убитъ. Интересно, что исполнителемъ казни лѣтопись называетъ путивльца, по имени Домана [1]).

XII.

1246—1356 годъ.

Періодъ исторіи Сѣверской земли, къ изложенію событій котораго мы теперь приступаемъ, не смотря на свою продолжительность, отличается почти совершеннымъ отсутствіемъ объ немъ лѣтописныхъ извѣстій, ставящимъ въ крайнѣ затруднительное положеніе. Упустить этотъ періодъ невозможно уже потому, что имъ заканчивается исторія самостоятельнаго существованія Сѣверской земли, но свѣдѣнія о немъ такъ скудны, что даютъ возможность представить только весьма слабую картину положенія Сѣверской земли за этотъ періодъ. Отсутствіе извѣстій вполнѣ объясняется тѣмъ, что мы не имѣемъ спеціальной лѣтописи этой земли, а дошедшіе до насъ списки уклоняются въ двѣ противоположныя стороны: одни идутъ на юго-западъ, другія на сѣверо-востокъ. Такое направленіе лѣтописныхъ извѣстій совершенно понятно: Сѣверская земля уже не проявляла въ этотъ періодъ ничего, что касалось-бы интересовъ всей Руси, а жила какою-то особенною жизнью, въ которой на первомъ планѣ стояли частные интересы каждаго удѣла. Въ ней въ это время достигъ полнаго развитія тотъ порядокъ, за ко-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 528—9; Воскр. лѣт. стр. 152—156.

торый она такъ долго боролась, порядокъ удѣльно—вѣчевой. Удѣльная раздробленность достигаетъ въ ней своихъ крайнихъ размѣровъ. Въ этотъ періодъ окончательно теряется связь между князьями: каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самостоятельно въ своемъ удѣлѣ. Это яснѣе всего выразилось въ отношеніи къ татарамъ. Въ началѣ этого періода мы видимъ въ Черниговѣ Андрея Всеволодовича, въ Брянскѣ—Романа Михайловича, въ Курскѣ—Олега, въ Липовецкѣ Святослава [1]), и каждый изъ нихъ сносится съ татарами лично и путешествуетъ въ Орду; нѣтъ, какъ на сѣверѣ, общаго представителя земли. Лѣтопись упомянула объ этихъ князьяхъ только потому, что одинъ, два, факта изъ ихъ жизни имѣютъ, какъ мы увидимъ, связь съ обще-русскими дѣлами.

Что касается до положенія Сѣверской земли подъ властью монголовъ, то можно предположить, по аналогіи съ положеніемъ другихъ областей и по нѣкоторымъ даннымъ, что оно было весьма тяжело, въ особенности на юго-восточныхъ окрайнахъ, гдѣ княжескія владѣнія соприкасались съ монгольскими кочевьями. Въ 1255 г. наравнѣ со всей Русской землей Сѣверская область должна была подвергнуться переписи; но тяжесть главная состояла не въ дани, а въ томъ способѣ, какимъ она взималась. Татары, не желая сами хлопотать, отдавали дань на откупъ лицамъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ баскаковъ. Преимущество, конечно отдавалось тому, кто обѣщалъ доставлять болѣе дани. Баскаки грабили и опустошали цѣлыя области. Такъ лѣтописи упоминаютъ подъ 1283 г., что баскакъ, Ахматъ, своими насиліями разорилъ и разогналъ жителей Курскаго и Воргольскаго удѣловъ. Для большей своей безопасности онъ устроилъ даже въ этой области двѣ слободы, въ которой поселился всевозможнѣйшій сбродъ людей, наводившихъ страхъ своими насиліями на окрестныхъ жителей. Борьба съ баскаками была крайнѣ опасна, даже мирнымъ путемъ, не говоря уже объ открытомъ сопротивленіи, за которымъ обыкновенно слѣдовали страшныя репрессаліи со стороны татаръ. Какъ примѣръ отношенія ихъ къ русскому населенію, я считаю не лишнимъ привести слѣдующій разсказъ лѣтописи о томъ-же Ахматѣ.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 562; Воскр. лѣт. стр. 176—8. У Плано-Карпини упоминается еще одинъ князь черниговскій, Андрей, при чемъ разсказывается о судѣ надъ нимъ за продажу татарскихъ лошадей и о казни его. (Соловьевъ, Ист. Россіи, III ч. прим. 346).

Послѣ страшныхъ разореній, причинённыхъ имъ и его слободами, курскій князь, Олегъ, отправился къ хану, Телебугѣ, съ жалобой на Ахмата, вошедши заранѣе въ сношеніе съ родственникомъ своимъ, липовецкимъ княземъ, Святославомъ. Тачъ, по всей вѣроятности, дарами ему удалось склонить хана на свою сторону. Онъ далъ Олегу своихъ чиновниковъ, дозволивъ ему разорить Ахматовы слободы и вывести оттуда принадлежащихъ ему людей. Явившись въ свое княжество, Олегъ напалъ на слободы, разорилъ ихъ, поковалъ Ахматовыхъ людей, а своихъ увелъ. Разсерженный баскакъ отправился тогда къ хану, Ногаю и постарался тамъ выставить Олега и Святослава, какъ противниковъ его власти и разбойниковъ. Это ему удалось тѣмъ скорѣе, что липецкій князь, еще до возвращенія Олега, напалъ ночью на слободы и ограбилъ ихъ. Ногай далъ Ахмату войско для наказанія князей. Они бѣжали: Олегъ къ Телебугѣ, а Святославъ въ Воронежскіе лѣса. Оба удѣла были страшно опустошены. Попавшіеся въ плѣнъ бояре были перебиты, а трупы ихъ развѣшаны по деревьямъ, при чемъ у каждаго была отрублена голова и правая рука. Попавшихся тутъ странниковъ татары отпустили, надѣливъ одеждой убитыхъ бояръ и приказавъ разсказывать по дорогамъ о наказаніи Олега и Святослава: „ходяче по землямъ, тако глаголите“: „кто иметъ спорь держати со своимъ баскакомъ, сице-же ему будетъ“. Для охраны слободъ Ахматъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ. Въ слѣдующемъ году Святославъ напалъ на нихъ и убилъ вмѣстѣ съ дватцатью пятью русскими, сопровождавшими ихъ. Ожидая новой грозы, Олегъ рѣшился предупредить её, посылая Святослава съ оправданіемъ къ Ногаю, но онъ не хотѣлъ ѣхать. Тогда Олегъ отправился въ орду, взялъ тамъ войско и, воротившись, убилъ Святослава. Вслѣдъ затѣмъ братъ послѣдняго, Александръ, напалъ на самаго Олега и убилъ его съ двумя сыновьями, Симеономъ и Давидомъ [1]).

Изъ этого небольшаго эпизода видно, на сколько сильно было разобщеніе интересовъ удѣльныхъ князей. Если являлись между ними люди, желавшіе путемъ безпрекословнаго повиновенія ханамъ облегчить народныя бѣдствія, то на ихъ дорогѣ становятся князья съ узко-эгоистическими цѣлями, парализовавшими всѣ эти старанія.

Кромѣ платежа дани въ кругъ повинностей князей по отно-

[1]) Воскр. лѣт. стр. 176—8.

шенію къ татарамъ входила обязанность подавать военную помощь въ ихъ предпріятіяхъ. Такъ лѣтописи упоминаютъ подъ 1275 г. о походѣ князей Сѣверской земли на Литву и подъ 1277 г. на Кавказъ, при чемъ русскіе князья получили большой почетъ отъ хана, Менгутеміра [1]). Во внутреннемъ управленіи князья имѣли полную самостоятельность. Болѣе независимымъ и спокойнымъ положеніемъ пользовались князья сѣверныхъ удѣловъ. Покрайней мѣрѣ это можно сказать о концѣ XIII в.: далѣе нѣтъ объ обоюдныхъ отношеніяхъ никакихъ извѣстій.

Болѣе независимому положенію сѣверныхъ удѣловъ способствовала какъ отдаленность ихъ, такъ и энергія княжившаго въ это время въ Брянскѣ Романа Михайловича. Если лѣтописи, не упоминая вовсе о Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ, стоявшихъ недавно во главѣ Сѣверской земли, говорятъ о Романѣ, то это ясно показываетъ, что онъ былъ выдающеюся въ то время личностью. Только благодаря его дѣятельности, мы имѣемъ нѣсколько лѣтописныхъ извѣстій о дѣлахъ въ Сѣверской землѣ. Романъ съумѣлъ преобрѣсти уваженіе Татаръ своею удачною военною дѣятельностью противъ Литвы, которая теперь уже начала съ ними споръ за приднѣпровскія княжества Сѣверской земли. Когда въ 1275 г. Романъ не могъ при началѣ похода соединиться съ татарами, то они „вельми жадахуть Романа абы притяглъ [2])“. Мы не видимъ, чтобы его удѣлъ подвергался сильному гнету. Едвали Романъ не признавался татарами представителемъ сѣверныхъ удѣловъ. Есть вѣроятіе предполагать, что онъ ѣздилъ въ Орду хлопотать за свое княжество [3]). Борьба съ Литвой, доставившая Роману нѣкоторую извѣстность, началась еще въ началѣ XIII столѣтія. Мы видѣли нападенія

---

[1]) Воскр. лѣт. стр. 172; 173; Ипат. лѣт. стр. 575.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 576.

[3]) Плано-Карпини говоритъ, что при своемъ обратномъ путешествіи въ Европу изъ Орды онъ встрѣтилъ на дорогѣ двухъ князей, Даніила галицкаго и Романа. Послѣдній, по предположенію Карамзина, долженъ быть княземъ брянскимъ (Истор. Госуд. Рос. ч. IV, прим. 65). Дѣйствительно Ипат. лѣтопись, разсказывая о путешествіи Даніила къ Батыю, говоритъ, что сыновья его оставались дома, слѣд. это не могъ быть Романъ Даніиловичъ, а въ это время другаго Романа, кромѣ брянскаго, мы не знаемъ.

литовцевъ на предѣлы Сѣверской земли еще при Мстиславѣ Святославичѣ, т. е., въ первой четверти этого вѣка. Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становятся чаще. Подъ 1258 г. Ипатьевская лѣтопись разсказываетъ о смерти Хвала, одного изъ людей Мендовга, „иже велико убійство творяше землѣ Черниговьской[1])". Въ 1263 году мы видимъ походъ ужс самаго Мендовга. Романъ разбилъ его, а послѣдовавшая затѣмъ смерть литовскаго князя на нѣкоторое время обезопасила предѣлы Сѣверской земли со стороны Литвы, гдѣ начались въ это время внутреннія неурядицы. Воспользовавшись этимъ, князья Галицко-Волынской области стараются обезсилить это вновь зарождавшееся государство и потому вмѣшиваются въ его дѣла, слѣдствіемъ чего и были походы 1275 и 1277 годовъ, изъ которыхъ въ первомъ участвовалъ и Романъ.

Возвышеніе Брянска, относительно выгодное положеніе, которое князь этой области занялъ въ отношеніи татаръ, заставляетъ галицко-волынскихъ князей искать съ нимъ родственнаго союза, и въ 1263 г. Романъ выдалъ за Владиміра Васильковича свою младшую дочь, Ольгу[2]).

Но это значеніе Брянска было непродолжительно: оно держалось только дѣятельностью Романа. Не имѣя силы по своей незначительности, это княжество не могло расшириться, потому что было окружено со всѣхъ сторонъ русскими-же областями. Впрочемъ попытка съ этой стороны была сдѣлана Романомъ. Мы видѣли, что еще при Святославѣ Всеволодовичѣ между Смоленскомъ и Черниговомъ были старые счеты за границы. Вѣроятно, теперь Романъ воспользовался ими, чтобы расширить предѣлы своего княжества. Въ 1286 г. онъ напалъ на Смоленскую область, осадилъ самый Смоленскъ, сожегъ его посадъ, пожегъ окрестные села, но дальнѣйшаго успѣха не имѣлъ[3]). Этимъ оканчиваются наши извѣстія о его дѣятельности. Мы не знаемъ о времени его смерти, но въ 1309 году на брянскомъ столѣ мы видимъ смоленскихъ князей. Слѣд. борьба между этими двумя княжествами не окончилась только походомъ Романа въ 1286 г., а продолжалась. Вокняженіе въ Брянскѣ смоленскихъ князей[4]) не могло совершиться мирно,

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 556.

[2]) Ibidem, стр. 569.

[3]) Никон. лѣт стр. 85, ч. III.

[4]) Карамзинъ (Ист. Госуд. Рос. т. IV прим. 220) признаетъ Василія

такъ какъ у Романа были сыновья, Олегъ и Михаилъ. Какъ-бы ни было, но положительно можно утверждать, что, со смертью Романа, Брянскъ теряетъ значеніе вслѣдствіе начавшихся тамъ усобицъ. Въ 1309 году Святославъ Глѣбовичъ выгналъ оттуда своего племянника, Василія. Онъ отправился въ Орду, явился оттуда съ Татарами и выгналъ въ свою очередь Святослава. Митрополитъ, Петръ, бывшій въ это время въ Брянскѣ, думалъ помирить ихъ и совѣтывалъ Святославу подѣлиться съ племянникомъ или уступить ему княжество. Святославъ понадѣялся на горожанъ, говоря: „Брянци мя, господине, не пустятъ, но хотятъ за мене головы своя положити“: но Брянцы, „коромольници суще“, во время битвы бросили знамена и бѣжали въ городъ. Святославъ остался только со своимъ дворомъ и послѣ упорной защиты былъ убитъ [1]). Василій, утвердившись въ Брянскѣ, сдѣлалъ еще попытку усилиться и, какъ кажется, съ этою цѣлью въ 1310 г. съ помощью Татаръ захватилъ Корачевъ, при чемъ былъ убитъ Святославъ Мстиславичъ, княжившій тамъ [2]).

Такъ доживала свою самостоятельную историческую жизнь разрозненная Сѣверская земля, въ то время, какъ на западѣ, въ видѣ Литвы, и на сѣверѣ, въ видѣ Москвы, явились два центра, стремившіеся сгруппировать около себя остальную Русь, центры, сильные своею сплоченностью, шагъ за шаговъ притягивавшіе къ себѣ разобщенные осколки другихъ русскихъ областей. Сѣверской землѣ предстоялъ теперь выборъ, къ какому изъ двухъ этихъ центровъ пристать. Литва и Москва стараются каждая ввести ихъ въ составъ своихъ областей, и первое столкновеніе между ними начинается за Смоленское княжество [3]). Но историческія выгоды были на сторонѣ первой. Въ Москвѣ

сыномъ Олега или Михаила Романовичей, а Святослава младшимъ сыномъ Романа. Но, во первыхъ, у насъ нѣтъ извѣстій о третьемъ Романовичѣ, а во вторыхъ, Никонов. лѣтопись называетъ Василія Александровичемъ, а Святослава Глѣбовичемъ. Говоря о смерти перваго изъ нихъ, лѣтопись называетъ его внукомъ Глѣба, правнукомъ Ростислава, праправнукомъ Давида смоленскаго. Поэтому придется скорѣе признать ихъ смоленскими, какъ это предполагаетъ и г. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. III, прим. 430).

[1]) Никон. лѣт. ч. III стр. 106.

[2]) Ibidem. Стр. 107.

[3]) В. Б. Антоновичъ. Очеркъ Исторіи В. К. Литов. стр. 130.

воплотились идей Суздаля, а это отталкивало южныя общины отъ соединенія съ ней; между тѣмъ литовскіе князья своимъ уваженіемъ къ русской народности, къ ея обычаямъ, располагали къ себѣ населеніе Сѣверской земли. Въ виду необходимости стать на чью-либо сторону, города ея предпочли признать надъ собой власть литовскаго князя. Это лучше всего доказывается опять дѣлами въ Брянскѣ. Въ 1339 году тамъ началась сильная борьба между княземъ и общиной. Брянцы, собравшись на вѣче, убили Глѣба Святославича [1]). Едвали здѣсь споръ былъ за прерогативы власти, нарушенныя съ той или другой стороны. Удѣльные князья не имѣли въ то время силы бороться съ вѣчемъ, а напротивъ искали въ немъ поддержки, какъ это мы видимъ въ дѣлѣ Василія и Святослава въ 1310 году. Скорѣе можно предположить, что борьба происходила изъ-за стремленія Брянска стать подъ покровительство Литвы. Въ 1355 г. Ольгердъ Гедиминовичъ двинулся на Смоленскъ и Брянскъ, и вслѣдъ затѣмъ мы видимъ въ послѣднемъ снова страшную усобицу, причемъ самый городъ подвергся разоренію, и Брянцы признали власть Литвы [2]).

Брянскъ, выдавшійся изъ остальныхъ удѣловъ Сѣверской земли, благодаря энергіи своего населенія, одинъ заслужилъ лѣтописнаго извѣстія о переходѣ его подъ власть Литвы. Мы не имѣемъ никакихъ упоминаній о присоединеніи къ послѣдней другихъ частей Сѣверской земли. „Вѣроятно, послѣ паденія Брянска многіе удѣльные князья Сѣверщины добровольно признали надъ собою власть Ольгерда и потому въ послѣдующее время многіе представители княжескаго черниговскаго рода: князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д. продолжаютъ княжить въ своихъ удѣлахъ подъ верховною властью великихъ князей Литовскихъ. Тѣ-же области, которыя поступили въ непосредственное владѣніе Ольгерда, онъ раздѣлилъ на три удѣла между членами своего семейства: Дмитрію Ольгердовичу старшему достался Черниговъ и Трубчевскъ; другой Дмитрій—Корибутъ Ольгердовичъ младшій получилъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскій; наконецъ племянникъ Ольгерда, Патрикій Наримунтовичъ упоминается въ качествѣ князя Стародуба Сѣверскаго [3])“.

---

[1]) Никон. лѣт. ч. III стр. 172.

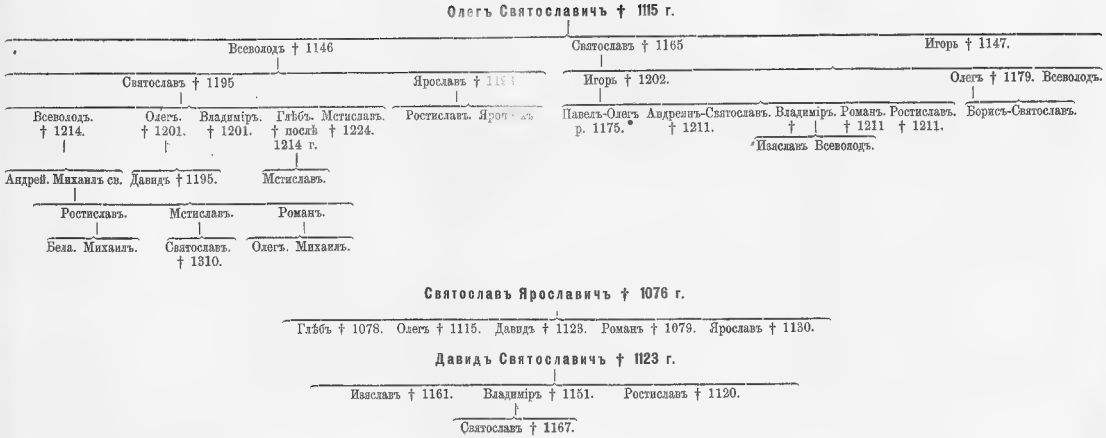
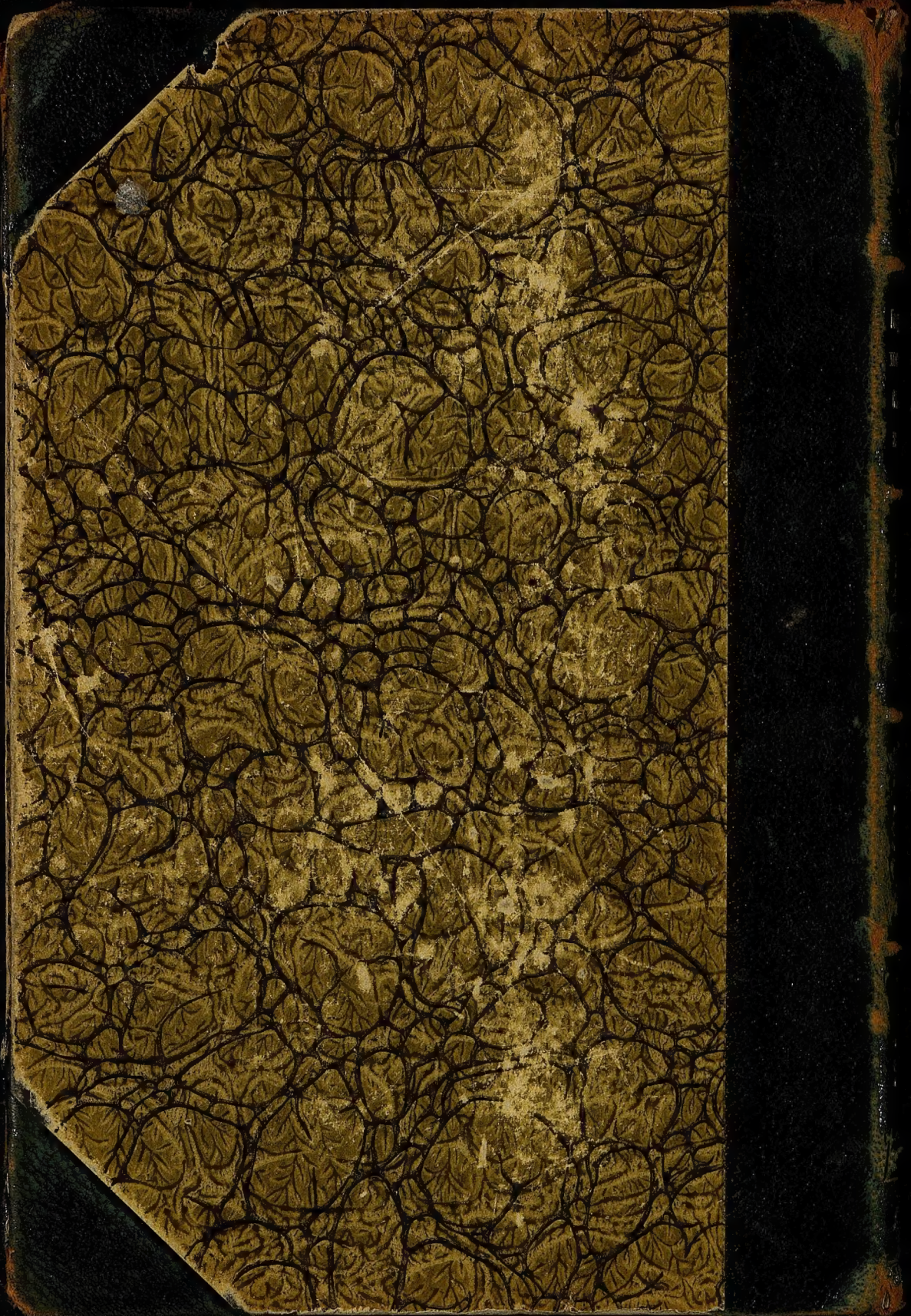
[2]) Ibidem стр. 207, ч. III.

[3]) Очеркъ Исторіи В. К. Литовскаго. Стр. 134—135.

НЕ НУЖНО

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Напечатано.*	*Должно читать.*
4	примѣч. 1 Д. Иловайскаго	Г. Иловайскаго
17	„ 4 признаемъ	признаетъ
18	строка 1 гнали	шли
—	2 полями	топями
19	прим. „Ипатск. Лѣт. стр. 222. Потому что зналъ.....	„Ипатск. Лѣт. стр. 222, потому что зналъ.....
27	—13 черные собаки	черные соболи
29	— 4 у скрѣлы и т. д.	и т. д.
54	—14 сочувствоаать	сочувствовать
90	— 1 по своему желанію,	по своему желанію.
	—12 власти	власти
	—14 Свясославичу	Святославичу
	—19 почтому	поэтому
100	— 7 Яросвавъ	Ярославъ
103	—19 Оленеву	Осеневу.
106	— 8 бить	быть
111	— 8 прекратизась	прекратилась
112	примѣч. по своей	по всей
120	— 3 съ внутреніемъ	съ внушеніемъ
120	— 8 вмѣтательство	вмѣшательство
133	—20 нопытка	попытка
174	—27 Въ 1200 году....	Въ 1210 году....
179	—29 въ Русокой землѣ....	въ Русской землѣ....
186	— 7 планомъ	планамъ
189	—28 бивали	бывали.


Олегъ Святославичъ † 1115 г.
Всеволодъ † 1146
Святославъ † 1165
Игорь † 1147.
Святославъ † 1195
Ярославъ † 1187
Игорь † 1202.
Олегъ † 1179. Всеволодъ.
Всеволодъ. † 1214.
Олегъ. † 1201.
Владимиръ. † 1201.
Глѣбъ. † послѣ 1214 г.
Мстиславъ. † 1224.
Ростиславъ. Ярославъ
Павелъ-Олегъ р. 1175.
Андрей-Святославъ † 1211.
Владиміръ. † 1211
Романъ. † 1211
Ростиславъ. † 1211.
Борисъ-Святославъ.
Изяславъ
Всеволодъ.
Андрей. Михаилъ св.
Давидъ † 1195.
Мстиславъ.
Ростиславъ.
Мстиславъ.
Романъ.
Бела. Михаилъ.
Святославъ. † 1310.
Олегъ. Михаилъ.

Святославъ Ярославичъ † 1076 г.
Глѣбъ † 1078.
Олегъ † 1115.
Давидъ † 1123.
Романъ † 1079.
Ярославъ † 1130.
Давидъ Святославичъ † 1123 г.
Изяславъ † 1161.
Владиміръ † 1151.
Ростиславъ † 1120.
Святославъ † 1167.